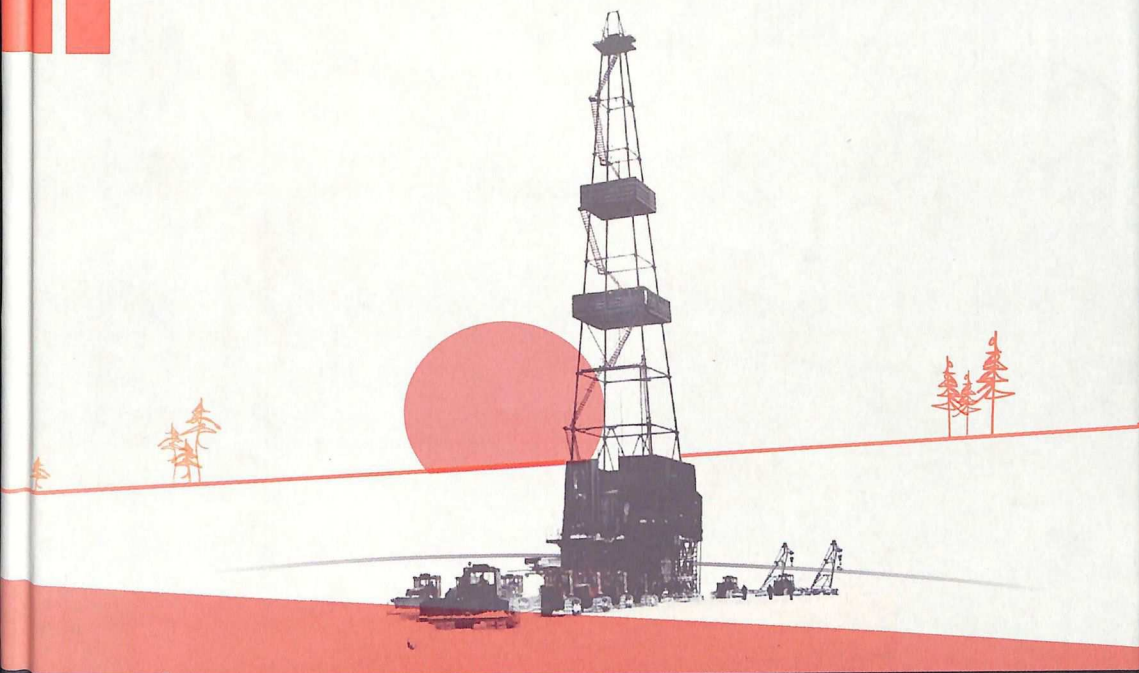

К26.343.17
Ф34

Виктор Федотов

МАРАФОН

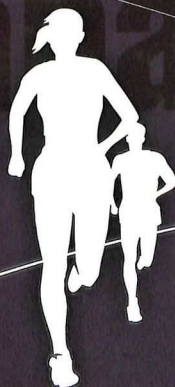
Марафон

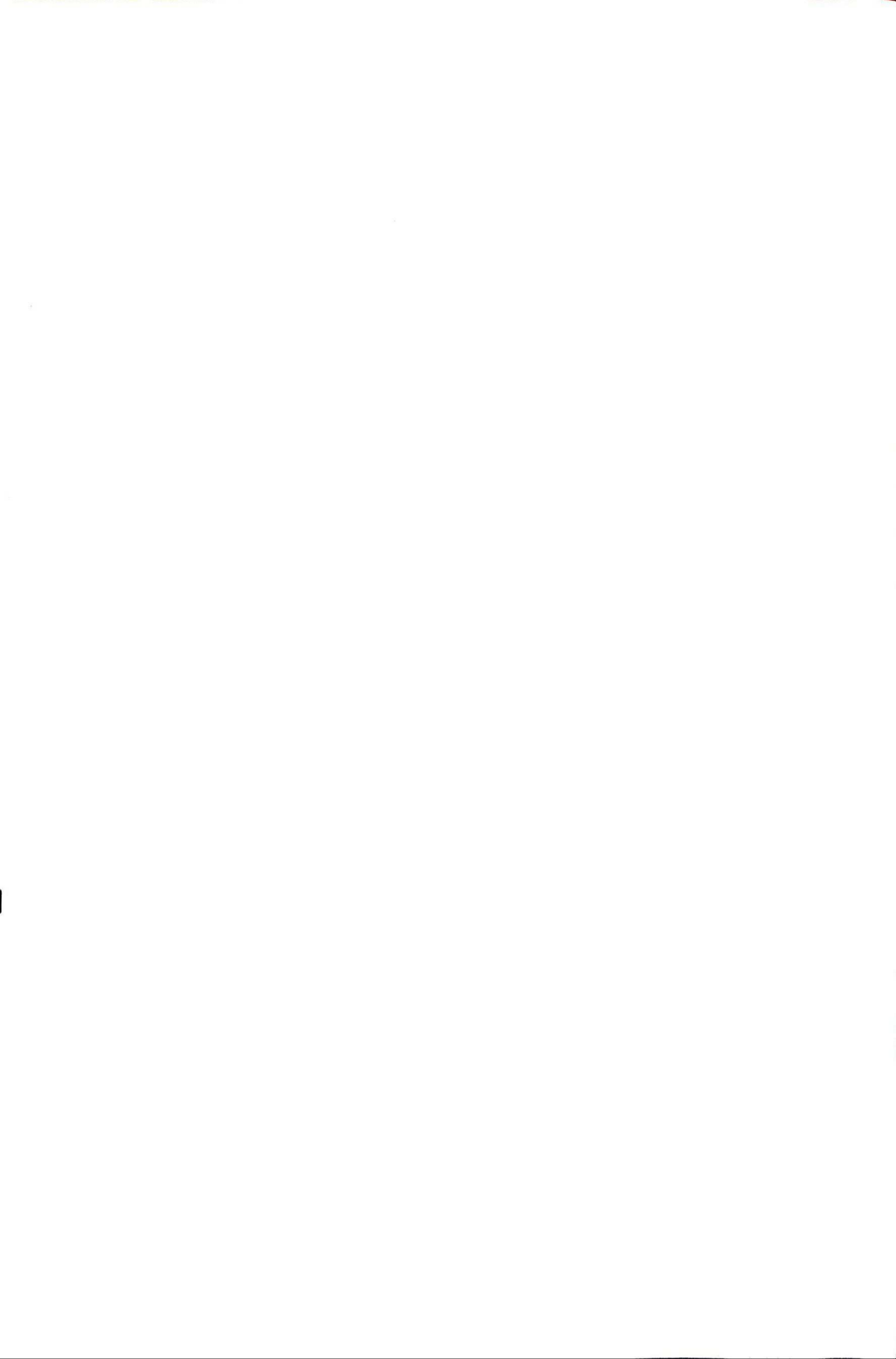
Марафон

Марафон

Марафон

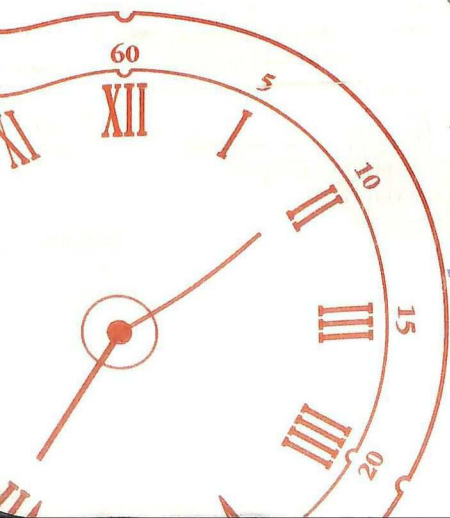
Марафон

Виктор Федотов

МАРАФОН

10081141

МУН ЦБС
г. Сургут

156/КР

Сургут
Фонд "Словесность"
2010 год

Автор - ветеран-геологоразведчик, член Союза журналистов России, Виктор Федотов написал воспоминания о работе в Западной Сибири, о людях, с кем сталкивала его судьба. Это довольно интересное повествование о жизни, быте, людях, которые в труднейших условиях работали над созданием и развитием топливно-энергетического комплекса. Свои воспоминания он назвал «Семейная хроника», но по сути это хроника времени, в каком он жил и продолжает жить.

Автор остро чувствует время и дает нам возможность окунуться в прошлое: ветеранам - напомнить, как это было, молодежи - понять, какая цена уплачена за то, чтобы округ превратился в высокоразвитую территорию России. Параллельно, что очень актуально, многие вели здоровый образ жизни, занимаясь спортом. И не случайно автор, которому шестьдесят лет, и поныне в спортивном строю, победитель и призёр многих марафонских пробегов.

Часть первая

САМОТЛОРСКИЙ МАРАФОН

Посвящается 50-летию
первого десанта геологов
в Среднем Приобье,
100-летию трудовой династии
и 150-летию рода Федотовых

I

II

III

Глава первая

Третье Баку - открытие века

Триста семьдесят лет - трудовой стаж в нефтяной промышленности династии Федотовых: моих родителей Алексея Кузьмича, Дарьи Алексеевны и их десятирých детей. Моя доля - сорок лет.

Р-1 Самотлор – так называлась первая разведочная скважина, давшая 29 мая 1965 года жизнь крупнейшему нефтяному месторождению, чёрной жемчужине Сибири. Именно в этот день вместе с заочником, старшим дизелистом буровой бригады первооткрывателя Самотлора Григория Норкина - Борисом Никоноровым, я защитил диплом в Бугурусланском нефтяном техникуме, что в Оренбуржье. Борис, приезжая с северов на сессии, останавливался в доме, где я жил. Вечерами вокруг него собиралась дворовая молодёжь и слушала романтические рассказы о таёжной жизни геологоразведчиков Мегионской экспедиции. С ним-то и проводили меня с железнодорожного вокзала в далёкий Мегион родители, друзья детства и студенческой юности.

Целую неделю с однокашниками Юрием Лариным и Александром Дерягиным мы добирались до места, с интересом впитывая первые впечатления от встреч с великой Сибирью и людьми, покоряющими её необъятные просторы.

Везло мне на общение с великими покорителями нефтяной целины. Первая остановка в Тюмени, встреча и напутственные пожелания начальника Главного геологического управления, Героя Социалистического Труда Юрия Георгиевича Эрвье. С этой незаурядной личностью впоследствии я встречался ещё трижды и каждый раз получал заряд бодрости, оптимизма и веры в правильность выбора нелёгкой профессии геолога.

От Тюмени до Тобольска ехали автобусом, преодолевая на паромных переправах многочисленные реки. В Тобольском речном порту Борис познакомил меня со знатным буровым мастером Семёном Лукичом Малыгиным. Он вместе с большой семьёй возвращался из отпуска в Мегион. Позже за открытия в Западной Сибири многим геологам, в том числе и Малыгину, было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Александр Дерягин сошёл в посёлке Горноправдинск, где нефтеразведочную экспедицию возглавлял легендарный Фарман Салманов. Юрий Ларин остановился в Сургуте. Годом раньше там образовалось первое в Западной Сибири нефтегазодобывающее управление, которое отправило баржей в Омск первую нефть Тюмени. Александр Дерягин ныне - главный механик объединения «Хантымансийскнефтегазгеология», а Юрий Ларин - заместитель начальника НГДУ «Фёдоровскнефть».

Через три дня путешествия по Тоболу, Иртышу и Оби зашли в протоку Мега и пришвартовались к высокому берегу, на котором стояло двухэтажное деревянное здание конторы Мегионской экспедиции с символической буровой вышкой у входа. На ней чётко выделялось: «48 тысяч метров». Это был годовой план бурения шестнадцати глубоких разведочных скважин - четыре на одну буровую бригаду. Через четверть века на этой же вышке красовалась цифра «175 тысяч метров» (восемь скважин на бригаду в год). С берега, насколько хватало глаз, открывалась панорама поймы Оби, залитая половодьем. Нижняя часть старой деревни Мега стояла в воде...

В конторе, кроме радиста, отбивавшего морзянкой суточную сводку, никого не было. Он посоветовал переждать до утра, предупредив, что в посёлке из 1200 человек населения 400 заключённых. То ли напугать, то ли предостеречь решил новичка. Выйдя на крыльцо, я увидел Малыгинскую семью, нагруженную отпускными покупками, и предложил помочь.

Своя-то сумка полегчала. Все дорожные продукты съедены, а вещей всего ничего - спортивный костюм, кеды, коньки да теннисная ракетка. С детства со спортом дружил. В 16 лет получил мотоциклетные права и, работая на каникулах водителем грузового мотороллера, с первой в жизни зарплаты купил настоящий гоночный велосипед, за что отцом был выгнан из дома. Семья была большая. Жили от получки до получки, питаюсь в основном выращенной на огороде картошкой, капустой да кашами на воде. Хлеба не хватало, а конфеты и сахар только по праздникам. В будни же - квас домашний с репой. Всё лето жил у старшей сестры Майны, а перед началом учебного года уже с целой зарплатой вернулся домой.

Всего три дня были знакомы с Семёном Лукичом и его супругой Марией Фёдоровной, а они как гостеприимные хозяева пригласили меня в дом и оставили ночевать.

- А заключённых не бойся. Они на Севере равные с нами люди. Все вместе живём, трудимся и отдыхаем. Если к ним с добром, добром и они отзываются, - сказал Мальгин. Первую ночь после дороги спал мертвецки на лежанке возле русской печки с младшим Малыгиным - двенадцатилетним Серёжкой. Через пять лет вместе с ним грызли гранит науки в одной группе Тюменского индустриального института.

В семь утра уже был в конторе экспедиции, но, несмотря на то, что рабочий день начинался с восьми, в кабинете начальника экспедиции Владимира Алексеевича Абазарова с шести часов шла утренняя планёрка. Секретарь пригласила пройти в кабинет, когда в нём, кроме начальника, остались главный геолог Модест Фёдорович Синюткин и начальник производственного отдела Степан Леонидович Каталкин. Состоялось короткое собеседование с корифеями геологии, открывшими не одно месторождение нефти, в том числе месяцем раньше и Самотлорское, за что позднее все получили высокие награды правительства. Абазаров стал лауреатом Ленинской премии. Добрые слова напутствия от них - и я уже в отделе кадров. Начальник заполнила анкету, забрала диплом и при мне закрыла его в железном сейфе. «Чтоб не потерял», - сказала она с усмешкой. Этот жест кадровика стоил мне пяти лет ожидания права на поступление в институт. А как хотелось быстрее получить высшее образование, не отставать от старшего брата Анатолия, закончившего Московский институт нефти и газа имени И. М. Губкина и работавшего механиком в соседней Сургутской нефтегазоразведочной экспедиции.

Поступив в распоряжение главного механика Капиша Абраева, поспешил поселиться в общежитии, - таком же мрачном одноэтажном здании барачного типа из бруса, как и все окрестные домишки. Комната четыре на пять метров с двухъярусными железными кроватями на восемь человек, стол, четыре стула, четыре тумбочки, вешалки на стене для рабочей и повседневной одежды. В углу умывальник с ведром. Холодный туалет на улице в пятидесяти метрах от общежития.

От первых впечатлений меня охватило унылое настроение, которое развеял молодой специалист - геолог Валентин Гавриков. Он приехал неделей раньше после окончания Львовского политехнического института. Образованный, музыкальный, знающий английский, он создавал в нашей комнате такую простую и душевную атмосферу, что забывались все трудности вдали от родного дома. Впоследствии общение с супружеской четой Гавриковых (его супруга Джемма Михайловна - геолог) в течение многих лет всегда вызывало воодушевление и настраивало на оценку смысла жизни. Валентин Андреевич позднее стал Генеральным директором объединения «Мегионнефтегазгеология», затем «Новосибирскнефтегазгеология», а Джемма Михайловна - опытным геологом, начальником отдела. Север для них - людей интеллектуального склада ума - был серьёзным и тяжёлым испытанием. Они прожили недолгую, но яркую жизнь и ушли из неё почти одновременно, как два лебедя, не живущих поодиночке...

После общения с Валентином, как на крыльях полетел, отправился в ремонтно-механические мастерские, где Капиш Абраев определил меня в звено слесарей-ремонтников бурового оборудования под опеку механика Анатолия Кузменкина.

Механики-самородки Капиш Абраев и Николай Егорович Перепелюк из Сургутской нефтегазоразведочной экспедиции выросли от дизелистов до главных механиков. Чтобы не отстать от требований жизни, уже будучи в годах, оба закончили Свердловский горный институт. Образованная молодёжь помогла им в этом. Так ковался сплав грамотной молодёжи и зрелого опыта, позволяющий строить сложное инженерное сооружение - нефтяную скважину.

С началом заморозков, в октябре-ноябре, мне всё-таки удалось поработать на Самотлорской разведочной скважине при ремонте дизелей, демонтаже, перевозке и монтаже бурового оборудования. Там же впервые встретился с буровым мастером, первооткрывателем Самотлора Григорием Ивановичем Норкиным и его бригадой.

Работа монтажника мне была знакома ещё со времени дипломной практики. Первая запись в моей трудовой книжке сделана 18 января 1965 года. Я начинал вышкомонтажником второго разряда в тресте «Первомайбурнефть», что в городе Отрадном Куйбышевской области. Там впервые в стране монтировали буровую установку с автоматическим проведением операций по спуску и подъёму труб (без верхового рабочего) при бурении глубоких нефтяных скважин.

Буровики Норкина приглашали меня в бригаду дизелистом. А восхитил их не столько качественный ремонт дизелей, сколько случай из моей спортивной жизни.

«Р-1» стояла на берегу озера Самотлор, имеющего в длину двенадцать, а в ширину восемь километров. Мороз в безветренную погоду сковал ровным льдом водную гладь, и я на коньках за два часа обежал вокруг озера сорок километров. Работать дизелистом в бригаду пришёл в следующем, 1966 году, но не к Григорию Норкину, а к Семёну Малыгину.

В год Московской Олимпиады Нижневартовский клуб любителей бега провёл первый марафон - пробег на сорок два километра от скважины «Р-1» до Нижневартовска. С тех пор марафон в честь первооткрывателей Самотлора проводится ежегодно. Неоднократным победителем марафона в своей возрастной группе бывал и я. В 2003 году - в год пятидесятилетия нефтегазовой провинции Западной Сибири (Березовский фонтан - 21 сентября 1953 года), именно 21 сентября в Нижневартовске проходил XXIV марафон. В честь этого события я пробежал пятьдесят километров и был первым в возрастной группе старше пятидесяти лет.

В шестидесятые годы вся страна, особенно комсомольская молодёжь, кто по путёвкам, кто после армии, а кто и за «длинным» рублём начала прибывать и осваивать нефтяную целину - третьё Баку. Первое Шаимское месторождение нефти было открыто 20 июня 1960 года скважиной «Р-6» Мульмынской площади бригадой Семёна Никитича Урусова - первого среди мастеров Героя Социалистического Труда (1963 г.). Пятьсот тонн в сутки давала скважина. Первая нефть на Омский нефтегазоперерабатывающий завод ушла баржей в мае 1964 года из Усть-Балыка (Нефтеюганска), а шестого июня из Мегиона. Этот год считается годом основания первых нефтегазодобывающих управлений в Сургуте и Нижневартовске. Геологами к этому времени в Среднем Приобье было открыто десять месторождений нефти*.

На комсомольский и военный учёт встал через пять месяцев работы. До районного центра Нижневартовска тридцать три километра добирались на бортовом ГАЗ-51 по первопутку-зимнику. В райкоме секретарь Рая Литвинова посоветовала зайти к только что назначенному председателем спорткомитета Станиславу Кондрашенкову. В то время спортивная жизнь в районе только начинала развиваться. Кондрашенков, узнав, что я имею спортивные разряды (лыжи, велосипед, коньки, настольный теннис), сразу назначил ответственным за спортивную работу в Мегионе и выдал удостоверения за №4 общественного инструктора и судьи по спорту. Посоветовал для знакомства преподавателей Мегионской средней школы супругов Мельниковых.

* Шаимское (20.06.1960), Мегионское (20.03.1961), Мортмыя - Тетеревское (12.10.1961), Усть-Балыкское (14.10.61), Соснинское (1962), Каменное (27.04.1962), Западно-Сургутское (26.03.1963), Локосовское (23.07.1963), Средне-Мульмынское (25.07.1963), Южно-Балыкское (23.01.1964).

Военком гарантировал три года не беспокоить призывом в армию: «Самотлору нужны молодые специалисты-геологи, нефтяники!»

Районный центр оказался менее благоустроенным, чем Мегион. Рубленые одноэтажные частные домики и такие же, только побольше, административные дома да несколько двухэтажных жилых домов нефтяников и строителей, обосновавшихся в районе годом раньше. Мегион стал превращаться в рабочий посёлок с 1962 года - с организации Мегионской НГРЭ, поэтому и выглядел посolidнее. Жилые и административные дома строили из бруса, пиленого заключенными на лесоповале в тайге.

К вечеру ветерок развернулся с севера, и погода вмиг показала свой сибирский нрав. Утром было -5 °С, а к вечеру - все -20 со снежной вьюгой. Обратном в Мегион пробивались два часа на том же открытом бортовом «ГАЗике», чередуя бег в туфельках на нейлоновый носок с выталкиванием застревавшего в переметённой колее грузовичка. Две девушки в кабине и три парня наверху. Два помощника бурильщика из бригады Малыгина. Ребята окончили в Тюмени ГПТУ-7 - кузницу трудовых кадров для буровых. Не зря говорят: «Два помбура заменят трактор». Это летучее выражение по оценке смекалки, силы и выносливости полностью подтвердило значимость таких людей в сложных жизненных ситуациях на севере.

В Мегионе, оставив помбуров в общежитии за бутылкой спирта, переоделся в спортивную форму и пошёл в школьный спортзал - единственное в посёлке место для занятий физкультурой и спортом. Спортзал - громко сказано. Это была комната 8 на 14 метров, чуть побольше учебного класса, но с высоким потолком. За теннисным столом вела игру в нападающем стиле против мужчины молодая, спортивно сложенная женщина. Вдоль стенки на скамье сидело в очереди несколько ребят, к которым присел и я. Вышел на игру с женщиной после всех проигравших юношей и, к изумлению болельщиков, выиграл подряд три партии. Во время игры познакомился с соперницей. Она оказалась той самой Мельниковой Анастасией Ефимовной, заочно рекомендованной мне председателем спорткомитета. Настя была сильнейшей теннисисткой в Мегионе не только среди женщин, но и мужчин.

Так в одночасье я стал чемпионом Мегиона, а впоследствии - района по настольному теннису. Настя, поближе узнав мой стиль игры, иногда выигрывала у меня. Она подарила мне свою лучшую шведскую ракетку, которой играю и по сей день.

После тренировки супруги Мельниковы пригласили на открытие лыжного сезона в ближайшее воскресенье. Александр Васильевич Мельников или просто Саша, как он представился, закончил во Владимире физкультурный факультет и вместе с физиком Анастасией приехал учить мегионских ребятшек.

В воскресенье с Сашей вышли на лыжах в тайгу и по сейсмопрофилям-просекам проложили лыжню в четыре следа. Два следа для отталкивания палками, чтобы не проваливались в глубоком снегу. Как специалист физвоспитания и опытный лыжник Саша научил меня технике скольжения, методике проведения тренировок и восстановления сил, то есть режиму спортивного образа жизни. После лыжного бега уставшие, но удовлетворённые проложенной трассой для проведения школьниками уроков физкультуры, вернулись во двор деревенской избы на краю посёлка, где жили Мельниковы. Во дворе их сынишка Васька играл с сибирской лайкой.

Настя хлопотала по дому и пригласила всех на обед. Саша прежде затащил меня в подпол-подвал для хранения продуктов. Холодильников в посёлке не было, но продуктов впрок заготавливали много. По весне резали лёд на реке и опускали его в подпол на всё лето. Из большой эмалированной ванны Саша зачерпнул кружкой красно-янтарного напитка – брусничного морса и предложил мне выпить. Такого вкуснейшего, особенно для обезвоженного после тренировки организма, напитка я ещё не пил. Три кружки махом опорожнил. Много напитков испробовал, но мочёная брусника - лучший напиток всех времён и народов! Живя на севере, каждую осень заготавливаем бруснику и клюкву, и всю зиму ягоды хранятся свежими в замороженном виде.

После тренировки - самые лучшие витамины для восстановления организма. Обед после пяти месяцев питания баночными тушёнкой и колбасным фаршем оказался мне тоже на славу. Спиртного в повседневной жизни Мельниковы не признавали, за исключением великих праздников - три-четыре раза в году. Узнав о моём желании продолжить образование, они как преподаватели посоветовали пойти в вечернюю школу и к лету получить аттестат для поступления в институт.

Так началась моя самостоятельная жизнь в геологоразведке. Днём - работа, вечером - учёба в школе, тренировки в спортзале. В воскресенье - тренировки на лыжах, соревнования, вечером - художественная самодеятельность, танцы после кинофильма в клубе «Строитель». В общежитие приходил только ночевать да переодеться после работы.

В июне получил аттестат и вместе с первыми выпускниками средней школы Владимиром Печориным и Виктором Долговым (раньше средняя школа была в районе), собрался поступать в Тюменский индустриальный институт.

Начальник экспедиции Абазаров в отпуске отказал: «В отпуск будете ездить, как я. Три года работы, затем отпуск за один год, а за два - денежная компенсация».

В посёлке Абазаров был и работодатель, и отец-воспитатель, и судья-повелитель. Может быть, в то время в том дремучем, но богатом нефтью крае, иначе было нельзя. Ведь через десять лет с момента отправки первой нефти годовая добыча в Среднем Приобье достигла 116 миллионов тонн. В тяжелейших природно-климатических условиях таких темпов добычи нефти мировая практика не знала.

В этот период начали действовать ударные стройки, зазвучали призывы к молодёжи активно осваивать Западную Сибирь. Центральный штаб в Тюмени возглавил Геннадий Шмаль. Для повышения культурного, морального и боевого духа ЦК ВЛКСМ посылал в Западную Сибирь агитбригады артистов, поэтов. Под патронажем радиостанции «Юность» на белом катере геологов «Академик Ферсман» по Оби, с заходом во все рабочие посёлки, с концертами выступали Ян Френкель, Иосиф Кобзон, Алла Пугачёва, поэты Тюмени Юван Шесталов, Иван Николокин. Геннадий Шмаль лично сопровождал их и знакомил с членами штабов ударно-комсомольских строек. На всю жизнь запомнилось мне стихотворенье Ивана Николокина «Буровики», посвященное участникам первой научно-технической конференции молодых ученых и специалистов, которая состоялась в Тюмени 20-21 апреля 1966 года. Я декламировал его на концертах художественной самодеятельности.

Вот они - герои наших встреч.
Знают ли они об этом сами?
Бросив рукавицы между свеч,
Тянут свечи голыми руками.

Стройные возводят фонари,
А под ними скважины кустами.
Люди, понимающие жизнь,
Собственными, грубыми руками.

Вот они, я всюду узнаю
Их по смелой, трудовой сноровке.
По привычке жить в любом краю,
По бывалым курткам и спецовкам.

И я горд, что жизнь меня свела
С ними на большие расстояния.
В паспорте буровиками назвала,
Самое большое выдав звание.

Мне как ответственному за спортивную работу и секретарю комитета ВЛКСМ Мегионской НГРЭ Тамаре Симоновой посчастливилось быть членами штаба комсомольской ударной стройки по освоению Самотлора. Первое задание было: обеспечить спортивным инвентарём наш посёлок. Всё лучшее, что было в магазинах и на базах в Тюмени, с помощью Геннадия Шмаля (в ту пору первого секретаря обкома ВЛКСМ) было закуплено и загружено в самолёт.

Даже удалось выбить несколько пар лыж, изготовленных по спецзаказу для местных мастеров спорта. В 1967 году лыжники Мегионской НГРЭ вместе со мной и Александром Мельниковым выиграли областную спартакиаду геологов. На субботах рядом с конторой экспедиции построили спортивную площадку - хоккейный корт с деревянным полом. Такая конструкция, заимствованная по методу деревянных тротуаров в посёлке, позволяла в течение десяти лет заниматься спортом (футбол, волейбол, баскетбол, теннис и др.) на свежем воздухе при любой погоде, а зимой играть в хоккей. За активную общественную работу члены штаба были награждены транзисторными переносными радиоприёмниками «Спидола» - большим дефицитом того времени. Приёмник в полевых условиях принимал все радиостанции Советского Союза и даже мира. Как музейный экспонат он был представлен на празднике 50-летия нефтегазоносной провинции в Музее геологии Ханты-Мансийска.

В ноябре 1967 года на сборном пункте в Тюмени перед призывом в армию мне дали десять дней отпуска. Дома в Бугуруслане на денежную компенсацию за неиспользованный отпуск купил подарки родным: матери - зимнее пальто, отцу - мотороллер. По семейной традиции все родственники собрались на провода в родительском доме. Участники войны - отец и старшие дядьки - благословили на добрую службу Отечеству.

Через неделю вагонной тряски, ночью, привезли в часть, помыли в бане, выдали обмундирование, уложили в казарме. Утром просыпаюсь, а перед глазами буровая вышка! Первое ощущение, что нахожусь на буровой в тайге. А на самом деле окна казармы выходили на Каспийское море, на мелководном шельфе которого находился морской нефтепромысел - вышки на эстакадах. Это оказался нефтяной промысел «Лениннефть», что в пригороде Баку. Видно, судьба с рождения связала меня с нефтянкой. Даже до рождения находился в утробе матери, работающей кочегаром на нефтепромысле. А трёхмесячным старшие сёстры-школьницы Тамара и Юлия носили меня на закорках за два километра к матери на кормёжку. Старшие воспитывали младших - таков закон многодетной семьи.

Глава вторая

Детство и школьные годы

Весна 1950 года в Оренбуржье выдалась ранней и жаркой. Уже в начале мая городок нефтяников Бугуруслан утопал в душистом запахе сирени и акаций. На берегу реки у конторы Большекинской нефтеразведочной экспедиции утром Первого Мая собрались на демонстрацию работники со своими семьями. Среди общей массы празднично одетых выделялась трудовая династия Федотовых. Многие с наградами, как военными, так и трудовыми, заслуженными и в бою, и в тылу за добычу нефти для фронта. Мать, Дарья Алексеевна, держала на руках последнего - годовалого Вовку, который ручонками перебирал медали на её груди. Яркими солнечными бликами сияла самая высокая награда - золотая звезда «Мать-Героиня». Накануне, перед самым праздником, от имени Верховного Совета СССР награду вручили на торжественном собрании нефтеразведчиков. Награда вручалась только при условии, что в живых остались все десять детей, а последнему должен был исполниться год. Отец, весь в орденах и медалях, держал меня на плечах, откуда я с любопытством взирал на происходящее вокруг. Когда колонна тронулась, отец посадил меня на празднично-украшенную красным кумачом машину и велел держаться за цифру «1», сказав:

- Будь всегда первым, сынок!

Эти его слова запомнились на всю жизнь.

Имея восьмерых детей, работая в нефтяной промышленности, отец отказался от брони и ушёл на фронт. Прошёл с боями от Москвы до Берлина. Пять орденов и восемь медалей на груди. В том числе орден «Боевого Красного Знамени» с Гражданской войны. Воевал конармейцем в легендарной дивизии Василия Ивановича Чапаева. Штаб армии Фрунзе одно время находился в Бугуруслане, на моей родине. Учась в школе, мы вместе с классом ходили в трёхдневный поход по историческим местам боевой славы дивизии Чапаева. Гражданская война для отца закончилась в низовьях Урала, он и остался там у старшего брата Ивана работать на Эмбинских месторождениях нефти. До революции мой дед Кузьма держал кузницу в родной деревне Пешелань Арзамасского уезда Нижегородской волости. Дед был кузнецом, а подручными-молотобойцами трудились его сыновья – Иван и Алексей. Кузницу экспроприировали в пользу колхоза, а чтобы не выселили семью, дед отправил своего сына, моего отца, добровольцем в Красную Армию. По окончании Гражданской войны отец и невесту свою - Дарью - привёз на Эмбу, а через год, в августе 1923 года, родилась у них первая дочь - Лидя.

С 1910 года началась трудовая биография династии нефтяников Федотовых. Сейчас уже четвёртое поколение работает нефтяниками - это правнуки Константин и Евгений Кулаковы в «Оренбургнефтегазе» и Ольга Анфимова – начальник плано-экономического отдела НГДУ «Бугурусланнефть».

В 1936 году старшего брата моего отца – Ивана – репрессировали, сослали в Восточную Сибирь, в Иркутскую область. Его жена - Елизавета - с двумя детьми возвратилась в Ленинград. Она была из дворянского сословия и вышла замуж за Ивана во время его учёбы в Петербурге в 1910-1917 годах.

С пятью детьми отец с матерью переехали из Казахстана в Бугуруслан, где вскоре стали добывать первую нефть, положившую начало освоению района второго Баку (Оренбургская, Куйбышевская области, Татария, Башкирия). Степановское месторождение (скважина №1) до сих пор работает и даёт

нефть. Она находится в пяти километрах от Бугуруслана. Теперь, подъезжая к родному дому, взором встречаю её, а если на машине, то обязательно останавливаюсь и прислоняюсь к тёплому устью, по которому журчит нефть.

Трое детей родилось в Бугуруслане до войны, причём младшенькую Юлю отец увидел, вернувшись с Победой из Берлина летом 1945 года. Из восьми детей один был сын – Анатолий, 1936 года рождения. Остальные семь -дочери: Лидя – 1923 года, Тоня – 1926 года, Таня – 1929 года, Зина – 1932 года, Майя -1934 года, Тамара – 1938 года и Юлия – 1941 года рождения. Старшая – Лидя - после окончания медицинского училища служила во фронтовом госпитале, освобождала Украину от фашистов и по окончании войны осталась там.

Тоня во время войны работала на нефтяных промыслах Бугуруслана, в комсомольском продотряде: готовила обеды и стирала спецодежду нефтяникам - буровикам, которые день и ночь давали нефть для Победы.

После войны жили в бедности, в тесноте, но дружно. Размещались в двухкомнатной квартире барачного типа. Четверо младших спали на деревянной кровати-топчане, которая на день поднималась вертикально к стене и крепилась.

Старшие, Майя и Толя, учились в нефтяном техникуме и спали на отдельных кроватях. Вместо простыней - старая одежда, укрывались ватными одеялами и сверху фуфайками или родительскими полшубками, так как зимой было холодно. В войну были сильные морозы и младшенькая - Юленька, открываясь, обморозила ноги. От неё отгоняли крыс, которые пытались грызть помороженные пальчики ног, когда она спала. Газовую печку топили только днём, чтобы ночью не угореть и не отравиться. Печка была на кухне и одной стороной – духовкой - выходила в комнату. В духовке постоянно была наша еда -печёнка- испеченная с кожей картошка.

За городом нефтяникам выделяли землю под огород. Огород у нас был большой - три сотки на один рот. Картошки, капусты и свёклы хватало на всю зиму. Огород был за рекой в низине, и весь урожай осенью приходилось возить домой в гору на тележке. Остальные овощи сажали возле дома на небольшом участке земли. Грибы, ягоды, орехи и травы для чая собирали в лесу. Природа богатая – бывшие угодыя рода писателей Аксаковых. Жили у колхозного рынка-базара, на котором сельчане – бывшие угодыя деревень продавали продукты и всякую живность: от коров и лошадей до птицы и кроликов.

Помню, мы с младшим братом Вовкой и племянником Мишкой жарким летом поили людей водой на базаре по копейке за стакан. Было нам по четыре-шесть лет. Жаждающие продавцы и покупатели особенно хорошо пили родниковую воду, за которой мы с трёхлитровыми бидончиками бегали на родник за три километра от города. За день приносили матери целый рубль. Она давала на мороженое и кино, а на остальное покупала хлеб. За городом на нефтепромысле работали наши дядьки и Мишкин отец. Дядя Миша Рыбаков был бурильщиком в бригаде Героя Социалистического Труда Сакадина, дядя Валя Хлебнов - трактористом, дядя Гена Репин - прорабом, перетаскивавшим буровые вышки. Вышка, перетаскиваемая тракторами через хлебное поле, казалась нам кораблём, плывущим по морю. Водитель полуторки дядя Вася Бавенков (Мишкин отец) развозил запчасти по буровым и станкам-качалкам. Он иногда и нас попутно подвозил до города.

Нас в то время интересовали не столько грохочущие механизмы, сколько содержимое обеденных термосков нефтяников. Однако на кронблок, на высоту пятьдесят три метра, в их сопровождении лазали. Дух захватывало, но ещё больше завораживал вид, открывавшийся сверху.

Особенно красива была пойма реки Кинель, огибающей городок. На реку бегали купаться, рыбачить. У обрывистых берегов руками доставали из нор раков. Подрастая, стали ездить на велосипедах, а после - на мотовелосипедах. Узнали весь район в радиусе двадцати пяти – пятидесяти километров. В пору созревания зерновых, помогали колхозникам уничтожать сусликов. Каждый суслик съедал и заготавливал за лето до мешка пшеницы или ржи. Вёдрами таскали воду из речки и ручьёв и

«выливали» из нор зверьков. Бывало из одной норы выживали целый выводок до десяти сусят. В правлении колхоза получали по десять копеек за сданный хвост. Такую трудную работу выполняли в жаркий полдень, когда рыба не клевала, а суслики становились на задние лапы и любопытно озирались по сторонам, вертя головами. Тут-то мы их и засекали. Хороший клёв рыбы был на вечерней и утренней зорьках. Часто оставались на реке с ночёвкой, загодя предупредив мать с отцом. Дома не сидели. Играли в казаков-разбойников, лапту, клёк, городки. Сами сделали теннисный стол, у которого была постоянная очередь желающих поиграть. На спортплощадке рядом расположенного ремесленного училища гоняли футбольный мяч. Играли в баскетбол и волейбол. Устраивали дворовые и уличные соревнования. Зимой после учёбы пропадали на городском катке - залитом футбольном поле. Родители, бывало, посылали за нами старших сестёр и загоняли домой делать уроки. Став постарше, играли в хоккей с мячом, бегали на «ножах» (норвежках) и соревновались между школами.

Первой учительницей в начальной школе №4 была Евдокия Иосифовна Косач. Заслуженный учитель РСФСР, награжденная орденом Ленина, она в прямом смысле прививала нам любовь к знаниям, уважение к родителям, родным и пожилым людям. Евдокия Иосифовна организовала нам питание, так необходимое в то тяжёлое время. На большую перемену в класс заносили бидон парного молока и корзину французских булочек. Ещё тёплое, с утренней дойки в ближайшей деревне Карповка, молоко разливали по гранёным стаканам и вместе с горячей глазированной и посыпанной сахарным песком булочкой давали ученикам. Родители утром провожали нас в школу обязательно с пятаком. Однажды я потерял свой пятак, но сидевшая за одной партой Нина Талагаева поделилась со мной обедом. С тех пор я стал защищать её от мальчишек.

Класс был дружный. Вместе ухаживали за растениями на ботаническом участке при школе, собирали овощи и ягоды на городском питомнике, за что часть урожая получали натурой.

В честь Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в 1957 году в Бугуруслане был разбит городской парк, и мы с Ниной посадили рядом берёзку и лиственницу. Каждый ученик посадил своё дерево: три Володи - Бочкарёв, Крылов и Кухарев, Тимка Муртазин, Валера Симонянц, Слава Наумов, Люда Исатова, Нина Подлесная, Тома Корсакова, Люда Пермякова, Эмма Ненштель, Зина Волосёнкова, Тая Мартынова...

С годами деревья выросли так, что не обхватить руками. Приезжая в отпуск, отдыхали с маленькими сыном и дочкой под этими деревьями. Фотографировались, памятуя о том, что человек в жизни должен построить дом, посадить дерево, вырастить сына и дочь.

По окончании семилетки я поступил в нефтяной техникум. За учёбу платили стипендию - семнадцать с половиной рублей, что было солидной прибавкой к отцовскому заработку в шестьдесят рублей. Мать, уже находясь на заслуженном отдыхе, получала тридцать три рубля. Отец как участник войны тоже мог не работать. Ранение руки в Гражданскую, контузия и осколочное ранение лёгких в Отечественную давали право на пенсию в сорок пять рублей. Но отец ремонтировал дизели для буровых и только в шестьдесят лет по рекомендации врачей ушёл на лёгкий труд - мотористом в пионерский лагерь. Лагерь находился в сосновом бору за десять километров от города. Электричества не было. Свет и воду подавали от передвижной дизельной электростанции, установленной рядом с родником. Вначале был дизель от американского трактора «Фордзон», позже его заменили нашим ДТ-54. Отец с детства приучал нас к механике. В десять лет мы сами перебирали мотовелосипед, в четырнадцать - мотороллер, в шестнадцать - дизель или бензиновый двигатель автомобиля. Себя отец называл «николаевским» механиком, старшего сына Анатолия - «хрущёвским», а нас с Володькой - «брежневскими».

Отец был великолепным механиком-самоучкой с четырехклассным образованием церковно-приходской школы. Мать вообще без образования, но читать и писать могла.

В ста метрах от электростанции, на берегу лесного пруда, отец срубил домик-избушку и с мая до ноября жил там. Мать и дети уже со своими ребятишками - внуками приезжали к деду Алёше, как на дачу.

Места красивейшие - нетронутая урбанизацией природа. Дары природы собирай, не ленись:

грибы, ягоды, орехи - лещина, травы на чай и народное лечение.

В пруду водились зеркальные карпы. На берегу - кордон от деревни Карповки. Работники кордона мочили в пруду липу, драли лыко и плели верёвки, циновки под матрацы, лапти сувенирные. Тут же из корней и бересты варили дёготь. Всё это вывозилось в город на колхозный рынок для продажи. Отец из липовых ветвей вырезал дудки и свирели, играл на них и нас, ребятишек, учил. Музыка он не только любил слушать, но и играл на трофейном аккордеоне, балалайке. Любил аккомпанировать большой рюде и сам подпевал. Вся большая родня Федотовых на юбилеи или праздники летом собиралась на любимой лесной поляне, заросшей метровыми ромашками, голубыми колокольчиками, душицей и зверобоем. Веди неспешные разговоры о прожитой и будущей жизни, перемежая беседы русской народной песней. А разогревшись, рубили правду-матку короткой частушкой. Замечательными певуньями были сестры: Зина, Таня и Майя. Фронтовики во главе с отцом о войне не говорили - боялись беречь душу и старые раны, но, выпив рюмку-другую, расслаблялись и пели песни военных лет. Любимыми песнями отца были: «Гулял по Уралу Чапаев-герой», «За фабричной заставой», «Землянка», «Синий платочек».

Семейные традиции не нарушались. И в последующие годы дружно съезжались к родному гнезду с Украины, Таджикистана, из Тюмени. После смерти родителей, проживших до семидесяти шести лет, продолжали встречаться, но реже и каждый раз в меньшем числе. Идём на могилки помянуть отца и мать, а потом на их любимую лесную поляну. Последний раз все десять сестёр и братьев встречались в 1990 году, а в 2000 уже семеро. В возрасте пятидесяти пяти лет погиб в автокатастрофе старший брат Анатолий. Майя и Тамара тоже ушли из жизни, не достигнув и шестидесяти. До встречи в 2005 году не дожили Зина и Таня. Память о них продолжается в жизни детей, внуков правнуков. Всего - шестьдесят два наследника рода Федотовых.

Приезжая на родину в Бугуруслан, сразу иду на могилки отца и матери и только после возложения живых цветов, останавливаюсь в родительском доме. Ежедневно утром бегу к роднику. Пью вдоволь чистой родниковой воды, обливаюсь с головы до ног и бегом назад. Ровно полумарафон - двадцать один километр - самая любимая моя дистанция. После такой пробежки заряжаюсь энергией на весь день. Да что день! До следующего возвращения в родные пенаты...

Когда бегу на соревнованиях, мысленно представляю, что впереди родник жизни. Благодаря этому побеждаешь не только себя, но и соперников на дистанции, выполняешь завет отца - быть всегда первым. Первым там, где живёшь, где трудишься...

Глава третья

Армейская служба

После трех месяцев воинской службы, не дав закончить сержантскую школу, меня передислоцировали в спортивный клуб армии в Баку. Командир взвода - старшина Шиленко, сожалел, что отпускает готового радиста-радиотелеграфиста войск ПВО в спортроту. Участвуя в соревнованиях по бегу среди солдат первого года службы, я занял первое место в части, дивизии, а затем и в Бакинском округе ПВО. Тренируясь в спортивном клубе армии Баку, уже на первых стартах выполнил норматив первого разряда, а через полгода стал кандидатом в мастера спорта.

На первенстве Советской Армии по кроссу в городе Мукачево отбор в Московский ЦСКА делал сам Владимир Куц - олимпийский чемпион пятьдесят шестого года в Мельбурне на дистанциях пять и десять километров. В ЦСКА я не прошёл по возрасту. Мне уже исполнилось двадцать два года, а туда набирали восемнадцатилетних. Но Куц дал мне программу-план трёхгодичного цикла тренировок для выполнения мастерского норматива. За время службы стал чемпионом Баку. Неоднократно выступал за сборную Азербайджана на зональных соревнованиях в Кишинёве, Тбилиси, Ташкенте, Киеве и на чемпионате страны по эстафетному бегу в Ужгороде.

В сборной Азербайджана по лёгкой атлетике в то время были чемпионы Советского Союза: по прыжкам в высоту Нина Брынцева и спринтер Александр Корнелюк. Удалось пообщаться с олимпийскими чемпионами Фаиной Мельник (диск), легендарным Виктором Санеевым (тройной прыжок), Геннадием Смагой и Владимиром Голубничим (спортивная ходьба). Особенно запомнилось двухнедельное общение в Ужгороде с будущим двукратным олимпийским чемпионом спринтером Валерием Борзовым. Наш Саша Корнелюк был основным соперником и другом Борзова. Спринтеры жили в соседней комнате и тренировались на стадионе. Мы же, средневики и стайеры, тренировались в основном за городом и бегали кроссы по виноградникам.

Соревнования в Ужгороде проходили в конце сентября. Виноград в эту пору созревал. Мы, конечно, лакомились свежесорванными гроздьями, и сторожа разрешали нам брать с собой. После каждой тренировки приносили по целлофановому пакету винограда в гостиницу и угощали спринтеров, не выбегавших из города. Вечерами, лёжа в кровати, строили спортивные планы и восстанавливали силы виноградом. А у Борзова я перенял научный подход и методику тренировок в легкоатлетических дисциплинах. Уже много лет спустя, будучи в ранге министра спорта Украины, он сказал: «Такая методика помогла мне стать олимпийским чемпионом».

А встреча эта произошла в девяносто седьмом году в Одессе на открытом чемпионате Украины по марафону и бегу на сто километров. Отдыхая в отпуске на пляжах Одессы, я пробежал очередной марафон.

После службы в СКА республиканский комитет по спорту предложил мне остаться в Баку и учиться в любом вузе. Я воздержался от заманчивой перспективы. Геология звала меня на Север...

Глава четвертая

Возвращение на Самотлор

Новый, семидесятый год, я встретил в Мегионе после демобилизации. Заехал на недельку в Бугуруслан повидаться с родителями, а из Тюмени за три часа долетел до Нижневартовска. В Нижневартовске уже стояло несколько пятиэтажек, местный аэропорт принимал самолёты «Ан-24». Мегион же после двух с половиной лет моей отлучки выглядел практически без изменений. Правда, там был построен клуб «Геолог», где на новогоднем балу я встретился с друзьями и коллегами по нефтеразведке. За час до боя курантов в зал вбегает краснолицый, слегка «поддавший» начальник цеха бурения Юрий Романченко и командует мне:

- Военная тревога!

Вахта собралась не в полном составе, вездеход АТС (артиллерийский тягач средний) стоял у клуба. Впрыгнул в «семейный» тягач, где сидели бурильщик Михаил Павлюченко, помбур Гена Серков и помдизелиста Владимир Илькин. Тягач называли «семейным» за то, что в его тёплой кабине размещалась целая вахта - шесть человек. Это в военное время был расчет боевого орудия, которое буксировал тягач. Заехали в общежитие переодеться в спецовку. До буровой, что находилась на Самотлоре в тридцати километрах от посёлка, к двенадцати часам доехать не успели. Без пяти минут бурильщик скомандовал:

- Стоп машина!

Разлил по четырём кружкам пол-литра спирта и предложил выпить за Новый Год. Я воздержался, но чтобы не выглядеть белой вороной, из своего рюкзака достал бутылку шампанского.

Но бурильщик сказал:

- Кто не выпьет спирт, пойдёт пешком до буровой!

Трое выпили, а я вылез из тёплого тягача, повернул в сторону Мегиона и, сделав марш-бросок в 40-градусный мороз на двадцать километров, продолжил новогодний бал в клубе.

Мастер Семён Лукич Малыгин не допустил к работе приехавшую навеселе вахту и отправил их обратно домой, обязав водителя тягача забрать меня по дороге. Каково же было удивление водителя, увидевшего меня вальсирующим в клубе!

С родной вахтой, из которой ушёл в армию, стал работать на скважине, где впоследствии испытатели получили первую нефть Белозёрного месторождения - спутника Самотлора. Через несколько лет, уже после окончания вуза, работая помощником бурового мастера, зарплату в бухгалтерии получал на всю бригаду. Поначалу деньги за Михаила Павлюченко получала его жена - учитель по профессии. Я попросил её в следующий месяц за получкой прислать супруга. Михаил пришёл. Я достал из холодильника запотевшую бутылку спирта, и мы выпили «мировую». После этого случая ни Михаил, ни другие члены буровой бригады Семёна Малыгина в рабочее время спиртного не принимали.

Спустя три месяца после армии меня перевели механиком цеха бурения. Вместе со звеном слесарей мы готовили и запускали буровое оборудование перед забуркой скважины. Вечерами залезал в спальник и штудировал математику и физику.

Глава пятая

Студенческие годы

В июле семидесятого по направлению от производства я поступил в Тюменский индустриальный институт. Выбрал специальность буровика. Специальности дизелиста, механика связаны с обслуживанием оборудования, находящегося на поверхности. Всё видно и слышно. А скважина - это сложнейшее инженерное сооружение, расположенное под землёй. Причём каждая имеет свои геологические и технологические особенности. Безаварийная проводка их до проектной глубины требует повышенных знаний, интуиции, основанной на многолетней практике. То есть это более интересная, творческая работа.

Поначалу общеобразовательные предметы давались очень тяжело. Сказался большой перерыв в пять лет с момента окончания техникума до поступления в институт. Да ещё приходилось совмещать учёбу с занятиями спортом. Благодарен начальнику экспедиции Абазарову Владимиру Алексеевичу и начальнику «Главтюменьгеологии» Эрвье Юрию Георгиевичу, которые создали жилищные и материальные условия, позволившие очно закончить учёбу.

В Тюмени поселился в главковском общежитии со всеми бытовыми удобствами. На производственных и дипломной практиках работал в лучших буровых бригадах Мегионской экспедиции Макара Владимира Антоновича, Хафизова Фаата Закиевича, Малыгина Семёна Лукича. Прихватывал и каникулы, оставляя на отдых неделю. Заработанных денег хватало на следующий год учёбы. На одной из практик участвовал в эксперименте по выявлению оптимального режима работы и отдыха буровой бригады, проводимого группой врачей. В те годы начинали внедряться вахтовый метод работы и работа одной буровой бригады одновременно на двух скважинах. Всё это делалось для достижения рекордных проходок. Впоследствии такие рекорды будут названы порочными, «дугими», достигнутыми за счёт выжимания пота. За месяц эксперимента отработал двойную норму часов. Ладно, я был всего два месяца на практике, а каково было буровикам, постоянно работающим в таком режиме? Мой младший брат Владимир из Самары отработал бурильщиком-вахтовиком на Самотлоре двадцать лет и по профзаболеванию вынужден был уйти на лёгкий труд.

Буровики мастеров Макара, Халина, Соловьёва ставили рекорды проходки по отрасли, а в счёт компенсации потерянного здоровья получали дефицитные товары, машины, квартиры. Излишние деньги, на которые нечего было приобрести, откладывали на сберкнижки. Впоследствии государство обесценило их трудовые вклады.

Участь на старших курсах, подрабатывал в главковском научно-исследовательском геологическом институте в лаборатории буровых растворов у Козубовского Александра Ильича, кандидата технических наук. В молодости Александр Ильич был мастером спорта по боксу и, как никто другой, поощрял мои занятия спортом.

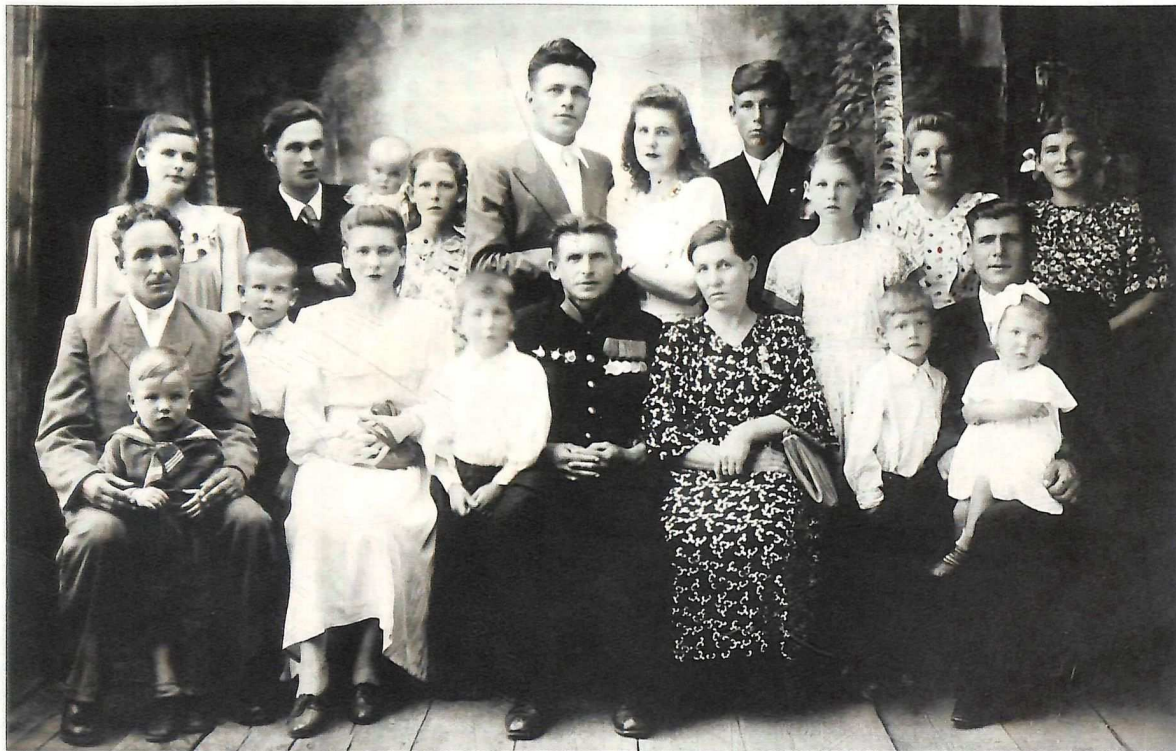
С научно-исследовательским институтом была связана не только моя производственная деятельность, но и личная семейная жизнь. В то время принято было к любому юбилею, празднику проводить «голубые огоньки» на предприятиях, в клубах, общежитиях. На Седьмое ноября в красном уголке нашего общежития собралась молодёжь. Переодевшись после тренировки, я заглянул на огонёк. Не успел я переступить порог, как ко мне подошла девушка в голубом платье, ладно облегающем её точёную фигурку, и нацелила мне на левый лацкан костюма алый бантик. Десять секунд взгляда глаза в

1945 г. Родоначальники династии Федотовых: Алексей Кузьмич и Дарья Алексеевна.

Родовой герб династии Федотовых.

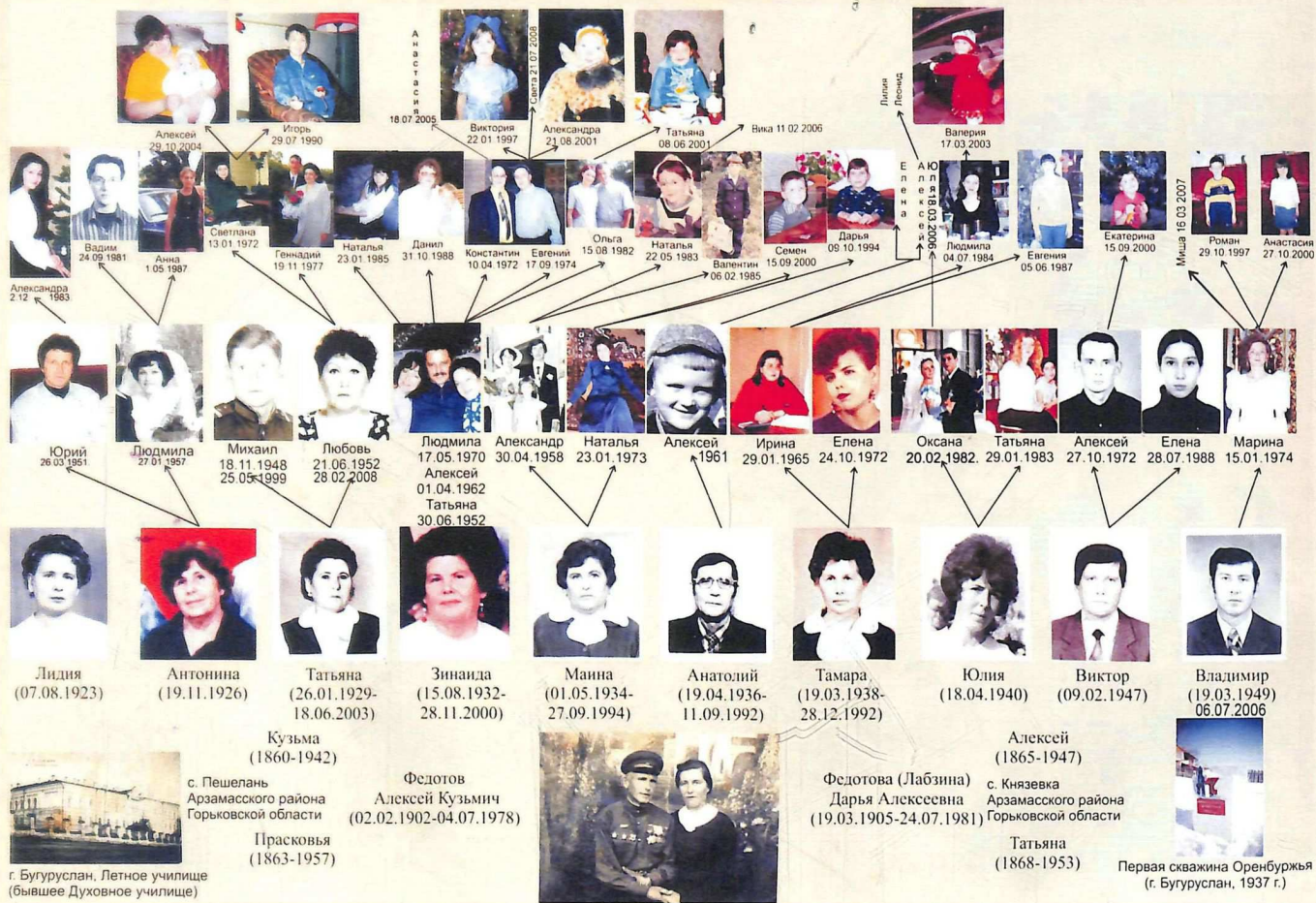
1953 г. Многодетная семья в полном сборе (десять детей).

1990 г. Братья и сестры Федотовы на юбилейной встрече.

2005 г. Юбилейная встреча династии Федотовых на родине.

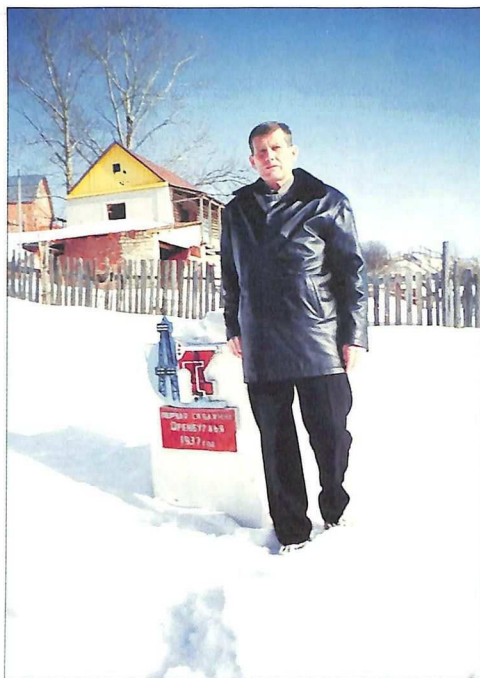
Древо жизни семьи Федотовых по состоянию на 2009 год.

2005 г. День памяти отцу А. К. Федотову у мемориала Воинской Славы в г. Бугуруслане.

1957 г. На новогодней елке братья Федотовы (слева – Виктор и Владимир) с племянниками Людмилой и Юрием Рыбаковыми.

2007 г. Виктор Федотов у обелиска первой скважине Оренбуржья (второе Баку), пробуренной 70 лет назад при участии отца, Алексея Кузьмича.

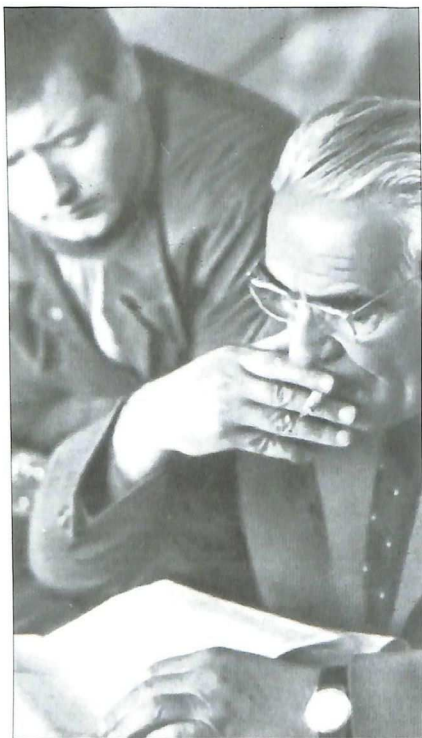
1963 г. Наставления отца детям перед дорогой.

Весна 1965 г. На первой скважине Самотлора.
Слева направо: Худорожков Генрих Павлович – начальник геологического отдела,
Синюткин Модест Федорович – главный геолог,
Каталкин Степан Леонидович – главный инженер Мегионской НРЭ.

1966 г. На забурке скважины Р-2 Самотлор.
Слева направо: Абазаров Владимир Алексеевич – начальник Мегионской НРЭ,
Каталкин Степан Леонидович – главный инженер, Абраев Капиш – главный механик.

1975 г. Над решением геологической задачи.
Эрвье Юрий Георгиевич – начальник
Главтоменьгеологии (справа),
Гавриков Валентин Андреевич – начальник
Мегионской НГРЭ.

1965 г. На демонтаже буровой Р-1 Самотлор.
Виктор Федотов – слесарь Мегионской НРЭ.

1969 г. Производственное совещание на буровой Самоглора Мегионской НРГЭ.
Слева направо: Николай Овчаренко – помощник бурового мастера, Александр Греков – бурильщик, Александр Петров – главный механик, Григорий Норкин – буровой мастер, Виктор Пархомович – главный инженер, Виктор Кануткин – главный энергетик, Валерий Андреев – начальник ПТО, Александр Сергунин – начальник цеха бурения, А. Д. Бондарь – старший топограф.

1967 г. Виктор Федотов –
дизелист буровой бригады мастера
С. Л. Мальгина, чемпион
Нижневартовского района по бегу.

1980 г. В Москве – Олимпиада, а у геологов Сургута – день лыжника. Слева направо: Василий Мартынов – инженер, Владимир Соловьев – буровой мастер, Николай Зевахин – радист.

1980 г. Шампанское из кубка за победу на Олимпиаде. Виктор Федотов – главный технолог, капитан сборной команды Сургута – победителя областной спартакиады геологов.

1976 г. Супруги Федотовы: Виктор – помощник бурового мастера Мегионской НГРЭ, Ирина – диспетчер АТП геологии с сыном Алексеем.

Эстафета поколений Федотовых

Отец Алексей Кузьмич – Берлин, 1945 г.

Сын Виктор – Баку, 1969 г.

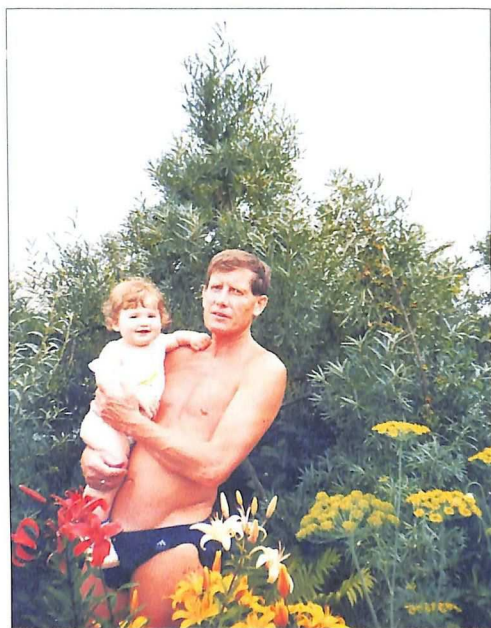
Внук Алексей – Монгольская граница, 1996 г.

1957 г. Перед демобилизацией из ГСВГ (Германия) в Сургутскую нефтеразведку.
Члены буровой бригады мастера В. Н. Лазаренко. Слева направо: Владимир Капустин – дизелист,
Владимир Денисов – бурильщик, Николай Стетюха – дизелист.

1990 г. Покорители Самотлора братья Федотовы.
Слева направо: Владимир – бурильщик, Анатолий – механик, Виктор – технолог.

2002 г. На даче с внучкой Екатериной.

2009 г. Федотовы дома в Сургуте с сыном Алексеем и дочерью Еленой.

ТЮМЕНСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ

НЕФТЕГАЗПРОМЫСЛОВЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИНСТИТУТ

Шаронов И.В.

Богачев В.В.

Билатов С.Г.

Зигурдин А.И.
Зам. декана

Дворниченко В.В.

Градилов В.С.

Семетуров В.В.

Ручагин В.В.

Катыпов В.В.

Костин С.И.

Фомаренко В.В.

Кузнецов В.В.

Мальгин С.И.

Зюстин В.В.

Салихов Р.И.

Суслов В.В.

Куликов В.В.

Богородица И.И.

Восков В.В.

Белкин В.В.

Савин В.В.

Борисов В.В.

Бурев В.В.

Рыков С.В.

Филиппов В.В.

Митков В.В.

Григорьев В.В.

Ковалев В.В.

Степанов В.В.

Солдатов В.В.

Киселев В.В.

Сидоров В.В.

Степанов В.В.

ВЫПУСК

1975г.

Башев В.В.

Савин В.В.

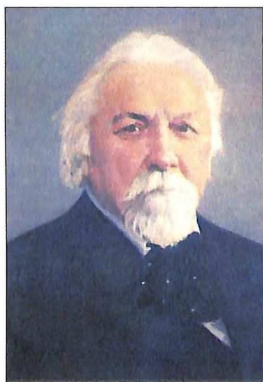
Савин В.В.

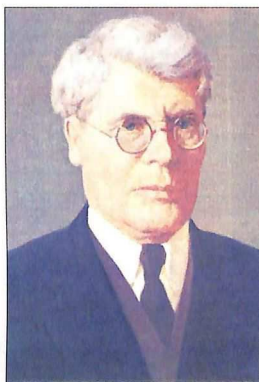
1975 г. Выпускная группа буровиков Тюменского индустриального института.

2005 г. 30 лет спустя. Встреча выпускников ТИИ – 1975 г.

А.П. Картинский.
Президент VII МГК. 1897.

И.М. Губкин.
Президент XVII МГК. 1937.

А.Е. Ферман.
Генеральный секретарь
XVII МГК. 1937.

Выдающиеся деятели отечественной геологии.

Васильев Виктор Григорьевич – начальник Обь-Иртышской экспедиции геологов в Среднее Приобье в 1934–36 гг.

1958 г., п. Локосово. Лазаренко Вячеслав Николаевич – буровой мастер Нижнемысовской партии глубокого бурения.

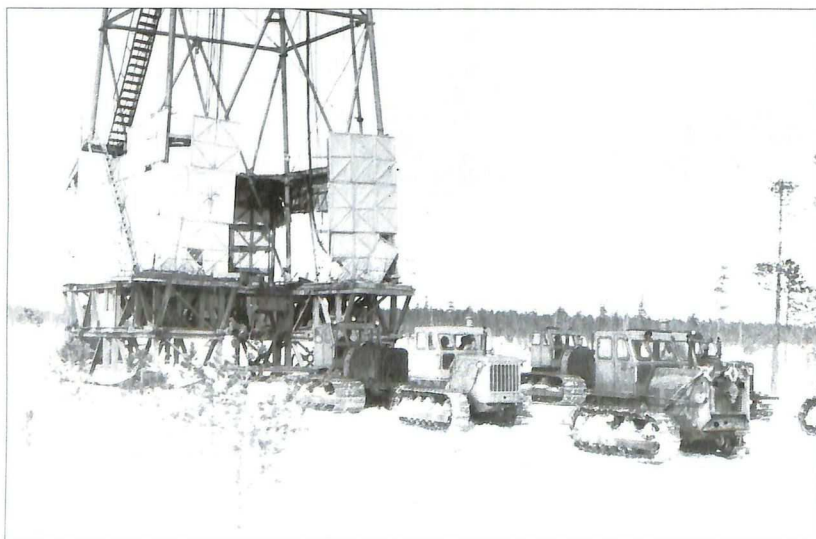
1958 г., п. Локосово. Бригада монтажников Геннадия Зевакина на строительстве буровой Р-31.

1959 г. Первая пробуренная скважина в Сургутском районе Р-31 Локосовская.
В центре – Ф. К. Салманов с бригадой бурового мастера В. Н. Лазаренко.

1958 г., п. Локосово. На крыльчке вдвоем. Молодожены Капустины:
Раиса Васильевна – культработник, Владимир Александрович – дизелист.

1964 г. Перетаскивание вышечного блока на Тайлаковском месторождении Сургутской НРЭ.

17 мая 1964 г., 18 ч. 06 мин. Пошла первая промышленная нефть Тюмени с Усть-Балыкского месторождения. Справа – Ф. К. Салманов.

1961 г. Геофизические работы на скважине Р-2 Нахлачинская. Ханты-Мансийская комплексная геологоразведочная экспедиция. Слева: Григорий Ростиславович Новиков – старший геолог.

1962 г. Геодезисты ГП-49 на сейсмопрофиле Тром-Агана.
Второй справа – Николай Михайлович Куренной – начальник Сургутской
геодезической партии № 49.

1970 г. Первоймай в Сургуте. Слева направо: Александр Иосипович Гомберг – начальник ГП-49,
Николай Иванович Чабан – заместитель начальника Сургутской НГРЭ,
Лариса Михайловна Тиханкина – геолог СНГРЭ.

1967 г. Высадка на профиль геодезического отряда вертолетом Ми-1.
Справа направо: техники – Александр Перевалов и Владимир Тесленко,
начальник отряда – Николай Устюжанин.

1966 г. Лаборанты буровой бригады Г. И. Норкина – Татьяна Матвеева (слева)
и Наталья Липковская на скважине Р-2 Сомотлорской.

1972 г. Подготовка реактивной турбины (пушки)
для укрощения нефтяного фонтана на Варьёгане.

1970 г. Техник-геолог сектора подсчета запасов нефти Тюменского института ЗапСибНИГНИ
Радченко Ирина.

2009 г. Федотова (Радченко) Ирина Петровна – главный диспетчер ОАО «Объединенная геологическая».

8 марта 2009 г. «Мы геологи оба с тобой». Супруги Федотовы.

глаза было достаточно, чтобы понять: это - ОНА. Спринтерское общение, соответствующее времени быстрой стометровки, превратилось в длительный марафон всей жизни. По окончании Пермского геологоразведочного техникума Ира работала в секторе подсчёта запасов нефти научного института.

Наши институты находились рядом на одной улице в центре Тюмени. После работы и учёбы мы встречались и шли по центральной улице Республики к нашему общежитию. Иногда заходили в кинотеатр или кафе. Мне был немного знаком профиль её работы, и она однажды пригласила меня в свой отдел к «научникам». Общение с ними открыло мне совсем иной взгляд на представления о сложении земной коры, в толще которой находятся залежи нефти. Это была первая не только в Западной Сибири, но и в СССР группа учёных, внедряющих прикладную математику в геологию нефти с обработкой данных и построением карт прогнозных запасов с помощью ЭВМ. Возглавлял сектор кандидат геолого-минералогических наук Владимир Ильич Шпильман. С ним работали Гарий Плавник, Александр Еханин, Владимир Гришкевич, Лев Судат. Результаты их работы брались за основу перспективного развития целых нефтегазоносных регионов и привязанных к ним городов и рабочих посёлков. Шпильман защитил докторскую, а его ученики - кандидатские диссертации. Он создал региональный геологический научный центр, позднее названный его именем. Всем своим дружным коллективом они были на нашей свадьбе пятого мая 1972 года. На духовном подъёме седьмого мая я стал победителем весеннего кросса с новым рекордом города. А уже девятого мая нас встречали родители Иры в небольшом районном городке нефтяников - Осе, что в Прикамье, в ста сорока километрах от Перми.

Её родители всю трудовую жизнь посвятили нефтяной промышленности. Мать до преклонных лет работала главным экономистом, отец - главным энергетиком управления буровых работ. В наших детях соединились две трудовые династии нефтяников - Федотовых и Радченко. В конце семьдесят второго родился наш первенец - сын Алексей, названный в честь дедов - моего отца и отца Иры. Сейчас он работает в «Сургутгазпроме», до этого окончив Пермский государственный технический университет и отслужив два года офицером-танкистом на Монгольской границе.

На старших курсах проходимые предметы были знакомы и близки *мне*, поэтому учёбу стал совмещать с работой в научно-техническом центре института. Тема работы была продолжением профиля научных разработок Козубовского и Шпильмана: «Применение раствора на углеводородной основе при вскрытии продуктивных пластов при бурении оценочных скважин». Темой моего дипломного проекта была разработка технологии бурения оценочной скважины на Самотлоре. На научно-практической конференции в «Главтюменьгеологии» за свой доклад я был награждён Почётной грамотой и авторучкой с золотым пером. Награду вручал директор института, член-корреспондент Академии наук Иван Иванович Нестеров.

По окончании института однокурсники рвались в первую очередь на Самотлор в Нижневартовск или на Фёдоровку в Сургут. В Нижневартовск поехали Сергей Рыков (вырос до начальника управления буровых работ), Николай Бойко (главный инженер «Мегионнефтегаза»), Сергей Малыгин (начальник технологической службы), Николай Усольцев (начальник цеха капитального ремонта скважин), Анатолий Куликов (буровой мастер). В Сургуте начали работать Анатолий Елишев (начальник управления буровых работ), Николай Кузьмин (главный технолог управления буровых работ), Сергей Ефремов (начальник производственного отдела), Владимир Бурко (заместитель генерального директора «Славнефть»). Это была первая половина группы бурения выпуска Тюменского индустриального института семьдесят пятого года. Вторая половина разъехалась по всей Западной Сибири - в Когалым, Нефтеюганск, Урай, Уренгой, Салехард, Ноябрьск, Тарко-Сале. В последнюю субботу мая каждые пять лет мы собираемся в Тюмени и дружно отмечаем это событие на кафедре, а вечером - в одном из ресторанов. Никто из нас не изменил почётному званию буровика, данному в стенах альма-матер. У меня до сих пор сохранилось удостоверение «Буровика Сибири» за номером 4. Очередность распределения устанавливалась по среднему балу за пять лет учёбы. Но мне распределения не требовалось, так как учился по направлению Мегионской экспедиции, куда и вернулся. Начальник Главка Ю. Г. Эрвье имел

право изменить моё место работы. Но не смог переубедить меня, несмотря на заманчивые предложения с предоставлением квартиры в Тюмени. А предложения были таковы:

а) работа вахтовым методом из Тюмени в Карской экспедиции на Северном морском побережье, где начальником в то время был Абазаров Владимир Алексеевич, направлявший меня на учёбу;

б) работа в лаборатории у Козубовского Александра Ильича в научно-исследовательском институте.

Даже явный нажим со стороны Эрвье на меня не подействовал. Из комсомольского возраста к тому времени я уже вышел, а коммунистом ещё не стал. Это была моя четвёртая и последняя встреча с заслуженным геологом. Он спросил: «Почему не вступил в члены КПСС?». Я ответил, что в институте пытался вступить, но меня отнесли по социальному положению к интеллигенции, так как перед учёбой работал на инженерной должности механиком. По разнарядке горкома на одного вступающего в КПСС интеллигента должны быть приняты двое из числа рабочих и крестьян. А в институте было много желающих стать членом партии из профессорско-преподавательского состава. На прощание Юрий Георгиевич пожелал плодотворной работы в родной для меня Мегионской экспедиции и рекомендовал не затягивать со вступлением в ряды КПСС. Я поблагодарил его за оказанное доверие и сказал, что главную рекомендацию получил от отца, ставшего коммунистом в окопах под Москвой в 1941 году. Когда, будучи уже в Мегионе, пошёл «вступать в коммунисты», мой сын - трёхлетний Алёшка расплакался и ни в какую не отпускал меня из дома, держа за руку. Вечером, когда я вернулся домой, он с радостью встретил меня вопросом:

- Папа, ты ещё не памятник?

Нарочно не придумает, хоть записывая детское выражение в крылатые фразы «от трёх до пяти». Это было в канун Нового 1976 года. А дело в том, что летом ездили с Алёшкой по городам, где на площадях, в парках стояли памятники Ленину. Сынишке объясняли, что это Владимир Ильич, который был коммунистом, любил маленьких детей, ставил им ёлки, приносил подарки и водил хоровод, а ещё велел учиться всему хорошему... Сын и решил, что коммунистов превращают в камень и ставят на постамент. Комсомольцем Алексей успел стать, а вот коммунистом не пришлось. Может, это и к лучшему.

Глава шестая

Укрощение Варьегана

На общение с семьёй времени катастрофически не хватало, воспитанием Алёшки в основном занималась Ира. Из Средней Азии приезжала бабушка Ирины, но здешний суровый климат ей не пришёлся, и она уехала обратно.

Соткрытием месторождений нефти возрастал объём буровых работ, создавались новые буровые бригады. В одной из таких бригад под руководством мастера Василия Литвиненко я начал работать помощником бурового мастера. Работали на сложной в геологическом отношении Варьёганской площади. Мастер на всё лето уехал в отпуск, оставив бригаду на меня. Ещё в семьдесят втором году при бурении разведочной скважины на Варьёгане произошла большая авария - открытый газовый фонтан с возгоранием, падением вышки и образованием кратера - воронки. Под руководством главного инженера Мегионской экспедиции Степана Леонидовича Каталкина буровая бригада Норкина и специалисты военизированной противofонтанной части Героя Труда Григорьева Николая Ивановича быстро ликвидировали аварию. Более сложная авария произошла при бурении первой эксплуатационной скважины бригадой Казачкова из «Нижневартовскнефтегаза». После газового выброса, возгорания и падения вышки образовался большой кратер, который соединился с руслом реки Аган. На месте скважины образовалось озеро, в центре которого бушевал газовый факел высотой в сто метров. Для ликвидации открытого газового фонтана с построенной рядом буровой установки пробурили наклонную скважину и через неё задавили тяжёлым раствором и цементом аварийную скважину. На это потребовалось полгода.

Так что первые два года после окончания института дома с семьёй бывал не более пяти дней в месяц, и то днём оформлял документацию в конторе. После городской жизни особенно тяжело было в посёлке Ире. Хорошо, что дали однокомнатную квартиру в первом построенном в Мегионе пятиэтажном доме, и Ира создавала в ней уют. Для того времени это была большая роскошь, которой обеспечивали только ветеранов разведки и молодых специалистов.

На одной площадке с нами дружно жили семья вышкомонтажника Егора Горбатова, буровика Владимира Макара, испытателя скважин Бориса Хохлакова. Все они прошли суровую школу разведчиков недр и через многие годы стали мэрами города Мегиона, рабочего посёлка Высокий, города Нижневартовска.

С трёх лет Алёшка пошёл в садик. Ира приступила к работе в Мегионской экспедиции диспетчером по транспорту. На спорт времени у меня не оставалось, но физической нагрузки, особенно на буровой, не чурался. Вместе с буровиками катал трубы, тарил цемент, а если вахта была неполной, то выходил к ротору или за тормоз лебёдки бурильщиком. Когда налаживался нормальный технологический процесс бурения и можно было расслабиться, то уходил в тайгу с ружьём, зимой - на охотничьих лыжах. Стрелял мало, ружьё в основном было для физической нагрузки. Беговые же спортивные лыжи начальник цеха бурения Борис Шутов повелел вывезти с буровой. Обычно лыжню прокладывал вокруг вышки, чтобы было видно и слышно работу буровой. А тут вертолёт с комиссией и Шутовым. Я не успел их встретить. Через десять минут присоединился к комиссии, но этого было достаточно, чтобы получить «ЦУ» от Шутова. И всё-таки раз в год профком и комсомольцы-спортсмены

вытаскивали меня с буровой для участия в областной спартакиаде геологов в Тюмени. Привозили кубки и грамоты за первые места.

В год Московской олимпиады главный инженер объединения вычеркнул меня из списков сборной команды. В выходные дни пришлось ночным самолётом догонять ребят. Прямо с самолёта - на стадион, где успел дать зачётные очки по многоборью ГТО, что позволило команде занять первое место и кубок «Главтюменьгеологии», который до сих пор красуется в музее геологии Сургута. В воскресенье следующей ночью прилетел в Сургут, в понедельник утром уже был на работе, однако за «самоволку» всё же схлопотал выговор. Обычно в воскресные дни Генеральный директор проводил совещания с обязательным участием главных специалистов и начальников отделов. Меня же не оказалось на месте. «Работа, работа и ещё раз работа!» - девиз того времени.

После разведки Варьёганского месторождения и передачи его в разработку нефтяникам, вышли на перспективные Урьевскую и Поточную площади, где были открыты крупные месторождения нефти. Позднее там встали города Лангепас и Покачи, а на Варьёгане - город Радужный. В семидесятые годы в тех местах были урманы, болота да зимник для завоза бурового станка и материалов.

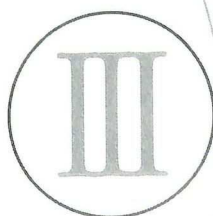
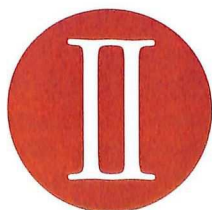
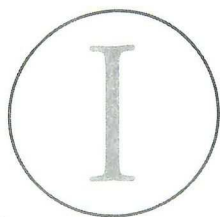
С увеличением объёма работ и организацией технологической службы экспедиции меня перевели в цех бурения инженером-технологом. Начальником цеха в то время был Евгений Царегородцев - грамотный технолог и человечески обаятельный руководитель. Впоследствии он вырос до главного инженера объединения «Уренгойнефтегазгеология».

Объёмы геолого-разведочных работ ежегодно возрастали на 20-25 процентов, за пятилетку - в два раза. В первое образованное в «Главтюменьгеологии» объединение «Обънефтегазгеология», что в Сургуте, ушли Владимир Абазаров, Валентин Гавриков, Степан Каталкин. Они пригласили и меня. Я дал согласие на перевод в Сургут ведущим инженером-технологом. В 1979 году назначили главным инженером Сургутской нефтегазоразведочной экспедиции, а ещё через год - главным технологом объединения. Но об этом этапе большой геологии в Среднем Приобье во второй части моего повествования.

Часть вторая

СУРГУТСКИЙ МАРАФОН

Глава первая

Первопроходцы

Ровно тридцать лет назад ранним июньским утром 1977 года на попутной барже, буксируемой катером «Ярославец», мы всей семьёй с домашним скарбом подплывали по широко разлившейся Оби к Сургуту. Солнце ещё не вставало над водным горизонтом, но далеко впереди показались 270-метровые ГРЭСовские трубы, освещенные первыми утренними лучами. Я всю короткую северную ночь провел на палубе баржи в уютном домашнем кресле. Супруга Ирина с пятилетним сыном Алешкой не выдержали атаки комаров и спустились в каюту катера. Бессонная ночь была заполнена воспоминаниями о романтической жизни и работе в Мегионской ордена «Знак Почета» нефтегазоразведочной экспедиции.

С 1965 года после Бугурусланского нефтяного техникума, что в Оренбуржье, я приехал на Самотлор, да так и остался на всю жизнь в Среднем Приобье, которое стало родным домом для меня, детей и внуков наших. Работал слесарем по ремонту бурового оборудования, дизелистом, механиком, помощником бурового мастера, инженером технологом. Был непосредственным участником-первооткрывателем нефтяных месторождений: Самотлорского, Варьеганского, Тагринского, Урьевского, Поточного и других, на базе которых встали города — Нижнеуртовск, Мегион, Радужный, Покачи, Лангепас. А в шестидесятые-семидесятые годы в тех местах были одни урманы и болота, да зимники для завоза буровых станков, оборудования и материалов.

Объемы геологоразведочных работ увеличивались невиданными в мировой практике освоения нефтегазовых регионов темпами, причем в тяжелейших природно-климатических условиях. Прирост запасов исчислялся миллиардами тонн нефти. 306 миллионов тонн нефти — таков прирост запасов в рекордный год только одного объединения «Обьнефтегазгеология», что было равно добыче нефти по Тюменской области в 1980 году или половине добычи в СССР. Добыча нефти в Тюмени ежегодно увеличивалась на 30-50 %. После отправки в 1964 году в Омск первой нефти из Усть-Балыка и Мегиона, добыча в 1975 году по Тюменской области составила 143,2 миллиона тонн.

В связи с возрастающим объёмом добычи нефти для увеличения оперативности ведения геологоразведочных работ 14 сентября 1976 года приказом № 498 Главного Тюменского ордена Ленина геологического управления было создано производственное геологическое объединение «Обьнефтегазгеология», в которое вошли пять нефтегазоразведочных экспедиций: Сургутская, Мегионская, Правдинская, Аганская и Вахская. Костяк объединения, состоящий из геологоразведчиков Сургута, пополнили опытные специалисты, прикомандированные из этих экспедиций. В том числе и я дал согласие на постоянную работу и проживание в Сургуте.

Как-то нас — полевых геологов — примет Сургут? Город со стотысячным тогда населением имел широко-развитую инфраструктуру, включающую железную дорогу, современный аэропорт, крупнейшую в СССР ГРЭС, работающую на попутном газе, производственные подразделения Сургутнефтегаза и Газпрома.

У города была многовековая история. Древняя Югорская земля — это страна лесов «Себир». «Спящая земля» — так называли её монголы. Первые описания Западной Сибири в своих воспоминаниях сделал венецианский купец Марко Поло, путешествовавший по Азии в XIII веке. Но ещё раньше, в XI веке, русские летописцы свидетельствовали о хуждении новгородцев на Югру и Самоядь (Ямал) за данью — собольим и лисьим мехом.

Многие века, вплоть до 1593 года, правителями Сибири были наставники русского царя из числа азиатов (братья Едигер и Бекбулат, узбекский правитель Кучум). Они облагали местных ханты и ненцев ясаком, часть которого (всего 1000 соболевых шкурок в год) выплачивали русскому царю. В 1581 году начал освоение Сибири атаман Ермак, который с русскими казаками разбил Кучума, но и сам погиб в 1585 году.

В 1593 году по указу царя Фёдора Иоанновича московскими князьями Фёдором Барятинским и Владимиром Аничковым был основан казачий сторожевой форпост — Сургут. В переводе с хантыгского Сургут — «рыбное место». Сюда пробрались и отряды вольных людей. В Сибирь шли люди, уходившие от ограничений и притеснений, и искавшие любой свободы — нравственной, религиозной, общественной, деловой и личной. Имена первопроходцев Сибири, их труды и дела останутся в памяти россиян навсегда: Семен Дежнев, Ерофей Хабаров, Василий Поярков, Петр Бекетов...

Основным занятием жителей Сургута были охота, рыбная ловля, заготовка леса, сбор даров тайги. В начале нефтяного освоения края жизнь сургутян практически не изменилась. Здесь был колхоз «Новый путь», рыбозавод и леспрохоз.

«Могущество России прирастает Сибирью будет!» — эти слова были сказаны ещё 250 лет назад знаменитым ученым и деятелем того времени Михайло Васильевичем Ломоносовым. И его пророческие слова полностью подтвердились, стали явью в наши дни. Когда-то отрезанный от остального мира суровый край нынче доступен в любом своем уголке. Ещё в конце позапрошлого века известные ученые-геологи В. А. Обручев и А. П. Карпинский предсказали наличие месторождений нефти в Западной Сибири.

Сибирский край издавна привлекал не только ученых. В 1903 году промышленное товарищество «Братья Пономаренко и К°» для поиска нефти арендовало земли возле Ханты-Мансийска в междуречье Салыма и Иртыша. В этих местах обнаруживались выходы маслянистых пятен на поверхности рек и озер. В настоящее время здесь открыты Салымское, Правдинское, Петелинское месторождения нефти.

В разное время и разные люди оценивали природные возможности нашего края по-разному. Одни говорили о пустоте и бедности зауральских недр, других манили запасы драгоценных металлов и минералов, третьих — нефть и уголь.

Освоение Сибири началось после Октябрьской революции. Кульминационным моментом в развитии нефтепоисковых работ стали прогнозы академика Ивана Михайловича Губкина, который в 1932 году, выступая в Свердловске на выездной сессии Академии наук СССР, научно обосновал наличие месторождений нефти в Западной Сибири. Первые геологические экспедиции у нас в Среднем Приобье работали ещё в 1934-35 годах.

Местная газета «Колхозник» в марте 1935 года впервые сообщила о работе в Сургутском районе геологоразведочной партии Виктора Григорьевича Васильева (геолог партии Родион Фомич Гуголь), бурившей ручным способом скважины глубиной 40 метров. На всю полосу газеты был дан заголовок: «Наша цель — найти место выхода нефти!»

В. Г. Васильев, 1910 года рождения, вместе с Р. Ф. Гуголем в 1934 году закончили Московский институт нефти и газа и по направлению от треста «Востокнефть» из Уфы во главе Обь-Иртышской экспедиции 1934-36 годах проводили изыскательские буровые работы в Остяк-Вогульском (Ханты-Мансийском) округе в районе рек Малого и Большого Югана, что от Сургута в сторону Угута. Васильев вместе с Гуголем по результатам работы экспедиции написали «Проект разведки нефти в Среднем Приобье» и изложили его академику

И. М. Губкину. С 1936 года Васильев трудился в Поволжье (Куйбышеве), создал центральную научно-исследовательскую лабораторию (ЦНИЛ), был директором Всесоюзного научно-исследовательского геологоразведочного института, управляющим Главка «Куйбышевнефть». Затем пять лет работал в Монголии, а с 1964 года - в Министерстве газовой промышленности начальником Геологического управления. Виктор Григорьевич Васильев — доктор геолого-минералогических наук, орденноносец труда и войны, Лауреат Государственной премии, автор многих книг и статей скончался 23 апреля 1973 года, выступая с трибуны на встрече ветеранов нефтяной и газовой промышленности. Его судьба - блестящий пример незаслуженно забытого подвига во время первых открытий тюменских геологов в 50-60 годы. Сейчас возрождается память о нём — первопроходце, геологе земли Югорской, человеке большой души, который всегда будет примером для тех, кто выбрал нелёгкую профессию поисковика. К сожалению Великая Отечественная война прервала эти работы.

Планомерный поиск начался в пятидесятые годы, когда были заложены первые глубокие опорные скважины.

Тогда Западная Сибирь на геологических картах была белым пятном и тяжелое буровое оборудование ставили там, куда можно было доставить его по рекам — в районе Тюмени, Ханты-Мансийска, Ларьяка, Березово, Покура. В Сургутском районе в селе Покур в 1951 году бурилась первая опорная скважина под руководством бурового мастера Виктора Павловича Лагутина — фронтовика-разведчика. После войны он работал в Крыму бурильщиком нефтеразведки, а услышав о больших перспективах Сибири, уехал в Колпашево, а затем вместе с бригадой в Покур.

Все поисковые работы в Западной Сибири в пятидесятые годы велись под руководством Новосибирского геологического управления. При забое 2360 метров в декабре 1952 года произошла авария (обрыв труб), которую не удалось устранить и Покурская скважина была ликвидирована по техническим причинам. То же произошло на Ларьякской и Ханты-Мансийской опорных скважинах. Геологических результатов не было получено. На Тюменской скважине была получена минерализованная лечебная вода. Нефтеразведочные партии были перебазированы из Среднего Приобья в Кемеровскую область.

Первое месторождение газа в Западной Сибири было открыто 21 сентября 1953 года Берёзовской опорной скважиной. То самое Берёзово, куда был сослан сподвижник Петра I — светлейший князь, генералиссимус, сын придворного конюха Меншиков Александр Данилович. Газовый фонтан в Берёзово аварийно бушевал

более полугодя. Его мощности хватило бы на обеспечение в то время такого города, как Свердловск. Берёзовский фонтан газа опроверг доводы скептиков о бесплодности сибирского края и положил начало интенсивному его развитию. Начались более широкие поиски нефти и газа, но длительное время результатов по открытию промышленных запасов нефти не было. В начале 1957 года Новосибирский трест «Запсибнефтегеология» вновь решил заняться изучением глубин в Среднем Приобье. По просьбе треста Исполком Сургутского районного Совета депутатов трудящихся 25 апреля 1957 года отвёл в районе Чёрного Мыса, рядом с кладбищем, земельный участок для развёртывания базы геологов. Осенью 13 сентября 1957 года первый небольшой отряд из Нижнегрязненской нефтеразведки, базировавшейся в селе Ивановка Кемеровской области, во главе с молодым геологом Фарманом Салмановым высадился с барж в Сургуте: Борис Мещанов – старший инженер, Яков Кайбичев – механик, Павел Семиряков – прораб вышкостроения, Дмитрий Ильин – буровой мастер, Александр Гуров – радист, Иннокентий Дёмин – дизелист, помощники бурильщика Василий Культяев, Александр Адейкин, Владимир Трошин, слесарь Шульгин, плотники Евдокимов, бухгалтер Терехов, секретарь делопроизводства (она же инспектор по кадрам) Антонина Романова. Многие из них ехали с семьями. Секретарь парторганизации, он же заместитель Салманова – Пётр Кононович Рогинский, тоже погрузил на баржу свои пожитки, но его не снимали с партийного учёта за самовольство, и он перебрался в Сургут немного позднее. Женщин с детьми отправили в Сургут самолётом, и они прибыли на десять дней раньше барж. Их расселили на квартирах у местных жителей в районе Затона, у кладбища.

Можно считать, что с этого дня и началось планомерное, научно-обоснованное изучение недр Среднего Приобья. Нелегко было первопроходцам. Хотя Сургут встретил их по-братски, поиск затягивался, об открытиях приходилось только мечтать. Началось строительство мастерской, электростанции и жилых домиков для разведчиков недр. Первую зиму договорились пережить в здании речного порта, где одновременно разместилась и контора разведки. К Новому, 1958 году семьи геологов справили новоселье в привезённых с собою старых домах, но на новом месте. Из местных жителей создали несколько плотничьих бригад, которые из круглого леса и столярных изделий райпромкомбината начали строить посёлок геологов. Правление местного колхоза выделило геологам несколько лошадей, так необходимых в условиях полного бездорожья в зимнее и летнее время. Самый резвый из них с символической кавказской кличкой Казбек достался горцу с Шамхора, райцентра в Азербайджане, 27-летнему начальнику нефтеразведки Фарману Курбановичу Салманову. Активно и очень много помогали в открытии большой нефти руководители района — партийный секретарь Виктор Гаврилович Бахмат, позже - Василий Васильевич Бахиллов и секретарь комсомола Владимир Салмин.

Конец 1957 и начало 1958 годов - самый трудный период становления. Начали прибывать молодые специалисты-геологи: Евграф Тепляков, Олег Перегудов, Александр Шашкин. С боем отпустили из Кузбасса сильного организатора партийной и профсоюзной работы Петра

Кононовича Рогинского, ставшего первым парторгом Сургутских нефтеразведчиков. Вместе с большой семьёй — тремя детьми и супругой, они прибыли в необжитые места. Немного позднее (1959 – 60 годы) после окончания Московского, Грозненского, Куйбышевского институтов приехали молодые специалисты буровики – Степан Каталкин, Борис Блинов, Валентин Тулейкин, братья Гончаровы, механики - Валерий Ртвеладзе, Николай Ключко. В начале 1958 года от Новосибирского управления в Среднем Приобье было создано ещё несколько участков нефтеразведки: Локовоский (им руководил Александр Тихонович Горский из Колпашево), Нижневартовский на Баграе у посёлка Мегион (Василий Тихонович Подшибякин, которого затем заменил Иван Яковлевич Высочинский), Пимский в посёлке Солкино (П. В. Терещенко).

На всех участках начались монтажные работы по строительству буровых установок. По весне на баржах стали прибывать буровики во главе с мастерами: Лазаренко Вячеславом Николаевичем, Норкиным Григорием Ивановичем и Лагутиным Виктором Павловичем. Из-за сложности управления участками и снабжения их материалами из Новосибирска, работы шли очень медленно. По инициативе Фармана Салманова и при поддержке секретаря райкома В. Г. Бахмата обратились в Тюменский обком КПСС с предложением объединить участки и передать их в состав Тюменского геологического управления под начало Юрия Георгиевича Эрвье.

В Тюмени 1 октября 1952 года был организован трест «Тюменьнефтегеология», который позднее стал называться Геологическим управлением. В 1958 году все партии были объединены в Сургутскую нефтеразведку, которую возглавил Фарман Салманов. Главным инженером назначили Александра Горского. И только 19 сентября 1959 года приказом по Главному управлению геологии при Совете Министров РСФСР создана Сургутская нефтеразведочная экспедиция, и все геологоразведочные работы в пределах области были переданы в подчинение Тюменского геологического управления. Главным геологом экспедиции назначили Бориса Власовича Савельева, прибывшего из Южно-Челябинской нефтеразведки и окончившего ранее (в 1952 году) Грозненский нефтяной институт.

Бурение первой скважины в Сургуте началось 20 января 1959 года, а закончилось 6 марта 1960 года. Её глубина составила 3088 метра. Буровую вышку поставили рядом с жилым посёлком, там же, на Чёрном Мысу. Можно и сейчас посмотреть то место в ста метрах от остановки «Валентины Терешковой» у магазина «Витьба». Во дворе бывшей базы производственного обслуживания рядом с энергоцехом Сургутской НГРЭ на устье скважины установлена символическая вышка — обелиск с мемориальной доской. Сургутский историк-краевед Иван Захаров рассказывал: «Был холодный зимний день. К подмосткам буровой собрались все геологоразведчики. Прибыли представители трудовых коллективов Сургута, руководители районной организации. После непродолжительного митинга и выступления первого секретаря райкома КПСС В. Г. Бахмата, начальника экспедиции Ф. К. Салманова, главного инженера А. Т. Горского, разбития бутылки шампанского и бросания монет под долото на счастье, буровая бригада Николая Андреевича Багдасарьянца приступила к работе. Первую вахту несла смена бурильщика Виктора Павловича Лагутина: дизелист Николай Перепелюк, помощник бурильщика Фёдор Сухущин. Силовым блоком дизелей и оборудованием командовал старший дизелист Василий Солдатов. На смену им заступили вахты бурильщиков Александра Власова, Нажмитдена Жумажанова и Николая Каденкова. Помощниками бурильщика были Югов и Кеда, дизелистом — Николай Волостных. Так бурением опорной скважины начался путь к большой нефти Сургута».

Испытание скважины показало непродуктивность пластов и отсутствие нефти. Об открытиях приходилось только мечтать и надеяться. Однако это была не первая глубокая скважина, удачно пробуренная до проекта в Сургутском районе.

Вторым десантом в июне 1958 года из Колпашевской конторы бурения (Томская область) на баржах перебазировалось в посёлок Локовосо Сургутского района ещё пять семей со своими пожитками, техникой (трактор, автомашины) и буровой установкой. В августе к ним присоединились монтажники и буровики. Участок назвали Нижнемысовским и руководил им Борис Селиванов. Среди первых в Локовосо обживались целыми семьями молодые геологоразведчики: братья Лазаренко — старший из них — Вячеслав Николаевич с женой и двумя детьми, младший — Юрий Николаевич с Тамарой Степановной. Вячеслав — буровой мастер, Юрий — бурильщик, Тамара — замерщица. Дизелист (по совместительству шофёр) Иван Фёдорович Волков и его жена Клавдия Васильевна (клубный работник) справили свой

медовый месяц на барже, плывя до Локосово. Тракторист Павел Васильевич Рындин с женой и двумя детьми, три брата Капустинных: Владимир – дизелист, Виктор – слесарь, Алексей – помощник бурильщика. Всем им было по 18-25 лет, только старшему Лазаренко Вячеславу – 30.

Поселились в пустовавшей летом школе, а к осени перешли в привезённые с собой и построенные на новом месте бараки.

Братья Лазаренко — потомственные геологоразведчики-нефтяники. Их родители после революции семнадцатого года работали в Краснодарском тресте. Вячеслав работал помбуром, бурильщиком, а в 1952 году переехал из Краснодара в Нижнегрозненскую нефтеразведку под Кемерово. После обучения на курсах буровых мастеров в городе Бугуруслане продолжил работать мастером. В 1953 младший брат Юрий приехал в Кемерово и работал помбуром в бригаде старшего брата. В 1956 году бригада Вячеслава Лазаренко перебазировалась в Колпашево, а в 1958 году – в Локосово. Бурильщиками в бригаде кроме Юрия были: Серафим Иванович Зиновьев, Николай Васильевич Каденков; помощниками бурильщика: Гена Мерзляков, Владимир Денисов, Николай Шетков, Андрей Слинкин, Владимир Кузнецов; дизелистами: Алексей Девятков, Николай Стетюха; слесарь Андрей Придеин, кочегар Михаил Протопопов.

Супруга Каденкова – Людмила Евгеньевна после окончания техникума работала геологом и, воспитывая троих детей, смогла стать классным специалистом. Проработав до преклонных лет в Сургутской экспедиции, она и по сей день в геологическом строю – председателем совета ветеранов тюменских нефтеразведчиков. Бухгалтером участка был опытный работник, фронтовик Алексей Степанович Туренко, кассир – Капустина Раиса Васильевна. Связь с буровыми, Сургутом, Новосибирском и Тюменью обеспечивал опытный радист, чемпион отрасли по азбуке «Морзе» - Виктор Фёдорович Паулев. Жена его – Любовь Гавриловна опытный геолог, работавшая под началом Александра Павловича Шашкина.

Приехавшие в Локосово в августе монтажники сразу приступили к строительству буровой рядом с поселком. Испытывали недостаток тяжелой техники, особенно вездеходной. Авиации вообще не было. Необходимый для монтажа и начала бурения запас инструмента, материалов и запчастей был минимальный. Кислородные баллоны для газосварки возили из Томска и Новосибирска.

Установку смонтировали к концу 1958 года, а в начале 1959 года бригада Вячеслава Лазаренко приступила к бурению скважины №31 Локосовской площади. Весной, в апреле, уже при большой глубине из-за отсутствия талевого каната на скважине сложилась аварийная ситуация. Полторатонную бухту каната из Сургута по набухающему руслу Оби доставить было сложно. На совещании Салманов и Горский предложили размотать бухту и волоком доставить на буровую. Санный обоз из десяти лошадей поручили сопровождать геологу-комсоргу Евграфу Теплякову.

Через двое суток с буровой радировали, что задание выполнено. Аварии предотвратили, и бурение возобновилось. К лету 1959 года Локосовская скважина достигла проектной глубины – 3264 метра, и к осени было закончено испытание. С больших Юрских глубин было получено несколько литров нефти, а верхние – Меловые, на которые геологи возлагали большие надежды, оказались водоносными. Также не получили промышленной нефти на всех участках в Среднем Приобье: в Нижневартовске, Ларьяке, Пимской на Солке. Некоторые скептики из высших эшелонов геологической власти вновь стали поговаривать о бесперспективности Среднего Приобья и о слишком больших финансовых расходах на бурение отдельных глубоких скважин. Все эти скважины закладывались из Новосибирска. Изученность разрезов данными полевой сейсмогеофизики была слабой и в своды-поднятия участков земли на глубине скважины не попали. А месторождения нефти в основном приурочивают к таким поднятиям земной коры. Чтобы получить контуры залегания песчаных пластов, к которым в основном приурочиваются залежи нефти, необходимо на поверхности земли проводить громадные объемы полевых работ. В первую очередь – топографическую съемку, то есть отображение поверхностного рельефа местности с указанием географических координат по широте и долготе в градусах и отбивку высот по отношению к уровню моря. Этим занимаются геодезические партии топографов, которые в непроходимой тайге, болотах, через озера и реки прокладывали просеки - сейсмопрофили. Эти просеки должны быть идеально прямыми, независимо от рельефа местности. С топорами и ручными пилами (позднее – бензопилами), на оленьих упряжках или пешком, в избушке за трактором или гусеничным тягачём-болотоходом, а то и выброшенные десантом из гидросамолета или вертолётa, работники топографических партий пробивали прямые как стрела профили, неся на себе треноги, теодолиты и рейки. С собой же несли палатки, спальники, запас продуктов питания, рацию с аккумулятором.

В Среднем Приобье в 50-е годы подготовкой сейсмоматериалов для глубокого бурения занималась Обская геофизическая экспедиция, находившаяся в поселке Берёзово. Она подчинялась Уральскому геофизическому тресту (г. Ухта), с 1953 года Сибирскому геофизическому тресту (г. Новосибирск), а с 1959 года – Тюменскому геологическому управлению. С 1 января 1965 года все геофизические работы в Среднем Приобье начали вестись под руководством Ханты-Мансийского геофизического треста. Первый управляющий трестом – Евгений Васильевич Сутормин, трагически погиб в авиакатастрофе. Вместо него был назначен Виталий Степанович Щербинин – управляющий трестом в 1965 – 1972 гг., главным инженером треста был Леонид Кабаев.

Первым начальником, зондировавшим тюменские земли, был Дмитрий Феодосьевич Уманцев. Ещё в 1951 году после окончания геологоразведочного техникума начал работать в Берёзово Александр Иосифович Гомберг. С 1959 года он стал начальником топографического отряда, а с 1964 года, в течение 35 лет, возглавлял Сургутскую геодезическую партию №49.

Геодезическая партия №49 была организована в Сургуте в 1962 году, первым её начальником был Николай Михайлович Куренной. Начальниками топографических отрядов в те годы были Юрий Иванович Безруков, Николай Васильевич Устюжанин. Куренной и Устюжанин – опытные топографы, окончившие в 1955 году Новосибирский геологоразведочный техникум и начинавшие свой трудовой путь в Берёзовском районе. Эти отряды кроме основной работы по рубке просек обслуживали нефтеразведочные экспедиции – делали топографическую привязку заложения глубоких скважин, трассировку дорог для перетаскивания буровых вышек и оборудования. Бессменным интерпретатором (специалистом по обработке полевых материалов) при Гомберге была Галина Ивановна Шепёткина – геодезист по профессии, закончившая в 1961 году Тюменский техникум. Коренная сибирячка, родившаяся в селе Тундрино под Сургутом, вместе с мужем Юрием Филаретовичем начинали работать в Сургутской нефтеразведочной экспедиции под началом Фармана Салманова. Тогда геодезические и сейсморазведочные входили в состав экспедиции. Галина Ивановна начинала работать в отделе у главного геофизика экспедиции – Фёдорова Виктора Петровича. Юрий Филаретович начинал слесарем транспортного цеха у Пырякова Сергея Сергеевича. Впоследствии Юрий Филаретович закончил Омский институт физкультуры и работал инструктором по спорту и одновременно был комсоргом. После открытия в Сургуте детской спортивной школы и спорткомплекса «Геолог» работал тренером. В молодости Юрий стал первым мастером спорта в Ханты-Мансийском округе (1964 год – лыжные гонки) и членом сборной Тюменской области. Он и по сей день в возрасте почти 70 лет не бросает свои занятия лыжами, является чемпионом России в своей группе и ежегодно участвует в проходящем за рубежом ветеранском Чемпионате Мира в составе Сургутского спортивного клуба «Барс». Физическую закалку Юрий получил за время учёбы в 8-10 классах школы №1 в Сургуте. Зимой бегал на лыжах в Тундрино с ночевкой в селе Пилюгино, что в 80-ти километрах. Тяжелый физический труд, моральную закалку и силу воли познал при рубке просек в районе посёлков Угута и Тайлаково.

Бегая вместе с Юрием на тренировках, он, бывало, рассказывал мне:

«лес страшный, вековая заповедная тайга, могучие в два обхвата кедр и лиственницы! Такие дебри и болота, что не приведи Господь! Трактор чуть-чуть свернул с протоптанного зимника и утонул вместе с человеком. Его так и не достали - ни трактора, ни человека». И руки свои Юрий поморозил при рубке сейсмопрофиля, пришлось ампутировать фаланги пальцев. Так и бегает на лыжах, применяя специальные крепления палок к кистям рук.

Совсем другие условия работы полевых топографов в наше время. Сергей Долгушин, представитель второго поколения сургутских топографов-геодезистов, работает по привязкам разведочных скважин и трассировке дорог для перетаскивания буровых установок с компактным (весом в один килограмм) прибором «Гармин», действующим по современным спутниковым системам «Джи-Пи-Эс» и «ГЛОНАС». Через переносный компьютер – ноутбук сразу выдает заказчику (буровикам или сейсмикам) необходимые данные. Причём добирается до места съёмки и обратно в Сургут в тёплом вертолёте Ми-8. В Геологической партии №-49 Сергей Долгушин работает с 1968 года, так что и на его долю трудностей хватило с избытком. Преодоление трудностей способствовало увлечению спортом и здоровый образ жизни. Сергей является одним из организаторов и участников первых турниров в городе по большому теннису. Он – чемпион города и «Кубка Севера» среди ветеранов. На подготовленные просеки-профили для непосредственного выявления характера залегания пластов выходили геофизические отряды сейсмиков. В 50 – 60 годах в Среднем Приобье работали отряды под началом: Виктора Гершаника,

Аркадия Кузнецова, Леонида Кабаева (лауреат Ленинской премии за открытие Самотлора), Альберта Лурье, Владимира Багаева, Анатолия Малька, Анатолия Паршенцева, Николая Бехтина, Геннадия Шаталова, Владимира Кочнева, Геннадия Киреева, Эммануила Лихтерова, Виктора Шевченко, Али Халилова, Анатолия Тюленева. Первыми главными геофизиками в Сургуте были Виктор Петрович Фёдоров, а затем Николай Михайлович Бехтин, в Мегионе – Павел Маркович Клочан, а в Тюменском управлении – Лев Григорьевич Цибулин. В геофизических отделах работали опытные интерпретаторы: Анатолий Заденко, Евдокия Владимировна Бондаренко (выпускница Львовского политехнического института 1955 года), Надежда Афанасьевна Ильина, Фарида Абдрахманова...

Виктор Фёдоров, 1912 года рождения, ещё до войны работал в Ставрополье и за открытие газовых месторождений был удостоен звания лауреата Сталинской премии. Участник Великой Отечественной войны, он имел ранения, болел и рано ушел из жизни – в 1965 году. Его именем названа улица в Сургуте, посёлок нефтяников Фёдоровский и крупнейшее НГДУ «Фёдоровскнефть» с одноимённым месторождением.

Молодой специалист Евдокия Бондаренко, мать двоих детей (сына родила ещё на третьем курсе института, второго сына - в 1956 году в Колпашево), работала в Колпашевской геофизической экспедиции. Она была специалистом-интерпретатором высочайшего класса. В зимний сезон 1956-57 годов, оставив детей в посёлке, отработала в поле, оборудовав камералку в деревянном вагончике, буксируемом трактором вслед за сейсмоотрядом. Когда весной 1957 года в Сургуте от Колпашевской экспедиции создали новую аэросейсмическую партию Альберта Григорьевича Лурье, Евдокия Бондаренко, забрав детей, стала работать интерпретатором. В том году калмыки-переселенцы, которых во время войны согнали в Сургут, выезжали на свою родину и бросали дома. Так что жить было где. Эта партия всего за три месяца гравиметровой и магнитометрической съёмками с помощью малой авиации (АН-2, Ми-1) открыла Нижнеуртовский и Сургутский своды, куда впоследствии заложили разведочные скважины, и была получена промышленная нефть. Большая заслуга Евдокии Бондаренко в определении места заложения скважины Р-62 на Усть-Балыкской структуре, которая дала первую нефть в Сургутском районе. За это она была награждена редким знаком «Первооткрыватель месторождений».

Опытными пилотами были Андрей Иванович Логинов и Пётр Ефимович Румянцев, умевшие садиться и взлетать даже с маленьких озёр и речек-проток Оби.

Работали, не считаясь со временем, с фантастической производительностью. Стране нужна была большая нефть Тюмени...

С 1965 года все геофизические экспедиции и партии выделались в отдельную структуру, составившую Ханты-Мансийский геофизический трест.

Работа в сейсморазведке была мне знакома с начала трудовой деятельности. Летом 1964 года после третьего курса нефтяного техникума я проходил практику, работая в Александровской геофизической партии под городом Бузулуком в Оренбургской области. Природно-климатические условия там были благодатные, ни в какое сравнение с нашими сибирскими трудностями. Ни комаров тебе, ни мошки, ни трескучих морозов. Дороги в любую сторону, кругом поля и степи, да ветер по ним гоняет круглое, как шар, «перекати-поле». Партия входила в состав Большекинской нефтегазозазведочной экспедиции в городе Бугуруслане, где работали мои родители – отец механиком по ремонту нефтяного оборудования, мать – кочегаром на нефтепромысле №1. Мне было только 17 лет, возникла сложность с устройством в сейсмоотряд на рабочую должность с полным заработком, так необходимым нашей большой семье. Решить проблему помог главный геолог экспедиции, доктор геолого-минералогических наук Михаил Фёдорович Свищёв, преподававший по совместительству в нашем техникуме предмет «Разработка нефтяных месторождений». Он ещё до войны, в 30-х годах, вместе с моим отцом участвовал в открытии первых месторождений нефти в Оренбуржье. Позже, в 1970-75 годах, Свищёв работал в Главтюменьнефтегазе и опять вёл у нас тот же предмет, но уже в Тюменском индустриальном институте, где я в ту пору учился.

Так вот я стал полноправным рабочим – смотчиком сейсмического отряда и за три месяца практически освоил весь цикл полевых работ по выявлению подземных структур – ловушек нефти. Работали весь световой день с шести утра и до захода солнца, выезжая из посёлка Погромное колонной спецмашин в степные малонаселённые районы Тощих военных лагерей. Где-то в 50-е годы там испытывалась атомная бомба. Правда об этом мы в то время не знали. С буровых установок УРБ – 3А на шасси вездеходного ЗИЛа бурили неглубокую скважину - 100 – 120 метров - и спускали на забой толловый

заряд весом 20 – 30 кг. От скважины в строго-противоположные стороны по просеке-профилю с лебёдки на шасси ГАЗ-63 разматывали многожильный кабель-косу. К кабелю по всей длине через 10 – 15 метров подсоединяли сейсмодатчики, которые лопатой закапывали в землю. Разъёмы двух кабелей подсоединялись к сейсмостанции «Эхо» на шасси ГАЗ-51. Производился взрыв заряда и, как от маленького землетрясения, взрывная сейсмоволна уходила вглубь земли, отражалась обратно от залегающих пластов породы и, преобразуясь в датчиках в электросигнал, записывалась осциллографом на диаграмме в станции контроля «Эхо». Такой цикл работ за день повторяли 4 – 5 раз, продвигаясь по профилю. Потом в камералке (конторе партии) интерпретаторы обрабатывали материал и строили структурные карты залегания пластов на глубине. Эти сведения были ценным материалом для геологов, которые на поверхности отбивали точку заложения глубокой разведочной скважины.

Вечером после работы возвращались на постой в крестьянские избы. Хозяйки по договору с оплатой обеспечивали нас молоком, хлебом, яйцами и овощами. Сахар и чай покупали в магазине сами. Успевали вечером ещё сходить в сельский клуб на танцы. Тогда в моду входил твист - весьма интересный, популярный в то время танец. В деревне он свободно исполнялся и не преследовался властями. Однако в Бугуруслане нас за него милиция и дружинники выгоняли из клуба «Нефтяник», а иногда даже перепаладо введёнными в то время резиновыми дубинками по бокам и спине.

По результатам работы сейсморазведочных отрядов, работавших в Сургутском районе, были начаты бурением скважины на Мегинской площади возле посёлка Баграс на протоке Оби – речке Мега и Усть-Балыкской площади. После детального изучения ядерного материала Сургутской, Локосовской, Нижневартовской, Пимской и Мегинской опорных скважин группой учёных из Тюмени под руководством Ивана Ивановича Нестерова был сделан вывод, что нефть есть и скоро сургутскими нефтеразведчиками будет получен промышленный её приток. Но их опередила радостная весть из другого района...

20 июня 1960 года бригадой бурового мастера Семёна Никитовича Урусова было открыто первое в Тюменской области Шаимское месторождение промышленной нефти (сейчас город Урай). Геологическую структуру выявила и подготовила к бурению сейсморазведка Виктора Абрамовича Гершаника. «350 – 500 тонн нефти в сутки» - сообщил в Тюмень начальник Шаимской нефтеразведочной экспедиции Михаил Владимирович Шалавин. Нефть получена из скважины Р-6 Трёхозёрной площади, что на реке Конде у впадения в неё речки Мульмы, то есть там, где раньше обнаруживались маслянистые пятна на поверхности воды и эти земли ещё в начале века арендовали «Братья Пономаренко и К^о» для поиска нефти. Поистине знаковое совпадение!

Значение Шаимского открытия трудно переоценить. Как сказал академик

А. А. Трофимук — директор института геологии Сибирского отделения Академии наук СССР, который присутствовал при испытании скважины Р-6 Трёхозёрной, — «прежде всего, это первая большая нефть Сибири, имеющая промышленное значение». Это открытие позволило более широко развернуть нефтегазовые поисковые работы на территории Западной Сибири. До этого открытия среди геологов ещё были скептики, которые не верили в перспективность наших районов. После открытия промышленной нефти от споров все перешли к действиям, которые стали приносить успехи. Со всех регионов страны стали поступать техника и буровое оборудование: тракторы и подъёмные краны большой грузоподъёмности КП-25, армейские гусеничные тягачи АТЛ, АТС, АТТ, мощные бульдозеры БАД и ДЭТ-250, болотоходы ГТТ и ГАЗ-47. Но самое главное – стали в большом количестве поступать тяжёлые буровые установки, позволяющие безаварийно бурить скважины на большие глубины до трёх – четырёх тысяч метров: со Свердловского «Уралмашзавода» установки 5Д и 3Д, с Волгоградского завода «Баррикады» — БУ-50, БУ-75, а позднее БУ-80, зарекомендовавшие себя положительно в условиях Крайнего Севера. Поступило несколько буровых установок типа 4ЛД – 150С из братской республики Румыния.

Первый нефтяной фонтан дебитом 200 тонн в сутки Сургутские геологоразведчики получили на Мегинской площади у посёлка Баграс Ларьякского (с 1962 года Нижневартовского) района. Случилось это 20 марта 1961 года, когда из скважины №1, пробуренной бригадой бурового мастера Григория Ивановича Норкина, впервые за Уралом из молодых Меловых отложений с глубины 2175 метров был получен мощный фонтан нефти.

Норкин – коренной сибиряк из Томской области, родители которого, по национальности ханты, всю жизнь занимались охотой и рыбалкой. До войны Григорий Иванович председательствовал в одном из

колхозов севера Томской области. Прошёл всю войну от Москвы до Праги сначала разведчиком, затем танкистом. Дважды был ранен, награждён боевыми орденами и медалями. После войны вместе с однополчанами — буровиками из Саратовской конторы разведочного бурения, - работал на установках, где в качестве силовых агрегатов применяли танковые дизели. Когда по всей стране пронёслась весть о большой разведке в Сибири, Норкин отправился в Кемерово, потом в Нарым, а в 1959 году в посёлок Баграс буровым мастером на Р-1 Мегионской площади. Скважина забурилась 19 сентября 1959 года. Бурилась трудно. Из-за недостатков инструмента и материалов были простои и аварии. Весной 1960 года, когда бурение уже подходило к концу, случилась авария — прихват бурового инструмента. Григорий Иванович, как на грех, сломал в это время ногу. На костылях, в гипсе мастер не покидал буровую, пока она снова не заработала.

Благодаря самоотверженному труду бурильщиков и дизелистов, опыту мастера и инженеров, постоянно находившихся на буровой, скважина была закончена бурением в марте 1960 года. Испытание скважины и приток нефти получили только через год, задержались из-за отсутствия на буровой насосно-компрессорных труб НКТ. А ведь пальма первооткрывателей Тюменской нефти могла быть у Григория Норкина, то есть у Сургутских геологоразведчиков. Вот такая она — геологическая удача, за которой стояли живые люди того времени — первопроходцы: бурильщики — Фаат Закиевич Хафизов, Евстигней Фёдорович Липковский, Айрулла Баталович Доминов, помбур Алексей Жильцов, дизелист Марс Хафизов, братья Васякины (Николай – тракторист, Василий – механик), геолог Тепляков Евграф Артемьевич, начальник участка Горский Александр Тихонович. Когда Горский ушёл на повышение главным инженером Сургутской нефтеразведки, начальником Мегионского участка стал ветеран, инвалид войны (одна нога на протезе) Иван Яковлевич Высочинский. После этого открытия участок на Баграсе 25 декабря 1961 года приказом по Главгеологии РСФСР был преобразован в Мегионскую нефтеразведочную экспедицию. Начальником экспедиции назначили Владимира Алексеевича Абазарова, главным геологом — Модеста Фёдоровича Синюткина, главным инженером — Петра Степановича Позднякова из Шаима. В 1954 году после окончания Грозненского нефтяного института Абазаров работал в трестах «Черноморнефть» и «Сталинграднефть» буровым мастером, начальником цеха испытания. С 1960 года главным инженером Ханты-Мансийской и Берёзовской геологоразведочных экспедиций.

С 1962 года начал обустраиваться рабочий посёлок Мегион — плацдарм наступления на Самотлор. Уже в начале 1964 года сейсмоки партии Леонида Кабаева (отряд Владимира Шагандина) обнаружили там перегиб и большое поднятие. За открытие Самотлора Леонид Кабаев стал лауреатом Ленинской премии. В 1962 году Мегионскую экспедицию усилили буровой бригадой Семёна Лукича Малыгина, в полном составе переехавшей из Шаима. Позднее создали бригады буровых мастеров Анатолия Ивановича Курбатова и Владимира Дмитриевича Шидловского.

В Нижневартовском районе в шестидесятых годах кроме Мегионского было открыто несколько крупных месторождений нефти: Ватинское, Нижневартовское, Урьевское, Поточное, Покачёвское, Варьёганское и, конечно, крупнейшее в СССР и третье в мире по запасам нефти - Самотлорское — в конце мая 1965 года.

За упорный труд всегда рано или поздно придёт вознаграждение. Это и радость первооткрывателей, и правительственные награды. За эти открытия в Среднем Приобье Абазарову была присуждена Ленинская премия с вручением ордена Ленина, а Мегионскую экспедицию, единственную из 35 нефтегазоразведочных экспедиций Главка, наградили орденом «Знак Почёта». Также орденом Ленина наградили бурового мастера Григория Норкина — первооткрывателя Самотлора, а Семёну Малыгину присвоили звание Героя Социалистического Труда. Ранее, в 1963 году, самым первым геологам в Тюменской области звание Героя Социалистического Труда было присвоено буровому мастеру С. Н. Урусову и начальнику Главтюменгеологии Ю. Г. Эрвье. Первым среди сургутских геологов в том году орден Ленина получил буровой мастер Виктор Лагутин.

Первая промышленная нефть в Сургутском районе была открыта 13 октября 1961 года на скважине Р-62 Усть-Балыкской площади. «420 тонн в сутки» — сообщили о фонтане в Сургут Салманову и в Тюмень Эрвье начальник партии Виктор Тимофеевич Бочаров, его помощник Михаил Иванович Ветров и старший геолог Евграф Артемьевич Тепляков. Скважину испытывала бригада мастера Н. У. Жумажанова, а бурила бригада бурового мастера Вадима Иглина: бурильщики – Александр Халин, Николай Крюков, Николай Ивченко, слесари по ремонту бурового оборудования Карп Анатольевич Ивanchенко и Николай Тонких, старший дизелист Михаил Краснопёров. Заключительными работами по

спуску эксплуатационной колонны и испытанию скважины руководили главный инженер Александр Тихонович Горский и геолог Виктор Чернов.

26 марта 1963 года бригадой бурового мастера Виктора Лагутина было открыто Западно-Сургутское месторождение нефти. Промышленный фонтан нефти дала скважина Р-50. Этой же бригадой 23 июля 1963 года было открыто Локосовское месторождение.

На момент создания объединения «Объединение геологоразведчиков» сургутскими геологоразведчиками было открыто 27 месторождений, из которых наиболее крупными были: Тайлаковское, Быстринское, Лянторское, Яун-Лорское, Вачимское, Алёхинское, Покамасовское, Когалымское, Холмогорское, Восточно-Сургутское, Конитлорское, Фёдоровское (вошедшее в мировую десятку по запасам нефти) и другие...

Важными событиями в жизни сургутских геологов являлись награждения больших групп нефтеразведчиков правительственными наградами. За личный вклад в «открытие века» звание Героя Социалистического Труда было присвоено буровым мастерам Николаю Борисовичу Мелик-Карамову и Нажмитдену Уакпаевичу Жумажанову. Ордена Ленина вручены старшему дизелисту Ивану Фёдоровичу Волкову, бригадирам вышкостроения Печковскому Максиму Максимовичу и Петру Лаврентьевичу Зайчуку. Всего за 50 лет работы в Среднем Приобье правительственными наградами были отмечены сотни работников-геологов: орденом Ленина – 12, Октябрьской революции – 10, Трудового Красного Знамени – 60, Дружбы народов – 8, Знак Почёта – 81, Трудовой славы – 50 (в том числе, трёх степеней - буровые мастера Владимир Сергеевич Соловьёв и Вильгельм Фридрихович Маас). Медалями различных достоинств награждено 418 геологов.

Глава вторая

Старший брат

До переезда на постоянное место жительства в Сургут мне приходилось не единожды побывать в нём. Первая моя встреча с Сургутом совпала с присвоением ему статуса города окружного подчинения. Это было 25 июня 1965 года. После окончания Бугурусланского нефтяного техникума я целую неделю добирался - сначала на поезде до Тюмени, потом автобусом до Тобольска и, наконец, теплоходом на подводных крыльях «Ракета» - до посёлка Мегион с ночёвками в Ханты-Мансийске и Сургуте. За вечер и начало светлой ночи обошёл пешком весь Сургут. Единственный тогда в городе автобусный маршрут от речного порта до района нефтяников вечером не действовал. Недалеко от порта запомнился рыбозавод и от него прямая разбитая бетонная дорога, вдоль которой стояли одноэтажные деревянные домики. Перед небольшим мостиком через речку Сайма новая двухэтажная средняя школа №1 из круглого леса (сейчас это Дом технического творчества юных). Справа от школы стояло около двух десятков двухэтажных домов из бруса — жилой район геологоразведчиков. За мостиком на пригорке расположилось несколько чистеньких улиц в основном с деревянными домами и административными зданиями в два этажа. Трогуары сделаны из досок. Вдали на западе просматривались строения двухэтажных деревянных домов района строителей и немного дальше — района нефтяников. Население Сургута на тот момент составляло около 12 тысяч человек. Была уже полночь, хоть и светло, и я повернул обратно в речпорт.

Ещё пару раз в 1966-67 годах приезжал в Сургут на спортивные соревнования, а в 1970 году - на научно-техническую конференцию молодых специалистов. Сургут небывальными темпами превращался в настоящий город — нефтяную столицу Среднего Приобья. Население прибавлялось по 10 тысяч в год. В конце 1966 года первый пятиэтажный дом заселили нефтяники, а в 1967-68 годах геологи тоже получили две пятиэтажки. К 1977 году в городе проживало около ста тысяч человек. На дебаркадере причала приятной неожиданностью была встреча нашей семьи с моим однокашником по институту Владимиром Бурко. Он по окончании института в 1975 году вместе с женой, окончившей строительный институт, и маленьким сыном, тоже, как и у нас — Алёшкой, но на два года младше нашего, приехал в Сургутскую нефтеразведку и работал инженером в производственно-диспетчерском отделе Объединения. Весь наш домашний скарб поместился на бортовом грузовике «Урал», на котором мы и подъехали к новому пятиэтажному дому в микрорайоне геологов. Как объяснил Володя — это первый в Сургуте дом улучшенной планировки, построенный по ленинградскому проекту. Да он и по внешнему виду резко отличался от рядом стоящих без балконов и лоджий пятиэтажек моспроекта — «хрущёвок». После торжественной передачи дома от строителей геологам и выдачи ордеров с ключами мы поднялись на верхний этаж и ахнули! Из окон одной стороны открывался вид на Обь с её обширным водным зеркалом. С балкона другой стороны — не менее завораживающая красота тайги и вдали производственные здания и высокие трубы ГРЭС. Впоследствии по дыму из этих труб мы, не выходя из дома, безошибочно научились определять погоду на улице, и даже прогноз её не хуже сводок метео. Семья Бурко поселилась в соседнем подъезде в такой же двухкомнатной квартире.

Мы с Ириной сразу приступили к работе в аппарате вновь созданного Объединения «Обьнефтегазгеология», я - в должности старшего инженера-технолога, а супруга — диспетчером

производственного отдела. Пошёл третий год работы после вуза, а об отпуске можно было только мечтать. Мой непосредственный начальник – главный технолог объединения Владимир Алексеевич Абазаров так же, как и двенадцать лет назад сказал мне: «Отдыхать будете, как я, то есть три года работы, затем отпуск за один год, а за два – денежная компенсация». К тому времени ему было под пятьдесят лет. Опытный заслуженный геолог, лауреат Ленинской премии, награждённый многими орденами, в том числе, самым высшим – орденом Ленина, он был моим наставником и учителем, непререкаемым авторитетом по жизненной позиции. Он не сидел на месте в конторе, а постоянно бывал в экспедициях, в полевых буровых бригадах. И меня первое время приучал к такой работе и постоянно учил чувствовать скважину как технолог не по бумажным сводкам, а непосредственно находясь в рабочей обстановке на буровой. Из 260 рабочих дней в году половину я был на буровых в тайге. Такую практику работы сохранил навсегда, даже работая в должностях главного инженера Сургутской экспедиции и главного технолога Объединения до преклонных пенсионных лет.

Работы было невпроворот, а вот под детский садик для сына Алёшки только заложили фундамент во дворе нашего дома. Так и не дождался от него, лишь наблюдая за строительством, а через два года, в 1979 году, пошёл в школу. Два года до этого водили его на воспитание к нянечке – многодетной матери, растившей своих троих детей. Муж этой матери – нянечки был опытным бурильщиком с многолетним полевым стажем. Так называемый «соцкультбыт» явно отставал от опережающего роста основного производства – разведки и добычи нефти. Даже школьники учились в три смены. У первопроходцев-геологов это, видно, передаётся по наследству из поколения в поколение. Вспоминается «житьё-бытьё» нашей многодетной семьи в годы освоения нефтяного района «второго Баку» — в Татарии, Башкирии, Куйбышевской и Оренбургской областях. Жили мы в районном городке нефтяников Бугуруслане – родители с шестью детьми в двухкомнатной квартире шитового деревянного дома барачного типа. Ещё четверо старших сестёр жили со своими семьями отдельно. Всего десять детей. Мать героиня с Золотой звездой на груди.

В 1953 году нам с младшим братом Володькой было: ему - 4, мне – 6 лет. Старший брат Анатолий учился на последнем курсе нефтяного техникума. Сёстры Тамара и Юлия учились в восьмом и шестом классах средней школы. Старшей сестре Майне было 19 лет и она работала помощником кочегара на нефтепромысле вместе с нашей мамой – кочегаром. Трое сестёр размещались в одной комнате, трое братьев – в другой, а родители - на кухне, откидывая на ночь от стены кровать-топчан. До школьного возраста мы с Володькой спали на одной кровати. Рано утром просыпались от звона медного колокольчика, что был в прихожей. Это не современный мелодичный электрический звонок, а настоящий колокольный звон, приводимый в действие с улицы посредством тонкого стального провода с деревянной ручкой на конце. Как неохота было вставать! До сих пор у меня неприязнь к утреннему будильнику или звонку, а с годами выработалась привычка просыпаться самому по запланированному с вечера времени. Звонил же утром, обычно в 7-30, друг и однокашник старшего брата, тоже Анатолий, живший ниже по улице. Брат вставал раньше, тихо собирался и уходил на учёбу в техникум. Мы даже и не слышали, погруженные в крепкий утренний сон. И вот после звонка колокольчика мать открывала дверь, и из прихожей слышалась забавная игра слов.

Друг спрашивал:

- Только ушёл?

Мать отвечала:

- Только только ушёл!

Друг многозначительно смотрел на двух сестёр и вопросительно восклицал:

- Только только-только ушёл?

И тут две сестры – Тамара и Юлия хором отвечали:

- Только! Только только-только ушёл..., - и прыскали от смеха.

Тут уже нам с Вовкой было не до сна, и мы тоже хохотали от души. Так повторялось каждое утро. Вечерами на городском катке, наблюдая, как Толька – друг водил за руку моих сестёр по кругу, я понимал, что такое дружба. Сёстры уходили в школу. Мать, накормив нас, уходила вместе с Майной на работу. Мы с младшим братом целый день были сами по себе. И это с четырёх-шести лет. Когда были поменьше, за нами по очереди присматривали старшие сёстры или брат, учившиеся в разные смены. Мать же с отцом работали на нефтепромысле №1 за городом. На последнем курсе техникума Анатолий был сильно загружен учёбой.

Специализация «Машинное оборудование промыслов», сокращённо МОП, требовала знаний техники и деталей нефтяных машин и агрегатов. Он мог ночами работать за кульманом – доской для черчения. Как говорил наш отец, имевший четырёхклассное образование церковно-приходской школы: «Только сильно охоч до знаний...»

Один раз мы с Вовкой получили от брата приличные подзатыльники за то, что положили жирные пирожки на газету, под которой лежал неоконченный чертёж. Мать жарила на сковородке ливерные пирожки, и мы, голодные, с пылу с жару не смогли удержать их в руках и уронили на чертежи. Подзатыльники это ещё ничего...

Перед Новым 1954 годом, как всегда, ставили дома ёлку, приносимую из леса старшим братом. Игрушек было маловато, и мы сами вырезали ножницами из картона, клеили и разукрашивали всяких зверушек. Брат, пришедший с последнего занятия из техникума, с радостью сообщил, что закончил учиться и вышел на дипломную практику. С возгласом «Ух!» с размаху сел на кровать и тут же вскочил с ужасным воплем. В ягоdice торчали ножницы, а по ноге сбежала струйка крови. Его конечно увезли на «скорой помощи» и вечером вернули перебинтованного, а нас с Вовкой отец отстегал ремнём и лишил новогоднего ужина и подарков.

Несмотря на такие козни, Анатолий всегда по-братски относился к нам — меньшим братьям и племянникам Мишке и Юре – детям старших сестёр. Мишка был мой одноклассник, а Юра младше Володи на год. Анатолий водил нас на реку Кинель купаться и рыбачить. Иногда родители доверяли ему оставаться с ночёвкой у костра. Он нас учил нырять с обрывистых берегов вниз головой и доставать голыми руками раков из нор. По пути на рыбалку за городом мы подходили к огороженной территории маслозавода и через дыру в заборе таскали из-под навеса круги колбы. Это спрессованные остатки – жмых, получаемый при изготовлении подсолнечного масла. Этими отходами кормили домашний скот (коров, лошадей, овец и свиней), а мы использовали как приманку для ловли рыбы. Правда, когда проголодаешься, отламывали от круга по кусочку и с удовольствием жевали.

В те, 50-е годы, питались дома не сказать, что хорошо, но жить было можно. Картошки, квашеной капусты, солёных огурцов и грибов в подполе было в достатке на всю зиму. Всё это заготавливалось и хранилось в больших дубовых кадлушках. А в голодные военные годы, как рассказывал брат, эта колба шла на питание не скоту, а людям, и они из неё, добавляя траву – лебеду, делали похлёбку. Многие, особенно дети, страдали от такой пищи желудками. Не обошлось без этого и у Анатолия. Сказалось это и на здоровье Анатолия, особенно, в те годы, когда он работал в Среднем Приобье и питался в полевых столовых.

Классно как механик мастерил нам брат самокаты на подшипниковом ходу. Вниз по улице мы на них развивали такую скорость, что в вечернее время из-под колёс с асфальта выбивали снопы искр. Конечно и сами приходили домой ободранные до крови, но терпели и на следующий день опять мчались наперегонки.

В 1954 году по окончании техникума Анатолий уехал работать на нефтяной Сахалин, и мы годами не видели друг друга. Но получалось так, что я как бы по ступенькам шёл вслед за старшим братом, а младший брат Владимир пытался от нас не отставать. Через три года, в 1957 году, Анатолий вернулся домой в Бугуруслан уже с женой Ларисой, работавшей на Сахалине медсестрой. Анатолий работал вначале мастером подземного ремонта скважин на самом дальнем нефтепромысле №3 в посёлке Тарханы, что в 70 километрах от Бугуруслана. Работая потом заместителем начальника участка, он приехал в Бугуруслан с отчётами на мотоцикле ИЖ-56, привезённом ещё с Сахалина. Катал нас с Вовкой на этом мотоцикле с ветерком. Мы учились в то время в 4 и 2 классах. У отца был мотовелосипед, и он научил нас ездить на нём.

Как-то в магазин для продажи завезли тяжёлые мотоциклы с коляской «Урал» — мечту старшего брата. Отец вложил в магазине денежный залог и послал меня к Анатолию сообщить об этом. Мне было 12 лет, и я закончил 5 класс. Так вот, за 70 километров приезжаю на мотовелосипеде к брату, удивлённому такой моей решительностью. Обратно вернулся в тот же вечер в его сопровождении на мотоцикле. Посередине дороги в посёлке Заглядино у меня на мотовелосипеде сгорело магнето, и брат на верёвке буксировал меня на мотоцикле. От такой поездки я целую неделю не мог садиться на седло велосипеда, пока не прошла боль. А мотоцикл с коляской в тот раз он так и не купил, потому, что в 1959 году поступил на учёбу очно в Московский институт нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина, который был лучшим вузом в СССР по подготовке нефтяных кадров. Брат продал своего

«ИЖака» и перед отъездом в Москву помог нашему отцу купить новый мотороллер «Вятка», более приемлемый для человека пенсионного возраста. Позднее, 1967 году, перед моим призывом в армию отец с моей помощью заменил старенькую «Вятку» на новую, на которой ездил до преклонных 75 лет.

В 1961 году, шагая по стопам старшего брата, я поступил в нефтяной техникум по той же специальности МОП (машинное оборудование промыслов) и стал учиться на механика. Впервые в Москву в гости к брату поехал летом 1962 года, да не один, а с десятилетней племянницей Танюшкой – дочерью старшей сестры Зинаиды. Танюшка ещё дошкольницей воспитывалась у бабушки, то есть постоянно была с нами, и мне вечерами приходилось отводить её домой. Жили они в нагорной части города, а я зимой возил её на санках. Зато как было хорошо с ветерком мчаться обратно с горы по Колхозной улице, длиной почти с километр. Родители посадили нас в поезд, и мы вдвоём, ребятишки пятнадцати и десяти лет самостоятельно прибыли в Москву на Казанский вокзал. Нас заранее предупредили, что встречать никто не будет, и мы сами искали место проживания брата с семьёй. У них только что родился сын Алёшка, и жена брата – Лариса – сидела с ним дома. Анатолий же был на экзаменационной сессии в институте. На метро, а затем на электричке мы с Танюшкой добрались до пригорода Москвы – станции Гривна, что недалеко от Подольска. С трудом уже в сумерках нашли квартиру, которую снимал брат на время учёбы. В самой Москве с квартирнатов брали дорого, поэтому они жили в пригороде в двух часах езды от института. Во время экзаменационных сессий Анатолий жил в общежитии института на Ленинском проспекте. В промежутке между экзаменами он в первый раз показал нам Москву: Красную площадь и Кремль, ВДНХ и парк Горького. Поводил по Арбату и Садовому кольцу. Остальные две недели мы с Танюшкой сами гуляли по Москве, ориентируясь по туристической карте. Навыки туриста я приобрёл ещё после шестого класса, путешествуя пешком с группой школьников по местам боевой славы дивизии Чапаева, в которой конармейцем был мой отец ещё в 1919 – 21 годах. На поезд брат проводил нас нагруженными московскими подарками для большой родни в Бугуруслане.

В 1964 году по окончании института Анатолий начал работать инженером-конструктором на Волгоградском заводе нефтяного оборудования «Баррикады». Через год, временно оставив семью в Волгограде, на три года уехал на север в Сургутскую нефтеразведку, куда с завода «Баррикады» поставляли новые буровые установки БУ-75 и БУ-80. Там он стал работать механиком по испытанию и наладке. Я в то время после окончания нефтяного техникума работал на Самотлоре в Мегионской нефтеразведочной экспедиции. Два раза приезжал в Сургут на соревнования, но встретиться с братом не удавалось. Анатолий находился то на буровой, то в командировке в Волгограде. Встреча наша произошла только перед Новым 1970 годом после службы в армии. Возвращаясь из Баку в свой, уже ставший родным Мегион, я на несколько дней остановился по пути в Волгограде. Анатолий снова вернулся туда и работал ведущим конструктором на заводе в бюро знаменитого конструктора буровых установок Карапетяна. Он провёл меня по цехам завода – громадной территории на берегу Волги, в которых изготавливали буровые установки и оборудование для всех нефтегазовых провинций СССР. В экспериментальном цехе, где работал брат, конструировали всё новое для бурения. В том числе буровую установку БУ-2500 БРД, оснащённую более приемлемым в северных условиях оборудованием. Конкретно Анатолий занимался разработкой, изготовлением и испытанием новых быстроходных буровых насосов – триплексов НБТ-600. Впоследствии эти установки с новой конструкцией насосов успешно прошли испытания в Среднем Приобье и стали поступать в нефтеразведочные экспедиции серийно. Работают они и до сих пор.

После демобилизации я ещё не снял военную форму, и перед отъездом мы вместе с братом почтили память отца и всех родственников – фронтовиков на воинском мемориале «Малахов Курган», где на вершине стоит восьмидесятиметровый памятник «Родина-Мать». В 1970 году я поступил в Тюменский индустриальный институт на специальность «Бурение нефтяных и газовых скважин». Учился по направлению от Мегионской НГРЭ, которое давали только в наш местный вуз.

В 1972 году командировка Анатолия в Тюмень совпала с датой нашей с Ириной свадьбы. Мы даже не ожидали такой встречи и были приятно удивлены и рады близкому человеку на нашем торжестве. У него в Волгограде не сложились семейные отношения, и он снова вернулся на прежнее место работы в Сургутскую нефтеразведку механиком ремонтно-механического цеха. Слабый желудок и здоровье не позволяли ему работать в полевых условиях. На этот раз мы поговорили по душам, вспомнили детство и юность на родине. Я почти ежегодно бывал на родине в Бугуруслане. Анатолий же бывал там редко, особенно в последние годы. Видно, стыдно было показываться отцу с матерью

после развода с семьёй. Я чувствовал, с каким интересом он воспринимал все новости родного края.

Наша следующая встреча произошла через пять лет, когда мы с семьёй переехали в Сургут на постоянное место жительства. Домой к родителям он так и не приезжал более десяти лет. Будучи в Бугуруслане после окончания института вместе с женой и сыном Алёшкой, я выслушал пожелания отца и матери увидеть старшего сына Анатолия пока живы. Пожелания эти так и не осуществились. Родителей своих я похоронил, когда им было по 76 лет - отца в 1978, а мать в 1981 году. В те, 70-е годы мы – три брата и наш племянник Михаил Бавенков - работали в Среднем Приобье. Младший брат Владимир в 1968 году закончил наш родной Бугурусланский нефтяной техникум. Всего из нашей трудовой династии нефтяников Федотовых (61 человек) семнадцать родственников закончили этот техникум.

После службы в армии Владимир работал бурильщиком на Мамонтовском месторождении в посёлке Мушкино, недалеко от Нефтеюганска, а с 1975 года - на Самотлоре, куда летал из Куйбышева 15 лет вплоть до 1990 года – начала резкого снижения объёмов бурения и добычи нефти в Нижневартовскнефтегазе.

Племянник Михаил после учёбы в ГПТУ и службы в армии тоже летал вахтовиком в посёлок Мушкино, работал вышкомонтажником. Потом, где-то в середине 70-х годов, осел в Нефтеюганске, обзавёлся семьёй, получил квартиру и стал работать бригадиром вышкомонтажной бригады. 25 лет отработал он в полевых условиях и в конце 90-х годов, как раз во время дефолта 1998 года, с ним, как и со многими работниками нефтяной компании «ЮКОС», случилась неприятнейшая история, закончившаяся трагическим исходом. В те времена ветеранам ещё давали бесплатные квартиры на «большой земле». И вот Михаилу Васильевичу как орденоносцу выделили квартиру в городе Новокуйбышевске и на День нефтяника в сентябре должны были торжественно вручить ордер. Он не один должен был стать счастливым из своей бригады монтажников. Конечно такое радостное событие отметили и выехали на вахтовке «Урал» монтировать очередную буровую установку. По пути кто-то из бригады не выдержал и добавили ещё спиртного. Следом за ними на «хвосте» выехала контрорская комиссия и на буровой составили соответствующий акт, хотя к работе они обычно в день приезда не приступали. Многие были вахтовиками, и добирались до места работы из других областей. Это ведь не бурящаяся скважина, которую нельзя оставлять без присмотра ни на минуту, а мёртво стоящая вышка и блоки, ожидающие перевозки на новую точку. Но «дело» было сделано и тех, кому должны были вручать ордера, уволили по статье из «ЮКОСа». Естественно, квартиры получили нужные в ту пору подставные лица, «труженики-контор и частных нефтяных предприятий, не нюхавшие тяжелейших полевых условий труда. Ну, а Михаил Васильевич, успевший разменять свою северную квартиру для детей, остался к пенсионному возрасту без жилья, и вынужден был жить на даче среди болот и сырости. За год такого житья заработал воспаление лёгких с последующим туберкулёзом и, так и не повидав своих старых родителей, скончался в поезде под Екатеринбургом по дороге к ним. Север суров и труден, а иногда и жесток, и не все выдерживают здесь.

Из нашей трудовой династии нефтяников ещё три семьи в разные годы работали на севере Тюменской области, но вынуждены были вернуться на прежнее место жительства по состоянию здоровья или по семейным обстоятельствам, а некоторые просто не выдерживали напряжённого темпа работ при отсутствии простейших бытовых услуг и культурного досуга. Вот и старшего своего брата Анатолия я, переехав в Сургут, разыскал в больнице. Бывший его начальник — главный механик Сургутской экспедиции Николай Егорович Перепелюк - охарактеризовал Анатолия как технически грамотного, высокообразованного и безотказного во всех отношениях механика. Он, кроме основной работы, обучал рабочих в школе подготовки кадров, помогал заочникам техникумов и вузов по черчению, математике и сопромату. В том числе и Перепелюку помог успешно окончить Свердловский горный институт. Николай Егорович сообщил, что Анатолий перешёл работать в Трубопроводное управление при Сургутгазпроме и рекомендовал мне обратиться к повару столовой геологоразведки, которая готовила для Анатолия диетическое питание. Повар — молодая опрятная и симпатичная женщина – рассказала, как найти балок, в котором проживал Анатолий. Балок, как и множество разбросанных по окраинам Сургута подобных, не имел почтового адреса. Просто «за Саймой у ручья». Походил я вокруг закрытого на маленький навесной замок балка и хотел уже возвращаться, так как по виду в нём

давно не жили. Тут меня окликнули из соседнего балка. Когда я подошёл, то соседи, определив меня похожим на Анатолия, рассказали о нём и поведали, что он в больнице почти целый месяц. Скрытность своего неофициального проживания в таких условиях они объяснили частыми проверками и угрозами выселения со стороны городских властей, хотя паспортная прописка по общежитиям или у родных и друзей у них имела.

В приёмном покое городской больницы мою передачу продуктов наполовину отсортировали, так как брат лежал с язвой желудка, но встречу разрешили. После пяти лет разлуки по-братски обнялись, расцеловались, и я увидел на его глазах слёзы. Слёзы радости и одновременно слёзы какой-то тоски от длительного отсутствия рядом близкого человека, которому можно полностью довериться. Врачи порекомендовали ему переехать в места с более благоприятным мягким климатом, желательно в сельскую местность с натуральными продуктами питания. Да и сам он признался мне, что принял такое решение, хоть и горько было ему расставаться с севером.

После выхода из больницы, я помог ему собраться в дорогу. В балке сиротливо остался кульман с незаконченным чертежом. Анатолий заверил, что после окончательного выздоровления он ещё вернётся и закончит этот чертёж задуманного предложения. Но судьба не позволила ему в третий раз вернуться в Сургут...

Анатолий продолжил работу в Газпроме, но в Челябинской области на компрессорной станции знаменитого на весь мир трубопровода «Дружба» — Уренгой – Помары – Ужгород, по которому наш тюменский газ почти даром шёл в дружественные соцстраны, а теперь в - СНГ и далее на Запад.

Анатолий с новой семьёй завёл в селе Арасланово своё подворье, поправился на деревенском питании, развел ферму. Работу механиком не бросил. Наоборот пошёл на повышение и стал главным механиком. Одновременно преподавал в сельской средней школе физику и черчение. Показал он мне своё хозяйство во время нашей встречи, состоявшейся в 1990 году. Проездом в отпуск на своей машине я заехал в Арасланово и сообщил ему, что в августе на родине, в Бугуруслане соберутся все наши сестры и братья на юбилейную встречу. Тогда все десять детей наших родителей были живы и здоровы. Анатолий не был на родине около 30 лет и обещал к встрече подъехать.

Фермерское хозяйство у него было большое: стада коров, овец, свинарник, сенокосные поля, техника – трактор, сеялки, косилки и небольшая мастерская со сварочным аппаратом. Кроме этого - домашнее хозяйство с огородом. С этим справлялись жена и приёмная дочь. На лето он нанимал несколько работников.

На встрече в родительском доме все были рады и довольны. Наконец-то после длительной разлуки вся семья — десять детей, но уже без родителей - смогла собраться вместе. Последний раз такое событие было в 1953 году — единственный раз при живых матери и отце. Помянули родителей на могилках, фотографировались, и на их любимой лесной поляне в Аксаковской дубраве отдохнули и наговорились от души, вспоминая прожитые годы. Знакомились с впервые увиденными правнуками и только что родившимся (29 июля 1990 года) первым праправнуком Игорьком. На тот период нас было 46 наследников династии Федотовых.

Разъезжались с твёрдыми намерениями и обещаниями регулярно собираться в родительском доме, но жизненные трудности того «тёмного» для России времени перестройки отложили встречу аж до 2000 года – года стыка тысячелетий, года

миллениума. Трое не дождались этой встречи и первым из них в 1992 году трагически в автокатастрофе погиб старший брат Анатолий. В последний путь в селе Арасланово в Челябинской области его провожали четыре сестры — Тоня, Таня, Маина, Юлия - и я. Тяжело было переносить утрату умершего в 56 лет, полного сил и энергии родного брата. К концу этого же года после тяжелой болезни ушла из жизни сестра Тамара в возрасте 54 года, а в 1994 году скорострительно скончалась сестра Маина в возрасте 60 лет.

В 2000 году на встречу собрались 5 сестёр и два брата, а в 2005 году – три сестры и два брата. На сегодня нас осталось четверо – кроме меня - три моих старших сестры: Лидии - 86 лет, Антонине - 83 года, Юлии – 69 лет. Но жизнь продолжается во внуках, правнуках и праправнуках. Старейшая трудовая династия нефтяников Федотовых с годами только разрастается. На генеалогическом древе семьи Федотовых сегодня 61 человек. Только такими семьями может быть обеспечена положительная тенденция в развитии демографической ситуации в России. Как тут не вспомнить с благодарностью наших родителей – Алексея Кузьмича и Дарью Алексеевну, воспитавших десять детей.

Глава третья

Я - буровик Сибири

Во многих отраслях отечественной промышленности работали и продолжают работать представители трудовой династии Федотовых, но большая их часть связана с нефтегазовой отраслью и важнейшей её составляющей – бурением нефтяных и газовых скважин. Начало трудовой династии геологов-нефтяников Федотовых положено ещё в 1910 году, когда старший брат моего отца – Иван Кузьмич – начал учиться в Петербургском горном институте, успешно закончил его по специальности «горный инженер», и в 1917 году начал работать на Эмбинских месторождениях нефти, что в Гурьевской области Казахстана. Он начал отсчёт буровиков нашей династии.

В 1922 году, по окончании Гражданской войны, мой отец Алексей Кузьмич стал работать со старшим братом сначала слесарем, а затем механиком по ремонту бурового оборудования. Предки нашей семьи – деды и прадеды мои, родом из деревни Пешелань, Арзамасского уезда, Нижегородской волости. Дед Кузьма, 1860 года рождения, держал свою кузницу и был зажиточным крестьянином, имевшим своё хозяйство, что позволило ему дать образование своим пятерым детям: двум сыновьям Ивану и Алексею и трём дочерям Анне, Александре, Марии. Кузницу и хозяйство в годы Революции экспроприировали, а чтобы не выселили семью, мой отец ушел добровольцем в Красную Армию. Конармейцем в дивизии Василия Ивановича Чапаева армии Михаила Васильевича Фрунзе мой отец дошел до низовьев Урала да там и остался у старшего брата жить и работать. Только в 1936 году наша большая семья переехала осваивать нефтяной район «второго Баку» - в город Бугуруслан Оренбургской области.

Мы, послевоенные пяти- семилетние мальчишки: младший брат Володька, я и два наших племянника Мишка и Юрка, бегая жарким летом с бидончиками за холодной родниковой водой, как замороженные, смотрели на буровые вышки. За городом на хлебных полях они казались нам большими кораблями, плывущими по океану.

Вышка была как мачта, приемные мостки с трубами – как носовая палуба, силовой и насосный блоки – как корма. Мы взбегали на мостки и с интересом смотрели, как Юркин отец – бурильщик Михаил Алексеевич Рыбаков виртуозно управлял громадными движущимися механизмами и быстро снующими по площадке у вращающегося ротора помощниками. Длинные трубы с долотом на конце одна за другой уходили в глубину земли.

Дядя Миша твёрдо стоял у крутящегося барабана лебёдки, держа правой рукой рукоять тормоза, а левой – штурвал газа управления дизелями. Штурвал по форме был похож на штурвал боевого морского катера, а дядя Миша на рулевого. Всё вокруг дрожало, грохотало и вибрировало как при морском шторме на катере. И на самом деле Михаил Алексеевич Рыбаков во время Отечественной войны сражался с немецкими кораблями и подлодками на Балтийском море рулевым торпедного катера. А после войны он – лучший бурильщик знатной в Оренбуржье буровой бригады мастера Сакадина Алексея Никитовича, Героя Социалистического Труда. Сам Михаил – кавалер ордена «Трудового Красного знамени» и многих боевых наград.

Когда все трубы спускались на забой, включались буровые насосы и начиналось бурение (углубление скважины) с выходом из скважины раствора с камешками горной породы. Эти камешки (шлам) отсоединялись на сите от раствора и мы любили их собирать, такие разноцветные и отличные от камней-голышей на поверхности земли. Дядя Миша по крутой лестнице подводил нас за руку к своему пульту управления, а когда буровая не работала, то поднимались с ним по круговой маршевой лестнице вокруг вышки на самый верх до кронблока – на высоту 53 метров. Коленки дрожали и дух захватывало, но вид, открывающийся сверху, того стоил. Видно, с тех времён, с детства зародилось у меня желание стать буровиком. И мы втроем: я, Володька и Мишка, стали ими, а Юрка закончил физмат Уральского политехнического института и работал на закрытом оборонном предприятии в Челябинске по компьютерным системам современного танка.

Хоть и тяжелейшая это профессия - буровика, особенно в геологоразведке, но интересная, до конца не изданная, в то же время знатная и почётная. Скважина – это сложнейшее инженерное сооружение ниже уровня земли, это не оборудование и механизмы на устье скважины, которые можно увидеть, отремонтировать или заменить. Безаварийная проводка скважин требует от буровиков больших технических знаний, опыта и даже интуиции, выработанной многолетним трудом в полевых условиях.

В 1999 году произошёл самый большой кризис в геологии и в нефтегазодобывающей промышленности России. В объединении «Объединение «Объединение геология» сложилась критическая во всех отношениях ситуация, грозившая катастрофой вплоть до банкротства и самоликвидации. Но, к счастью, такого не произошло, однако добыча нефти по России снизилась в два раза, до 303,5 миллиона тонн. Это был переломный год, особенно в бурении. Все нефтегазодобывающие компании России кратно снизили капитальные финансовые вложения в перспективу добычи нефти, то есть в эксплуатационное и разведочное бурение. Правительство отменило 10% ставку отчислений от прибыли продаж нефти на восстановление минерально-сырьевой базы, то есть на разведку. Единственная компания ОАО «Сургутнефтегаз» не пошла по такому пути получения максимально быстрой прибыли от имеющегося фонда эксплуатационных скважин, а продолжила наращивание задела в бурении новых скважин. Объём эксплуатационного бурения снизился только на 10% и составлял в те годы почти 50% от метража бурения по всей России, а по прогрессирующему горизонтальному бурению и резке боковых стволов из простаивающего фонда нерентабельных для промышленной эксплуатации скважин – до 75%. Такая позиция хозяйствования «Сургутнефтегаза» позволила не только сохранить добычу, но и приращивать её ежегодно на 8-10%. Это стало возможным благодаря созданию в «Сургутнефтегазе» Управления резки боковых стволов и капитального ремонта скважин (УЗБСНКРС), а также Управления поисково-разведочных работ (УПРР), которое обеспечило опережающий над добычей прирост запасов нефти. Создаваемые предприятия и рабочие места позволили задействовать сокращённых специалистов из ОАО «Юганскнефтегаз» и ОАО «Объединение геология», что сократило до минимума уровень безработицы в регионе.

Нефтяная компания вкладывала в разведку на перспективу громадные финансовые средства, хотя в начале девяностых годов планировалась вхождение большой геологии Среднего Приобья в её состав. По такому пути пошли многие геологоразведочные предприятия Тюменской области: объединение «Мегионнефтегазгеология», Ноябрьская, Красноленинская экспедиции ...

Мелкособственнические амбиции управляющих чиновников из Министерства, Главка и объединения не позволили сохранить большую геологию в том варианте, и «Объединение геология» в 1999 году четырьмя бригадами набурила всего 48001 метр. В 1988 звёздном году самое большое в СССР, да, пожалуй, и в мире геологоразведочное предприятие пробурило на порядок больше - 534 951 метр двадцатью бригадами, приравнив запас нефти в количестве 306 миллионов тонн. Это соответствовало половине добываемой в ту пору в СССР нефти.

Но, как говорится, «мавр сделал своё дело, мавр должен уйти»: старшему поколению – ветеранам и работающим пенсионерам - уйти на заслуженный, достойный отдых; молодым геологам снова, как и первопроходцам 50-х, - выйти в необжитые перспективные районы Восточной Сибири и шельфа морей Северного Ледовитого океана. Конечно этот «уход» для всей нефтегазовой отрасли был драматичным. В течение десяти лет «Объединение геология» из бюджетной организации три раза преобразовывалась, меняя своих хозяев – нефтяных компаний ТНК, НАФТА, Славнефть.

В 1990 году была ликвидирована Юганская нефтегазоразведочная экспедиция в посёлке Угут, бурившая максимально в год 68 254 метра и подготовившая к эксплуатации крупное в те годы Тайлаковское месторождение, находящееся в заповедной зоне и только начинающее, спустя 20 лет, разработку. Борьба за владение лицензией на разработку этого крупного месторождения нефти привела к небывалому, можно сказать, спекулятивному росту акций ОАО «Объединение геология». В 1992 году добилась перехода в полном составе в ОАО «Ноябрьскнефтегаз» (будущая компания «Сибнефть») Ноябрьская НГРЭ, бурившая в год подъёма 161 606 метров.

Отставая на всех уровнях, от Салехарда до Москвы, целостность северной разведки, её востребованность в перспективных районах Ямала, начальник экспедиции Александр Андреевич Калашников перегрузил сердце и скоропостижно скончался от инфаркта.

В 1998 году была ликвидирована в самом Сургуте Восточно-Сургутская НГРЭ, бурившая в 1988 году 128 413 метров. Крупнейшее в Сургуте автотранспортное предприятие геологии (600 машин) было

распродано частным мелким фирмам и физическим лицам. Многие мелкие предприятия геологов обанкротились и пошли с молотка. Соцкультбыт безвозмездно передал администрации города. Крупнейший спортивный комплекс Сургута «Геолог» впоследствии перешёл в муниципальную собственность.

Последним этапом преобразований стал перевод оставшихся предприятий геологии (Сургутская НГРЭ, вышкомонтажное и строительно-дорожное управления) на цеховой уровень с непосредственным подчинением аппарату управления ОАО «Объединённая геология» в составе нефтяной компании «Славнефть». Сохранению предприятия от банкротства и ликвидации способствовали работы на подряде по договорам с нефтяными компаниями, мизерные дотации из бюджета ХМАО и лицензии на разработку (добычу нефти) Западно-Асомкинского, Юрьевского и Тайлаковского месторождений. Создание в 1992 году цеха добычи нефти, а затем нефтегазодобывающего предприятия «Сургутгеолнефть» позволило начать эксплуатацию с имеющихся на Западно-Асомкинском месторождении разведочных скважин (пробная эксплуатация). Восточно-Сургутская НГРЭ пробурила там в 1992 – 94 годах ещё пять уже наклонно-направленных эксплуатационных скважин. Добывающее предприятие возглавили перешедшие из «Сургутнефтегаза» специалисты-нефтяники: начальник А. Н. Крылов, главный геолог М. Э. Лалоян, главный инженер К. П. Маровян.

Преобразованное затем в ЗАО «Объединённая геология» НГДУ стало добывать на Западно-Асомкинском месторождении по 250 тысяч тонн нефти в год, перекачиваемой на сборный пункт НГДУ «Юганскнефтегаз» по построенному 30-километровому трубопроводу диаметром 219 миллиметров. ЗАО «Объединённая геология» возглавил Владимир Георгиевич Василенко, до этого работавший: в 70-х годах - бурильщиком Вахской НГРЭ в бригаде В. Ф. Маас, в начале 80-х – начальником БПО Ноябрьской НГРЭ, а перед назначением – заместителем начальника Восточно-Сургутской НГРЭ.

Такая организация работ по собственной добыче нефти позволила в какой-то мере замедлить развал большой геологии Среднего Приобья. Были приобретены специально для наклонно-направленного бурения две установки «Уралмашзавода» БУ-3000ЭУК и задействована в работу старейшая бригада бурового мастера, кавалера трёх орденов «Трудовой Славы» Владимира Сергеевича Соловьёва. Он - единственный в Сургуте - удостоен такого звания за открытие многих месторождений Среднего Приобья. За 1994 – 98 годы бригада Соловьёва совместно с инженерно-техническими работниками экспедиции и Объединения при помощи специалистов «Сургутнефтегаза» освоила технологию наклонно-направленного бурения и пробурила на Западно-Асомкинском месторождении 30 скважин. Это позволило сохранить буровую бригаду, в полном составе укомплектованную сургутскими специалистами-буровиками. Остальные четыре бригады Сургутской НГРЭ на 90% состояли из вахтовиков, приезжающих на время работы со всех концов России и даже из Украины. Отработавших долгое время мастеров: Сабахутдинова Салиха Шамсиевича, Хвостова Владимира Михайловича, Нишанбаева Раимжана, Аксарина Николая Семёновича и других заменили молодые мастера: Савин Василий Иванович, Несмеянов Александр Иванович, Бижанов Роман Хайретдинович, Валиев Булат Анисович.

Низкая квалификация временных вахтовиков; старые, с несколько раз продлёнными сроками эксплуатации, буровые установки; невозможность в полном согласии с техническим проектом объёма снабжения материалами и инструментом, - приводили к частым авариям при бурении глубоких разведочных скважин. Заказчики - нефтяные компании - стали отказываться от услуг геологов по бурению разведочных скважин. В конце августа 1999 года все четыре бурящиеся скважины оказались в аварийном состоянии. Прихваты инструмента на скважине Р-17 Юрьевской площади (буровой мастер Савин В. И.) при забое 2926 метров, на Р-970 Эниторской (Несмеянов А. И.) при забое 3353м., на Р-171 Грибной (Валиев Б. А.) при забое 2425 метров, а так же оставление шарошек долота на забое 3024 метров на скважине Р-104 Алымской площади (Бижанов Р. Х.) полностью парализовали плановую работу в сентябре.

Безаварийно сработала в августе – сентябре самого кризисного года буровая бригада мастера Александра Борисовича Зуева, собранная из ликвидированных в 1998 году вахтовых бригад. И такой сборной бригаде доверили бурение самой сложной и ответственной скважины на Тайлаковском месторождении. На месторождении было пробурено порядка 30 разведочных скважин, и оно было готово к защите запасов и передаче нефтяникам. Остался заключительный, но очень ответственный этап — бурение оценочной скважины сложной конструкции со вскрытием продуктивных пластов и

отбором керна с промывкой раствором на нефтяной основе. На заключительной стадии разведки крупных месторождений бурение таких скважин обязательно для подтверждения извлекаемых запасов нефти.

В моей тридцатилетней практике бурения на всех крупных месторождениях непосредственное участие в проводке таких скважин случалось неоднократно. В 1972 году на Р-107 Самотлорской, в 1976 году на Р-106 Варьёганской, в 1979 – на Р-139 Фёдоровской, в 1980-98 годах ещё на шести скважинах в Сургутской, Восточно-Сургутской и Ноябрьской экспедициях. Свой дипломный проект и доклады на научно-технических конференциях в Сургуте и Тюмени я тоже посвятил этой теме. В 1977 году в Тюмени был награждён дипломом Первой степени и авторучкой с золотым пером, которые вручал Иван Иванович Нестеров – член-корреспондент Академии наук СССР, самый знатный геолог Тюменского севера и оптимист по натуре. Это он поддержал сургутских нефтеразведчиков в самые трудные 50-е годы надеждой на скорое открытие нефти.

Вот поэтому меня, естественно, назначили ответственным за бурение оценочной скважины Р-256 Тайлаковской. Почти всё время я проводил на месторождении и прилетал в Сургут лишь для того, чтобы помыться, сделать отчёты да поучаствовать в ежедневных планерках-совещаниях аппарата объединения. Р-256 на Тайлаках успешно закончили и получили приток нефти, в два раза превышающий тот, который получили на соседней скважине, расположенной в ста метрах.

На одной из планерок разразилась нешуточная полемика о роли бурения и буровиков-организаторов основного производства. Молодые буровики - последние начальник и главный инженер Сургутской экспедиции - отстаивали позицию, согласно которой основные причины аварийности - в изношенном оборудовании, плохом материально-техническом снабжении и низкой оплате буровицкого труда, особенно вахтовиков. Старшее поколение отдавало приоритет роли личности буровика, его компетентности, знаниям и практическому опыту. Выдающиеся личности в любой отрасли играли немаловажную роль в достижении общего успеха во все времена. В начале 70-х годов объёмы бурения и добычи нефти по Тюменской области росли кратно. В 1970 году добыли 28, 5 миллионов тонн. нефти, в 1975 – 149, в 1980 – 308. Объёмы разведочного бурения по Сургутской нефтеразведке составляли соответственно – 53 437 метров, 121 045, 172 554 метра.

Учась в Тюменском индустриальном институте в 1970-75 годах, мы – студенты, имевшие до поступления в вуз производственный опыт работы, создали при кафедре бурения научно-технический центр «Буровик Сибири» и приглашали на встречи знатных буровиков того времени. Они рассказывали о своей работе, жизненном пути, считая звание буровика самым высоким в жизни. От имени нашего центра мы торжественно вручали им символические удостоверения с теснением золотыми буквами на обложке «Буровик Сибири». Удостоверение №1 было вручено

Виктору Ивановичу Муравленко – начальнику «Главтюменьнефтегаза», №2 –Геннадью Михайловичу Лёвину – Герою Социалистического Труда, буровому мастеру, впервые пробурившему на Самотлоре за год 100 тысяч метров скважин; №3 – Почётному президенту нашего клуба, заведующему кафедрой бурения, кандидату технических наук Георгию Степановичу Грязнову .

Однажды староста нашей группы Сергей Малыгин пригласил на встречу своего отца – бурового мастера с 1955 года, Героя Социалистического Труда Семёна Лукича Малыгина – первооткрывателя многих месторождений Среднего Приобья. Семён Лукич был моим наставником по труду. В армию я уходил из его бригады и после демобилизации вернулся в этот дружный рабочий коллектив. Рекомендацию в партию получал от Малыгина. Бывая в Тюмени, обязательно захожу к нему домой проведать, получить очередной заряд бодрости духа, а ведь ему исполнилось 82 года.

На встречи в наш клуб «Буровик Сибири» приходили Семён Никитович Урусов, Николай Глебов, Виктор Китаев... Президентом нашего институтского клуба был учившийся в ту пору Владимир Богданов. За заслуги в сохранении объёмов бурения в критические для России годы его с полным правом можно поставить в один ряд с выдающимися буровиками Сибири.

За годы совместной работы в труднейших полевых условиях Среднего Приобья непререкаемыми специалистами – буровиками для меня стали мастера: Жумажанов Нажимтден Уакпаевич, Соловьёв Владимир Сергеевич, Сабахутдинов Салих Шамсиевич из Сургута; Маас Вильгельм Фридрихович и Камышин Александр Валерьевич из Ноябрьска; Норкин Григорий Иванович, Хафизов Фаат Закиевич и Курбатов Анатолий Иванович из Мегиона. Бригада Анатолия Курбатова была самой передовой из комсомольско-молодёжных бригад 60-х годов. Первая комсомольско-молодёжная свадьба в посёлке

Мегион была у бурильщика Михаила Стюрова и лаборанта-коллектора этой бригады – Ани. После свадьбы все спрашивали, - куда делись молодожены? А им выделили на буровой отдельный балок, и они всё медовое лето провели в тайге с комарами и мошкой, живя и работая на скважине, так как в посёлке не было отдельного жилья. Это о таких буровиках сказал тюменский поэт Иван Николюкин на научно-технической конференции молодых специалистов и учёных в Тюмени в апреле 1966 года:

Вот они, я всюду узнаю
Их по смелой трудовой сноровке.
По привычке жить в любом краю,
По бывалым курткам и спецовкам.

И я горд, что жизнь меня свела
С ними на большие расстоянья,
В паспорте буровиками назвала,
Самое большое выдав званье.

Из инженеров-буровиков в сфере геологии Среднего Приобья не изменили своей специальности до выхода на заслуженный отдых Александр Тихонович Горский, Владимир Алексеевич Абазаров, Михаил Петрович Палашкин, Степан Леонидович Каталкин, Виктор Михайлович Пархомович, Владимир Иосифович Коломасов.

После того полемического совещания в сложившейся критической финансово-производственной ситуации Генеральный директор Объединения издал приказ об очередном сокращении кадров, отправке многих инженерно-технических работников в отпуск без содержания, а некоторых о переводе на работу на полставки. Мы с Коломасовым, начальником ПТО, попали в разряд полставочников. Но как можно разделить скважину, находящуюся в бурении на две стадии? От забурки и до спуска эксплуатационной колонны и её цементаж – это единый процесс. Я ушел на три месяца в отпуск без содержания, а затем взял ещё очередной отпуск, благо в запасе при нашей работе всегда были неиспользованные отпуска. Владимир Иосифович Коломасов перед выходом на пенсию продолжил работу на полную ставку, полагаясь на достойную её величину. Но пенсию насчитали всем одинаково – не более 75% средней зарплаты по России: и высококвалифицированному специалисту-полевку, и рядовым работникам-исполнителям. Мне не пришлось отдохнуть после такого приказа, так как коллеги-нефтяники пригласили меня на работу по трудовому соглашению на три месяца в Сургутское УБР-2 к Геннадию Михайловичу Лёвину консультантом по бурению оценочной скважины №366 Камынской площади с аномально-высоким пластovým давлением. С Геннадием Михайловичем не раз сходились наши дороги на буровицкой стезе. Ещё в начале 1965 года буровая бригада Лёвина принимала у нас – монтажников экспериментальную, первую в СССР буровую установку с автоматическим (без верхового рабочего) спуско-подъёмом бурильных труб. Я на дипломной практике работал вышкомонтажником 2 разряда в тресте «Первомайбурнефть», что в г. Отрадном Куйбышевской области.

Помню, как молодой – 27 лет - коренастый, круглолицый, со слегка выпуклыми глазами, подвижный мастер обошёл всю буровую, вникая в тонкости нового оборудования. Быстро составил от руки дефектную ведомость – свои замечания и предложения, через два дня приехал проверить и оставил на буровой одну вахту буровиков для совместной работы с монтажниками. В 1968 году со всей бригадой Лёвин переехал на Север в Мегионскую контору бурения, а с 1969 года начали работать на Самотлоре параллельно с бригадой бурового мастера Степана Ананьевича Повха, пробурившего первую самотлорскую эксплуатационную скважину.

Я в то время работал там же – в Мегионе, на Самотлорском месторождении в буровой бригаде С. Л. Малыгина. В 1981 году Лёвин возглавил Сургутское УБР-2 и работал вплоть до выхода на заслуженный отдых в 2003 году. По обмену опытом в технологии бурения геологоразведчики постоянно общались с нефтяниками. В чём то мы им на первой стадии помогли, в чём то - они нам, особенно в пору кризисных лет перестройки. Главный технолог Зайко Владимир Иванович, начальник технического отдела объединения «Сургутнефтегаз» Плодукин Владимир Петрович, главный инженер Ануфриев Сергей Валентинович и главный технолог Кузьмин Николай Николаевич из УБР-2 всегда шли навстречу нашим проблемам и просьбам. То, что геологи не вошли в состав «Сургутнефтегаза», не говорит о том, что между

нами были разногласия. На уровне буровых бригад, ИТР, начальников отделов и подразделений работали взаимосвязанно, ведь земля и месторождения на ней одни. Вначале шли мы – геологи, открывая, изучая и подготавливая запасы нефти к разработке. Затем по нашим точкам (скважинам) и картам, но широким фронтом шли нефтяники. В первых научно-практических конференциях Сургута участвовали вместе, поочередно делая доклады и предложения по общим темам.

Несмотря на заманчивое предложение остаться в УБР-2, УПРР или Управлении ЗБСиКРС, я вернулся в «Обънефтегазгеологию», где начинал работать с её образования в 1976 году, где вместе пережили и подъём, и кризисные годы, и уже в следующем 2000 году набурили 70 638 метров, а в 2001 - 85 550 метров. При оформлении пенсии в 2002 году своё символическое удостоверение «Буровик Сибири» за №4 передал вместе с другими личными экспонатами в музей геологии Сургута.

30 лет назад, в 1977 году, начиналось с таких же объёмов – 77 835 метров было набурено тогда сургутскими геологоразведчиками. Работа в технологическом отделе Объединения поначалу была скучна и непривычна мне. Была неудовлетворённость от выполнения мелких технических кабинетных заданий. Хотел уже возвращаться работать в экспедицию, в полевые условия поближе к скважинам, но спасибо старому опытному буровику Владимиру Васильевичу Архангельскому – начальнику ПТО, который направлял мои знания, небольшой практический опыт технологии проводки скважин в нужное русло. Высокообразованный, интеллигентный он спокойно, капля по капле, скрупулезно и настойчиво обучал меня правильному составлению технических отчётов, графиков бурения, проектно-сметной документации, анализу буровых работ и выбору стратегического направления в повышении технико-экономических показателей и рентабельности конечного результата геологического производства – прироста запасов нефти. Хоть давно нет в живых Владимира Васильевича, но добрая память о нём навсегда осталась у людей, работавших с ним. В войну он летал радистом на тяжёлом бомбардировщике, был ранен, контужен. После войны окончил Свердловский горный институт, работал в Якутии, Афганистане. Постоянно курил папиросы «Беломор» за рабочим столом, потому что не мог позволить себе частые перекуры со спуском на первый этаж в туалет. У него сильно болела раненая нога и он вышел на пенсию по инвалидности, недоработав до срока один год. Но работы в бурении он выполнил на многие годы вперед и мог дать фору в этом любому молодому инженеру. Даже в преклонные годы он выезжал на буровую для ликвидации особо сложных аварий.

После трёхлетней работы на буровых в Мегионской НГРЭ я не мог усидеть на месте в аппарате объединения и в первый же месяц по заданию главного инженера Михаила Петровича Палашкина вылетел вертолётном на самую дальнюю скважину Сикторской площади, что в Вахской НГРЭ за 500 километров восточнее от Сургута. Разведку на этой площади вела буровая бригада мастера Вильгельма Фридриховича Маас, впоследствии кавалера трёх орденов Трудовой Славы. Скважины глубокие – 3000 метров, но не сложные в геологическом отношении. Отбор керна производился только в одних Юрских отложениях на глубине порядка 2900 метров. Быстрому бурению таких скважин (около 40 дней) способствовала не только чётко слаженная работа и высокая квалификация мастера и бурильщиков - Василенко Владимира Георгиевича, Демидова Владимира Ивановича, - но и отработанная до мелочей технология проводки. После бурения верхних глинистых горизонтов на глубине 2000 метров наработанный тяжёлый раствор частично сбрасывался из циркуляции и разбавлялся водой, обработанной химвагентом. На лёгком малоглинистом растворе подходили к проектной глубине скважины. Причём очистку раствора от выбуренной породы производили двухступенчатно на вибросите и гидрориклоне. Всё это позволяло достичь высоких скоростей бурения и проходок на долото и, как следствие, закачивание скважины раньше проектного срока. Один лишь недостаток – при частичном сбросе раствора нарушалась экологическая обстановка вокруг буровой и несколько увеличивался расход химвагента. Но при разведочном бурении, когда скважины находились на значительном расстоянии от 5 до 10 километров, такие нарушения не могли сильно повлиять на окружающую флору и фауну. Опыт периодических проверок фонда старых законсервированных разведочных скважин свидетельствует о том, что через 10-15 лет всё зарастает так, что устьевое оборудование не сразу отыщешь.

По приезде в Сургут сделал отчёт-анализ технологии бурения и предложения по обработке бурового раствора новыми химвагентами, предотвращающими активное его насыщение глинистой фазой и соответственно исключаящими сброс излишек раствора. Такую технологию бурения на малоглинистом растворе мы разрабатывали в лаборатории научно-исследовательского института ЗапСибБурНИПИ при Главке под руководством Александра Ильича Козубовского.

У него я подрабатывал, учась на старших курсах индустриального института. Главный инженер объединения М. П. Палашкин поддержал мою инициативу, рекомендовал написать статью в московский отраслевой реферативный журнал «Бурение» и вызвал А. И. Козубовского для практического внедрения предложения.

Всё это было оперативно проделано, и уже осенью этого же года на скважине Р-97 Карамовской площади в бригаде Н. У. Жумажанова была практически отработана новая технология обработки и очистки бурового раствора. В качестве нового химреагента использовали побочные остатки при производстве высокопрочного стекла для авиации и автомашин с техническим названием ГКЖ (гидрофобизирующая кремнийорганическая жидкость). Везли её в жидком виде в цистернах по железной дороге с завода «Оргстекло» что в городе Дзержинске Горьковской области, разливали в Сургутском УППОиК в 2 – 3 кубовые ёмкости и доставляли на буровые, в летнее время - на подвеске вертолётки МИ-6.

Нажмитден Уакпаевич смену старой, годами наработанной технологии бурения сначала воспринял в штыки. Даже после забурки и спуска кондуктора (первой обсадной колонны на глубину 400 метров.) вылетел с буровой, сказав: «работайте, как знаете, но ответственность берёте на себя». Бригадой остался руководить помощник бурового мастера Владимир Михайлович Хвостов, окончивший годом раньше Уфимский нефтяной институт и приехавший в Сургутскую нефтеразведку с женой Ларисой и маленьким сыном. Лариса Михайловна стала работать техником в отделе труда и зарплаты у ветерана, опытного бухгалтера Льва Дмитриевича Вольхина. В последующие годы она выросла до главного бухгалтера Сургутской НГРЭ, а с её ликвидацией в 1999 году – до главного бухгалтера объединения.

Через неделю при забое около 2000 метров, прилетает на смену Жумажанов и с вертолётки прямо к желобной системе. Резиновый сапог опустил в раствор и, поднимая ногу, пришёлкнув языком, воскликнул: «Как сливки, сам бы ел!» Сапог был чистый, что говорило опытному практику об отличном качестве бурового раствора. Александр Ильич Козубовский подсказал старому мастеру посмотреть на бурильные трубы, стоящие после подъёма из скважины за пальцем на подсвечнике. Они были совершенно чистыми от раствора и играли солнечными бликами.

«Вы что, обтиратор ставили при подъёме труб из скважины?» – спросил мастер у помощника. «Нет, - ответил Владимир – это обработанный реагентом ГКЖ раствор обладает хорошей смазочной способностью и стекает с труб, как с Вашего сапога».

«Молодцы», - похвалил всех знатный мастер, закурил свой любимый «Беломор» и угостил всех курящих из бригады, собравшихся по поводу обсуждения досрочного окончания скважины и готовности следующей из монтажа.

Молодые бурильщики Эдуард Кириллович Миронов и Виктор Алексеевич Кручинкин рвались в бой с недрами и вместе с помощником мастера В. М. Хвостовым с воодушевлением принимали всё новое в бурении. Они только что окончили курсы бурильщиков в школе подготовки рабочих кадров при Сургутской НГРЭ, где у им читал лекции по технологии бурения и крепления скважин. Это была самая первая в Среднем Приобье школа, готовившая рабочие кадры и ведущая переподготовку на высшие разряды. Первым её директором в 60-е годы был Юрий Федорович Сиротский, затем Вера Тимофеевна Гарбар, а в третьем поколении Иван Григорьевич Козловский и Клавдия Ивановна Заведеева. За 40 лет существования школы Сиротского было подготовлено несколько тысяч рабочих специалистов для всех 12 нефтеразведочных экспедиций трёх объединений ХМАО. 25 лет и я без отрыва от производства входил в состав преподавателей школы.

По результатам практического внедрения новой технологии на скважине Р-97 Карамовская мыс А. И. Козубовским в технологическом отделе объединения разработали и утвердили регламент – карту поинтервальной обработки бурового раствора на основе реагентов ГКЖ и гипана, и распространили его на все экспедиции объединения «Обънефтегазгеология», а после представления этой темы в докладе на научно-практической конференции в институте ЗапСибНИГНИ - на весь Главк, то есть на все нефтегазовые районы Тюменской области. Наш опыт по внедрению новых технологий в обработке бурового раствора переняли и нефтяники Главтюменьнефтегаза.

Результат от внедрения не замедлил сказаться. Впервые за последние годы все бригады Сургутской НГРЭ в 1978 году выполнили план по бурению. При плане 125 тысяч метров набурен рекордный для экспедиции показатель – 132 231 метров (в 1977 году – 77 835 метров), а буровая комсомольско-молодёжная бригада мастера Владимира Сергеевича Соловьева установила рекорд по

отрасли – 38 268 метров проходок и горных пород. Снизилась аварийность и улучшились технико-экономические показатели глубокого разведочного бурения. Рационально применяемая по разрезу гамма долот и принудительная гидроциклонная очистка раствора от абразивного песка позволили увеличить среднюю проходку на долото и механическую скорость бурения при усложнившихся горно-геологических условиях и возросшей глубине скважин.

При массовом внедрении новой техники и технологии из-за невозможности должного повсеместного контроля не обошлось без осложнений и аварий. Рекордная проходка в бригаде Соловьева была достигнута в основном за счет параллельной работы в течение полугода одновременно на двух скважинах. При бурении из-под кондуктора на скважине Р-22 Покамасовской площади в разрезе неустойчивых глинистых пород в интервале 370-840 метров произошел обвал с последующим прихватом и сломом бурильного инструмента. Тяжелейшая авария, на ликвидацию которой было затрачено сорок суток. А произошло все из-за халатной беспечности молодого помбура – выпускника Тюменского ГПТУ-7 и отсутствия контроля со стороны инженерно-технических работников. Вместо глинопорозка для предотвращения потерь раствора желобную систему на поверхности оградили от растекания цементом. Мешки одинаковые, бумажные, весом 40 и 50 килограммов, почти неразличимые. Заводы-изготовители ставили маркировку не на всех мешках. А раствор по новой рецептуре на основе химвреagenta гипана неустойчив к кальцию, которого в цементе по составу большое количество. Об этом в технологическом регламенте было предупреждение и даже указана специальная обработка раствора при разбуривании цементного «стакана» в кондукторе по нейтрализации ионов кальция. Но цемент попал в раствор, который потерял необходимые для бурения параметры и начался обвал с обильным выносом неустойчивой породы в виде чешуйчатого шлама. Только после зачистки земляного амбара от шлама экскаватором «Беларусь» и полной замены испорченного раствора удалось забурить второй ствол и ликвидировать аварию. Бригада рекордсмена В. С. Соловьёва после этого неудачного внедрения новой рецептуры стала с опаской относиться к испытанию передовой техники и технологии. Для достижения рекордов нужна гарантия в бурении на 100%, его не всегда удаётся добиться при испытании нового. Но рецептуры буровых растворов на основе ГКЖ и гипана прижились и в течении почти двадцати лет являлись основными для всей Западной Сибири не только у геологов, но и у нефтяников при бурении эксплуатационных скважин. Позже, с возросшими экологическими требованиями по сохранению недр и земного ландшафта, перешли на более прогрессивные рецептуры малоглинистых полимерных и биополимерных систем с четырехступенчатой очисткой от шлама и рекультивацией (восстановлением) территории после бурения.

В 1978 году Мегионская, Аганская и Вахская нефтегазоразведочные экспедиции отпочковались от нас - сургутян - и вошли в состав нового, образовавшегося в Мегионе объединения «Мегионнефтегазгеология». Генеральным директором назначили Валентина Андреевича Гаврикова, который и меня хотел забрать назад в Мегион и сделал такое предложение. Но меня назначили исполняющим обязанности главного технолога объединения «Объединение нефтегазгеология» вместо ушедшего в Главк Владимира Алексеевича Абазарова.

В начале 1979 года меня перевели на освободившуюся должность главного инженера Сургутской НГРЭ, так как отработавший до пенсии Юрий Михайлович Зуев переехал в Краснодар. Сургутская НГРЭ - самая первая и самая большая экспедиция в Среднем Приобье - вела поиск нефти и газа на обширной территории не только Сургутского района, но и захватывая часть Нижневартовского, Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Буровые находились на расстоянии до 500 километров от Сургута на Юг (Тайлаковская площадь) и на Север (Карамовская, Муравленковская площади).

Реструктуризация управления, большая отдалённость от базы, невозможность своевременного обеспечения материалами, особенно в летнее время бездорожья, когда надежда была только на авиацию, - всё это приводило к длительным простоям в бурении и, как следствие, к осложнениям и авариям.

Объединением и Главком было принято решение о создании в посёлке Ноябрьске отдельной нефтегазоразведочной экспедиции. Одну из лучших буровых бригад Сургутской экспедиции мастера Серафима Ивановича Зиновьева (впоследствии Николая Семёновича Аксарина) перевели в состав Ноябрьской НГРЭ. Позднее, к осени 1979 года, там создали вторую буровую бригаду молодого мастера, выпускника Тюменского индустриального института 1975 года, моего однокашника Геннадия Петровича Семёнова. Ноябрьская экспедиция в первый год своего образования набурила 17 357 метров.

К концу 1979 года в Объединении на базе опять же Сургутской НГРЭ была создана Восточно

-Сургутская НГРЭ, куда отошли две буровые бригады. Две вновь созданные экспедиции укомплектовывались в основном за счет Сургутской опытными инженерно-техническими работниками, ушедшими на повышение. Это ослабило Сургутскую НГРЭ, и она, естественно, отработала в 1979-80 годах ниже уровня 1978 года, набурив соответственно 103 426 и 91 723 метра. Но в целом по Объединению с учетом двух созданных экспедиций было набурено 172 554 метра, то есть на 40 000 метров больше 1978 года. Общий прогресс был сохранен.

Опытного руководителя, начальника Сургутской НГРЭ Николая Егоровича Перепелюка, прошедшего с 1957 года все ступени геологического поиска, назначили Генеральным директором объединения «Объединение нефтегазгеология». За ним ушли и многие руководители отделов и служб. Так что мне на первых порах этой реструктуризации экспедиции сургутских геологов было очень тяжело на должности главного инженера. Доставалось по полной программе, как от коллег по работе, так и от вышестоящих из Тюменского Главка — начальника Фармана Курбановича Салманова и главного инженера Юрия Дмитриевича Логанова. Пришлось на год забыть, что такое семья, спортзал и любимые лёгкая атлетика и лыжи, и посвятить себя полностью работе в поле на буровых и проведению необычных мне разрядок и совещаний, которые проводил с помощью Степана Леонидовича Каталкина, работавшего в ту пору заместителем Генерального директора по общим вопросам и одновременно исполняющим обязанности начальника нашей экспедиции.

Вскоре назначили начальником Сургутской НГРЭ Виталия Павловича Молдавского, приехавшего из Аганской НГРЭ, где он был главным инженером.

Только тогда я начал заниматься техническим руководством бурения, расстановкой и опекой новых молодых специалистов, прибывающих из вузов и техникумов. Практическую помощь оказывали и даже отцовскую заботу в продвижении молодых специалистов активно проявляли партком (Громов Михаил Николаевич), профсоюз (Иван Васильевич Дмитриенко), комсомол (Анатолий Дмитриевич Липякко) и промышленный отдел горкома партии в лице заведующего В. Н. Курбанова. Вячеслав Николаевич до этого после окончания Сызранского нефтяного техникума 10 лет работал в Сургутской экспедиции и как никто другой знал обстановку на производстве в поле и тяжёлые культурно-бытовые условия жизни молодежи в Сургуте.

Я был знаком с ним ещё с 1967 года, когда приезжал на комсомольские конференции и спортивные соревнования в Сургут из Мегиона. Вячеслав работал помощником бурильщика, помощником бурового мастера, потом комсомольским секретарём сургутских геологов и активно занимался спортом – лыжными гонками и лёгкой атлетикой. Я в ту пору работал дизелистом в бригаде С. Л. Малыгина, и мы находили с Курбановым общий интерес, как в спорте, так и в комсомольской работе. За сборную треста «Объединение нефтегазгеология» мы выступали на областных соревнованиях геологов, занимали призовые места и выполнили нормативы первых спортивных разрядов по лыжным гонкам. Позднее Вячеслав стал кандидатом в мастера спорта по лыжам, а я – по лёгкой атлетике. До преклонных лет мы не бросали спорт, вели здоровый образ жизни, вместе в Сургутском клубе любителей бега «Барс» участвуем в ветеранских соревнованиях в области и в России. Вячеслав Николаевич в 2005 году был даже признан лучшим спортсменом-ветераном ХМАО, завоевав золотую медаль в составе эстафетной сборной России на чемпионате мира по лыжным гонкам в Австрии. Мои победы поскромнее – чемпион Тюменской области и бронзовый призер Кубка России в марафонском беге на 42 километра 195 метров среди ветеранов. Так что мы личным примером показывали возможность долголетия в спорте и крепость активной жизненной позиции.

В 1979 году в ознаменование 20-летия бурения первой скважины в Сургуте был организован четырёхкилометровый пробег от места её бурения — вышки-obeliska - до памятника первым комсомольцам на улице Мелик-Карамова. На старт вышли взрослые и дети, в том числе и мы с сыном Алёшкой. Вспомнив годы занятий бегом в армии и институте, занял первое место в пробеге. В тот год команда геологов в легкоатлетической эстафете по улицам Сургута на призы газеты «К победе коммунизма» в честь Дня Победы заняла с моим участием на самом длинном этапе первое место. В следующем, олимпийском, 1980 году наша дружная команда заняла первое место в областной спартакиаде геологов в Тюмени и привезла Кубок, который хранится в музее геологии.

В экспедиции после реорганизации остался костяк опытных технических работников: главный механик Архипов Михаил Павлович, главный энергетик Ромашов Геннадий Алексеевич, начальник ПТО Амосов Алексей Иванович, главный технолог Липявко Юрий Дмитриевич, заместитель главного инженера по технике безопасности Седнев Анатолий Иванович, начальник отдела материально-технического снабжения Эдуард Михайлович Фридлиевич. Сильной осталась в экспедиции геологическая служба во главе с главным геологом Олегом Ивановичем Катковым и патриархом геологии Александром Павловичем Шашкиным – начальником геологического отдела. Цех испытания скважин возглавлял опытный специалист Заур Поликарпович Гарнага.

На разрядах-совещаниях при Сургутской экспедиции всегда были руководители смежных организаций, без которых невозможна разведка: Иван Петрович Дмитриев – начальник АТП, Станислав Антонович Каминский – начальник строительного-дорожного управления, Федор Иванович Семилеткин – начальник вышкомонтажной конторы. Однако, менее опытные, недавно пришедшие молодые специалисты из вузов и техникумов были разрозненны, постоянно меняли рабочие места и инженерные должности, ища приложение своих сил в разведке недр. Многие были неудовлетворены как работой, так и условиями культурного досуга и быта в геологии, и некоторые после трёх лет вынужденной отработки переходили в организации Сургутгазпрома и Сургутнефтегаза или уезжали с Севера в тёплые края. Жилья, детских садов, мест культурного времяпровождения для молодёжи не хватало. Жены сидели дома, воспитывая детей или, как и наша семья, отдавали их в частные руки к нянечкам. Молодые специалисты по нескольку семей жили в квартирах вместе, кооперируясь в воспитании маленьких детей, по очереди ходили на работу.

Чтобы молодые инженеры в безделье не увлекались алкоголем, особенно по пятницам, к концу рабочей недели, я собирал их в красном уголке для проведения технической учебы по единым правилам буровых работ, техники безопасности, проектно-сметной документации и внедрения новой техники и технологии. Каждый заранее готовил доклад по определенной теме и излагал свои предложения для общего обсуждения. В конце делалось обобщение и принималось единое решение. Вечерами после работы оставались поиграть в настольный теннис, шахматы, ходили в спортзал подшефной школы №2 на тренировки по волейболу и баскетболу. Любители художественной самодеятельности собирались в клубе «Геолог». В фойе вечерами ставили три теннисных стола, где я вёл секцию тенниса. Играли и соревновались все вместе – и взрослые и дети. Сборная команда геологов по настольному теннису занимала призовые места в городе и на областной спартакиаде в Тюмени. Вместе со мной в соревнованиях участвовали перворазрядники: геофизик Пётр Корниевский, школьница Галина Недвецкас, которая затем работала в нашем управлении комплектации оборудования.

Особенно активными и целенаправленными на производстве, в общественной работе и в целом по жизни были буровики: Владимир Вырвикишко, Рафаил и Галина Шариповы, Николай Демидов, Владимир и Лариса Хвостовы, Сергей и Вера Ткаченко, Аркадий и Анна Березкины, Александр и Виктория Оглезневы, Виталий Савин, Анатолий и Наталья Липявко; геологи: Леонид и Галина Пресман, Евгений Заярный, Иван и Людмила Кос, Виктор и Клавдия Заведеевы, Владимир Браташов...

Все они с годами работы в геологии стали грамотными специалистами, компетентными руководителями: Вырвикишко и Савин – начальниками экспедиций; Шарипов, Оглезнев и Ткаченко – главными инженерами; Хвостов, Демидов и Березкин – главными технологами; Липявко – начальником РИТС; Кос – главным геологом объединения; Пресман – последним главным геологом Сургутской НГРЭ, Браташов – заместителем начальника экспедиции, затем первым заместителем Мэра Сургута.

Начало 1979 года было для экспедиции особенно трудным. Достались переходящие с 1978 года три аварийные скважины, на ликвидацию которых ушел целый месяц, и в январе пробурили только 5 438 метров при плане - 8 000 метров. Для выхода из прорыва буровые бригады были усилены помощниками буровых мастеров из числа молодых ИТР и кроме того назначили кураторов – опытных начальников отделов:

за бригадой Хвостова В. М. – Николая Демидова и Липявко Ю. Д.;

Соловьёва В. С. – Александра Оглезнева и Вырвикишко В. Я.;

Малюштанова И. Ф. – Сергея Ткаченко и Ромашова Г. И.;

Роменского И. И. – Дмитрия Плотникова и Амосова А. И.;

Усанова Ю. А. – Гургена Квициани и Жумажанова Н. У.;

Зиновьева С. И. – Анатолия Липякко и Архипова М. П.

Проходка по месяцам начала стабильно увеличиваться: в феврале – 8 796 метров, в марте – 10 067 метров, в апреле, несмотря на две аварии – 10 572 метра. Когда вышли из аварий в бригадах Соловьёва и Роменского, в мае достигли рекордной месячной проходки по экспедиции – 13 014 метров.

Я практически весь май находился в полевых условиях на буровых. Стоит привести пример характерного для того времени ритма работы буровиков-нефтеразведчиков. 30 апреля с дозаправкой вертолёт МИ-8 на подбазе Рускинской вылетели расширенной приемной комиссией на самую дальнюю Муравленковскую площадь. Монтаж буровой установки БУ-80 заканчивала бригада прораба Зайчука Петра Лаврентьевича – кавалера ордена Ленина. На бурение туда, за 400 километров по зимникам, уже перебазировалась с Федоровского месторождения бригада Зиновьева Серафима Ивановича. Со своим инструментом (бурильными трубами), навесным оборудованием и так называемой «мелочевой» общим весом около ста тонн, с жилым городком из шести вахтовых балков, котельной, кухни, баней и другими вещами бригада колонной автомашин в сопровождении трактора успела до распутицы переехать на Р-215 Муравленковскую. В перспективе эта бригада должна была к концу года войти в состав новой Ноябрьской экспедиции.

Комиссия приняла из монтажа буровую установку с небольшими замечаниями. Неделки шустрая бригада монтажников Зайчука тут же устранила и была готова вылететь в Сургут на выходные и Первомайские праздники. Весь цикл строительства буровой установки монтажники проводили без выходных за 12-15 дней.

После приемки провели с буровой бригадой собрание – пусковую конференцию - и в третью очередь после буровиков и монтажников с аппетитом пообедали в просторной столовой-вагончике. Свой небольшой котлопункт в рубленной избушке монтажники уже свернули. На буровой в общей сложности находилось одновременно 45 человек, что в два раза больше обычного, но половина должна была вылететь на базу и ничего, по заверению диспетчеров авиации, не предвещало худшего. Все были в приподнятом предпраздничном настроении хорошо завершённого дела, планируя провести Первомайскую демонстрацию и выходные дни в Сургуте. Однако, раннее жужжание подлетающего вертолёт насторожило всех и, когда он приземлился и заглушил винты, что редко бывало, у всех было недоумение и вопросительные лица. Дверь открылась и из вертолёт вышла Главковская комиссия из Тюмени в сопровождении директора объединения «Объединение «Объединение «Объединение» Морозова Николая Михайловича и главного инженера Коломасова Владимира Иосифовича. Возглавляли комиссию главный инженер Тюменьгеологии Логанов Юрий Дмитриевич и начальник технологического отдела Симонов Виктор Михайлович, недавно перешедшие на усиление геологии из Тюменьнефтегаза. Они до этого назначения долгое время работали на тех же должностях в объединении «Мегионнефтегаз». В течение часа они проверили готовность к бурению, провели небольшое совещание и ответили на вопросы рабочих. Логанов подтвердил весть о создании Ноябрьской экспедиции, более того, сказал, что вторую скважину на Муравленковской площади Р-33 бригада С. И. Зиновьева должна бурить в августе в составе новой экспедиции.

На Р-215 Муравленковской произошло моё знакомство с Виктором Симоновым, переросшее затем в многолетнее плодотворное сотрудничество по внедрению новой техники и технологии на базе нашего объединения «Объединение «Объединение»». Он приехал в Сургут в командировку не один, а с создателем новейшей модификации гидравлического забойного двигателя Алексеем Иосифовичем Агеевым, кандидатом технических наук из московского Всесоюзного научно-исследовательского института буровой техники (ВНИИБТ) – продолжателем славной школы турбинного бурения Капелюшников, Шумилова и Иоанесяна. Из Москвы они доставили два комплекта экспериментального турбобура ТПС-172 (турбобур с плавающим статором), один из которых уже завезли в бригаду бурового мастера В. С. Соловьёва на Р-144 Федоровскую.

Пообедав, пилоты вертолёт забрали комиссию Главка и только пятерых монтажников, сославшись на большую загрузку, длительный маршрут по намеченным комиссией точкам и наличие дополнительного топливного бака в салоне. Перед отлетом Н. М. Морозов выразил неудовлетворенность

по поводу оставления конторы экспедиции в праздничные дни без руководства. Главный геолог экспедиции Олег Иванович Катков находился на скважине Р-54 Кочевской площади по случаю неожиданного нефтегазоявления при отборе керна во время бурения на глубине 2 855 метров. Начальник экспедиции Николай Егорович Перепелюк с начальником геологического отдела объединения Фёдором Николаевичем Людофов и топографом Владимиром Полиевтовичем Плехановым делали облет буровых с контролем зимнего сезона материалов на них для бурения в летнее время.

К вечеру погода резко изменилась, небо заволочило тучами, поднялся шквальный ветер с зарядами снега, и видимость упала до нуля. Где-то вдалеке прошумел вертолёт и позднее по вечерней связи нам сообщили, что пилоты из-за плохой видимости не нашли точку Р-215 и вынуждены были вернуться на базу.

Так мы остались вместе с монтажниками и буровиками на скважине, всего 40 человек. Мы ещё ладно – есть фронт работ, продукты питания, жильё, где по очереди можно переспать. Главковская комиссия успела вернуться в Сургут. А вот Н. Е. Перепелюк с компанией попали в перепелёт, да ещё какой! Любители охоты, они взяли с собой ружья, так как была «весновка» - открытие весенней охоты. Пока вертолёт летал на дозаправку на подбазу Русскинскую, они остались на обследовании очередной точки, на которой кроме бурового станка и материалов никого не было. Вертолёт из-за ухудшения погоды конечно не прилетел, и они три дня «поохотились» от души, спасаясь от непогоды в построенном из досок шалаше и питаясь подстреленной дичью и выловленной рыбой. Николай Егорович простыл и временно потерял голос и слух. Голос впоследствии восстановился, а слух - только частично. За такой случай «дезертиров» производства разбирали на парткоме, и мы – все работники Сургутской экспедиции - защитили их от наказания, выходя на высшие партийные инстанции вплоть до горкома партии (первого секретаря Аникина Николая Григорьевича) и обкома КПСС (Богомякова Геннадия Павловича). Н. Г. Аникин и Г. П. Богомяков, как и многие партийные и хозяйственные руководители того времени, прошли все ступени производства в нефтяной промышленности, геологии. Николай Григорьевич долгое время работал в Сургутнефтегазе, буровик по специальности. Перед назначением председателем горисполкома и первым секретарём горкома КПСС он работал главным технологом Управления буровых работ Сургутнефтегаза. Геннадий Павлович Богомяков в 60-е годы возглавлял Тюменский филиал Сибирского научно-исследовательского института геологии и минерального сырья. Они прошли через все трудности полевых работ и могли принять правильное руководящее решение как в производстве, так и в судьбах людей.

Рано утром Первого мая по предложению председателя разведкома (профсоюза) Ивана Васильевича Дмитриенко провели праздничную демонстрацию с разводом по рабочим местам. На импровизированную площадку цементноочного агрегата ЦА-320 (автомашина КРАЗ) поднялся старейший из сорока геологоразведчиков – буровой мастер Серафим Иванович Зиновьев, а остальные строим по два в шеренгу с лопатами и ломом на плечах, знаменем и выпелами, полученными бригадой за участие в соцсоревнованиях, промаршировали вокруг вышки и приступили к работе.

Вахта бурильщика Виктора Онищенко на площадке у ротора подвешивала машинные ключи, делала оснастку талевого системы и выполняла другие необходимые перед забуркой специфические работы. Дизелисты под руководством старшего из них Геннадия Ботова запустили электростанцию и делали профилактический ремонт силового и насосного оборудования. Среди дизелистов отличился своей статностью, ростом и силой, с чёрной кудрявой головой, Игорь Тудвачев. О нём рассказывали, что в трескучие морозы он с такой силой заворачивал болты на лобовой насоса, что гаечный ключ 47x55 ломался в его руках, как карандаш. В 80-е годы он возглавил во вновь созданной Восточно-Сургутской экспедиции отстающую бригаду и вывел её в передовики. Монтажники во главе с главным инженером Фёдором Ивановичем Семилеткиным и вездесущим Петром Зайчуком обшивали стенки земляного амбара тесом и жердями из подручного материала, поваленного вокруг обширной вертолётной площадки.

Пусковая комиссия конторских работников — вахта ИТР, как назвал нас буровой мастер, - разбилась на два звена. Одно, в составе главного механика Михаила Павловича Архипова, зам. главного инженера по технике безопасности Анатолия Ивановича Седнева, меня и ветерана геологии Льва Дмитриевича Вольхина - начальника отдела труда и зарплаты – начала подвоз глинопорошка и приготовление глинистого раствора. На толстый лист железа грузили из-под навеса мешки глинопорошка весом в 40 килограмм по 25 штук, подгаскивали трактором до агрегата приготовления промывочной жидкости, вручную по маршевой лестнице поднимали на площадку, разрезали ножом

мешок и засыпали глину в бункер. Через тридцать минут перемешивания 4 кубических метра готового раствора сливали в амбар. И так двадцать раз в течение суток непрерывной работы.

Второе звено в составе главного энергетика Геннадия Алексеевича Ромашова, главного технолога Юрия Дмитриевича Липякко и председателя профкома Ивана Васильевича Дмитриенко укладывало на стеллажи у приемных мостков бурильные и обсадные трубы. Эта работа у них заняла два дня — 270 бурильных труб длиной 12,5 метра и весом 300 килограмм каждая и 60 труб длиной по 9 метров и весом 450 килограмм.

Благо, что буровая находилась на гриве — сухой, возвышенной песчаной поверхности, покрытой ягелем. Ягель был естественным кормом для стад оленей, особенно в зимнее время.

Муравленковское месторождение нефти, названное в честь первого начальника Главтюменьнефтегаза Виктора Ивановича Муравленко, находилось на более благоприятной территории междуречья — на небольшом возвышении, где было мало болот. Здесь начинались речки, идущие на север к большим рекам Пуру и Надыму, а на юг — к Оби. Так что нам не пришлось на этой буровой дополнительно таскать болотные сапоги, но всё равно с непривычки некоторые инженерно-технические работники падали после такой работы с ног и мертвецки спали на нарах не раздеваясь.

Третьего мая скважина забурилась, и мы ещё успели затарить ручную смесительную машину СМН-20 (КРАЗ) 20-ю тоннами тампонажного цемента под руководством начальника цеха крепления скважин Н. Д. Ковылина. Николай Дмитриевич — ветеран Сургутской геологоразведки с 1957 года.

Четвертого мая небо прояснилось, вышло яркое весеннее солнышко, и нас с извинениями за «погоду» пилоты вывезли в Сургут. 5 мая с семи утра провели планерку-совещание в конторе экспедиции, согласовали с подрядчиками план-график работы на май. Я навестил в больницу начальника экспедиции Н. Е. Перепелюка, утвердил план-график и после обеда улетел в бригаду В. М. Хвостова на скважину Р-54 Кочевскую, где никак не могли ликвидировать нефтепроявление.

Главный геолог Олег Иванович Катков после недельного нахождения на скважине этим же вертолетом вылетел в Сургут, наспех, под шум вертолета объяснив мне ситуацию. Впопыхах он едва не забыл взять с собой отобранную пробу нефти в трёхлитровой закупоренной банке.

Уставшие от тяжелой работы буровики с радостью и надеждой на лучший исход в ликвидации осложнение встретили свежие силы — вахту бурильщика Владимира Ивановича Денисова, тампонажников, двух стропальщиков для работы с вертолетом МИ-6, бойцов противofонтанного отряда во главе с командиром Фадеевым Виталием Михайловичем. Подлетел также аварийный мастер Виталий Федорович Скорынин. С расположенной по соседству подбазы Русскинская вертолёт МИ-6 каждые 30 минут подвозил по пять тонн утяжелителя (барит) и глинопорошка. Территория буровой находилась на зимней точке, то есть на торфянике, и работы можно было проводить, пока не оттаял грунт. Вышку приходилось постоянно центрировать, укрепляя её основание и блоки стволами сосен и кедра. Территория и земляной амбар с раствором начинали затопляться талой водой.

Вывалив обстановку на скважине, запросил по вечерней связи две емкости — понтоны объемом по 40 кубических метров и гусеничный вездеход. Задействовали так же в систему циркуляции раствора 50-кубовую емкость из-под дизельного топлива. Бойцы противofонтанного отряда Протасов и Прыгунов провели профилактику своего оборудования, задвижек и аварийных отводов, хотя при первом нефтепроявлении оно сработало безотказно. Вахта бурильщика Владимира Денисова после праздничных выходных с воодушевлением начала приготовление новой порции утяжеленного раствора.

Вертолет МИ-6 бросал корзины с утяжелителем и глинопорошком на сухое место в ста метрах от буровой, и приходилось вручную на спине перетаскивать 30–40-килограммовые мешки к скважине. Друг за другом, гуськом в болотных сапогах по раскисшему торфянику с мешками на спине шли не только буровики, но и такелажники, бойцы противofонтанной службы, инженер-геолог Евгений Заярный, молодой специалист — инженер Владимир Жиров. Я не выдержал и тоже встал в общий строй. Помбурсы Виктор Топорков и Олег Астафьев, прибывшие по комсомольскому призыву после демобилизации из армии, показывали пример физической закалки и делали на несколько ходок больше, чем остальные. Бурильщик Владимир Иванович Денисов тоже вспомнил молодость, когда 20 лет назад в 1958 году приехал после воинской службы из Германии на первую Локосскую скважину в разведку к Фарману Салманову и работал там помбуром. Но все плоды нашего поистине героического труда через два дня скважина «выплюнула» вместе с нефтью через отвод закрытого устья за пределы обваловки в котлован для

сжигания нефти. При закрытом устье давление доходило до пятидесяти атмосфер, и на отводе горел факел нефти. Выбросив очередную порцию нефти с раствором, скважина успокаивалась и давала возможность снова подготовиться к задавке.

Отдав распоряжение приготовить утяжеленный раствор, 8 мая я вылетел в Сургут. 9 мая вместе с начальником технологического отдела Главка Виктором Симоновым и Алексеем Иосифовичем Агеевым — заведующим отделом турбинного бурения Московского института ВНИИБТ вылетели для участия в испытаниях экспериментального турбобура ТПС-172 на буровую Р-144 Федоровскую в бригаду В. С. Соловьева. С глубины 500 метров проходка началась этим турбобуром, испытания которого продлились и на других скважинах до конца года. Особенно хорошие результаты были получены в сентябре в бригаде бурового мастера И. Ф. Малоштанова на скважине Р-47 Восточно-Сургутской площади недалеко от Сургута на берегу Оби. Турбобур отработал без ремонта с алмазными долотами около 500 часов, что в три раза превышало межремонтный период серийных турбобуров ЗТСН-172. Этот опыт был распространен на все экспедиции Объединения и Главка, и турбобур ТПС-172 в 80-е годы пошел в серийное изготовление на Кунгурском машиностроительном заводе. Но, как говорят, первый блин всегда комом. На скважине Р-144 Федоровской испытание не закончили, так как, когда в конце апреля турбобур с двумя комплектами осевой опоры - шпинделями - везли на трубовозе по просевшему змийнику, то один шпиндель уронили и не заметили, и он при полёте зарылся в снег. Отыскали его с вертолета только летом после схода снега. За этот случай я получил выговор от Салманова и Логанова и был лишен Морозовым премии за рекордную проходку в мае.

С начальником технологического отдела В. М. Симоновым мы подробно обсудили стратегию на годы вперед по отработке опытных партий долот, гидравлических забойных двигателей, рецептур обработки раствора, новой технологии крепления по методу нефтяников, то есть все этапы технологии проводки разведочных скважин. Конечно, Объединению было престижно и почетно стать полигоном для испытания нового, но забот это принесло несравненно больше.

В Сургутской экспедиции при цехе бурения уже создали группу по внедрению новой техники и технологии в количестве шести инженеров, и В. М. Симонов заверил, что в 1980 году в Сургуте при Объединении будет создаваться отделение Западно-Сибирского бурового института (ЗапСибБурНИПИ), располагающегося в Тюмени.

10 мая после обеда я прилетел в Сургут и допоздна работал в кабинете с накопившимися бумагами и документами месячного отчета. Попытался найти помощника бурового мастера Николая Демидова, с которым планировал на следующий день лететь на Р-54 Кочевскую задавливать нефтепроявление.

11 мая после утренней разрядки, готовый вылететь на буровую, заехал в объединение к главному геологу Г. Р. Новикову. Георгий Ростиславович до переезда в Сургут 15 лет работал в Правдинской экспедиции. Начинать рядовым геологом ещё до приезда туда Фармана Салманова. При нем вырос до главного геолога экспедиции и, когда Салманов защищал докторскую диссертацию, то и Георгий Ростиславович защитил кандидатскую по теме разведки залежей нефти на месторождениях с аномально высоким пластовым давлением. По предварительному экспресс-анализу нефти на месторождениях О. И. Катковым с буровой и по поведению скважины Новиков предположил, что она подобна Сальмскому месторождению в Горноправдинске. Но как практик, пришедший из экспедиции, он для окончательного вывода должен лично побывать на скважине, о чём мы и договорились.

Я поехал на УАЗике по данному мне в отделе кадров адресу на улицу Песчаную, №11, что за рекой Саймой к Николаю Демидову. Он - местный житель, родился и закончил школу №1 в Сургуте. Через пять лет учёбы в Тюменском индустриальном институте, в 1977 году, он вернулся и работал вначале, как все молодые инженеры, помощником бурильщика, затем – помощником бурового мастера.

Я свободно доехал до высокого места, где сейчас офис Сургутгазпрома и увидел, что дальше все улицы залиты половодьем из Оби: в тот год вода поднялась до небывалого уровня – на два метра выше среднестатистического. Подняв ботфорты болотников, попытался пробраться до дома вдоль улицы, нащупывая ногами тротуар, но не тут то было...

Мальчишки, плавающие на лодках, доставили меня к крыльцу дома. В прихожей, по колено в воде, окликнул хозяина. С чердака раздалось приглашение Демидова подняться по лестнице наверх. На чердаке все было завалено домашним скарбом, перенесенным снизу. Молодежь расположилась временно наверху, а стариков и родителей перевезли к родственникам в пятиэтажку. Николай объяснил, что не может вылететь на буровую по обстоятельствам, вызванным стихией, нужно было охранять имущество,

тут же написал заявление на отпуск, которое я вынужден был подписать и вылететь на буровую без смены буровому мастеру В. М. Хвостову.

12 мая на буровую подлетели из объединения Г. Р. Новиков и Н. М. Морозов. Болотоход прибыл на день раньше, и все было готово к очередной задавке проявляющей нефтью скважины. Но и на третий раз раствор выбросило из скважины, и фонтан нефти перед закрытием устья обрызгал всю вышку, вплоть до площадки верхового рабочего на высоте 25 метров.

Георгий Ростиславович дал единственно правильное в тех условиях указание: вновь приготовить запас раствора, быстро поднять бурильный инструмент, провести запись каротажа и спустить эксплуатационную колонну, не перекрывая нижний проявляющий горизонт, и цементировать её.

К 16 мая мы успешно провели эти работы, несмотря на то, что в конце продавки цементного раствора за колонну на устье вышла нефть, которую направляли в котлован и сжигали. Последующее испытание скважины подтвердило наличие аномального давления - до 40% от гидростатического давления, но с малым дебитом нефти из продуктивного пласта — 3 кубических метра в сутки. Скважина Р-54 находилась по структуре в купольной части пласта, и такое нефтепроявление в практике бурения сургутскими нефтеразведчиками наблюдалось впервые. С трудностями они удачно справились, и скважина была закончена до наступления полной распутицы. Однако в бригаде В. С. Соловьева, работающего одновременно на двух скважинах, положение с каждым днем усугублялось. На скважине Р-44 Восточно-Сургутской площади, расположенной в затопляемой пойме Оби, ещё в марте при забое 2803 метра уронили твердосплавную челюсть - часть автоматического бурового ключа с последующей заклиной инструмента. Длительные аварийные работы и перебуривание вторым стволом в течение двух месяцев к середине мая убедили в невозможности продолжения работ из-за подтопления буровой установки.

Мы с главным инженером Объединения Владимиром Иосифовичем Коломасовым вылетели на буровую для того, чтобы принять комиссионное решение по консервации скважины. На буровой находилась одна вахта бурильщика Анатолия Ивановича Смирнова, - помощник бурового мастера Александр Алексеевич Оглезнев и начальник РИТС Владимир Семенович Аксарин. Перед нами открылась необычная картина: работы не велись, стояла мертвая тишина, нарушаемая пальбой – салютом из ружья в честь дня рождения Смирнова. Буровой станок и жилой городок стояли в воде, сообщение между ними осуществлялось только на лодке. Вода подходила к мосткам и продолжала подниматься, что было видно по засечкам на вбитом шесте. Бурового раствора на поверхности - всего 30 кубических метров в одной емкости. Земляной амбар затоплен. Это всё издержки рекордного параллельного бурения одновременно на двух скважинах. Мастер не руководит и не контролирует процесс бурения, члены бригады, имея большую переработку, теряют бдительность при работе, снабженцы не успевают вовремя выполнять заказы. Как говорится – приплыли!

После вынужденной консервации скважину Р-44 перебурили с нуля в зимнее время. На 20 мая проходка с начала месяца составляла всего 3950 метров, а отставание от плана пяти месяцев составило 18 000 метров. Партийный секретарь Михаил Николаевич Громов срочно собрал внеочередное заседание парткома экспедиции и вынес на обсуждение только один вопрос – о состоянии буровых работ.

До конца месяца планировалось забурить пять нулевков – то есть провести громадный объем подготовительных и организационных работ, и, в конечном итоге, самого бурения разведочных скважин. Надо отдать должное транспортникам, дорожникам, Управлению технического обслуживания и комплектации оборудования, базам и подбазам - они полностью выполнили зимний завоз на летние точки и создали фронт работ буровикам. Заседания парткома в те времена практически дублировали производственные совещания, и на них принимались чисто технические решения. Вот некоторые решения того заседания парткома:

1. «Улучшить качество монтажа и не допускать задержек буровых бригад по причинам ожидания станка.
2. Добиваться действенной помощи в централизованном снабжении передовых бригад из Тюмени и объединения.
3. Строго соблюдать технологические регламенты при бурении скважин - ГТН, РТК, КПОР (геолого-технический наряд, режимно-технологическая карта, карта поинтервальной обработки раствора).

4. Ликвидировать простои во время заканчивания скважин при каротаже и спуске эксплуатационной колонны.
5. Шире и смелее применять передовую технику и технологию бурения, для чего подключить группу внедрения новой техники и научно-исследовательские институты Тюмени, Краснодара, Москвы.
6. Среди молодых ИТР проводить техническую учебу и повышение ответственности за порученное дело, ужесточить отчетность и спрос за нарушения и оплошность.
7. Для снижения аварийности соблюдать режим труда и отдыха, переработку допускать только в пределах нормы при заканчивании и забурках скважин.

В констатирующей части решения были отмечены «рекорды» по авариям: Р-22 Покамасовская и Р-44 Восточно-Сургутская в бригаде Соловьева В. С.; Р-104 Карамовская в бригаде Хвостова В. М.; Р-41 Восточно-Сургутская в бригаде Малоштанова И. Ф.; Р-105 Карамовская в бригаде Роменского И. И. В общей сложности за счет аварий было потеряно 12 тысяч метров скважин. Необходимо переходить к истинным рекордам - по показателям бурения.

Водушевленные партийным призывом все разъехались по полевым бригадам, до конца месяца забурили планируемые пять нулевок и пробурили по экспедиции за десять оставшихся дней мая 9064 метра, а в общей сложности за месяц – 13 014 метров.

Я вылетел с приемной комиссией в бригаду бурового мастера Юрия Алексеевича Усанова на скважину Р-18 Северо-Островную, что всего в семидесяти километрах от Сургута, недалеко от посёлка Локосово. Скважина находилась на берегу большого живописного озера и запомнилась удачной рыбалкой, отменной ухой и проснувшейся медведицей с двумя маленькими медвежатами. Комиссия в тот же день вылетела обратно, а я остался на буровой чтобы помочь ускорить бурение вместе с молодым помощником мастера Гурgenом Иламазовичем Квициани. К нам годом раньше приехали два молодых специалиста из Тбилисского политехнического института. Один, не отработав и года, не выдержал зимних условий и сбежал назад в Грузию, а Гурген прижился на Севере, работал впоследствии во вновь образованной Восточно-Сургутской экспедиции и вырос до начальника ПТО. Однако в годы развала Союза все-таки уехал на родину, а жаль – хороший буровик из него мог бы получиться.

Вода в озере у буровой к концу мая прогрелась, и мы с Гурgenом плавали на противоположный берег за желтыми кувшинками – лилиями. С кронблока вышки было видно медведицу с медвежатами, спокойно лакомившимися прошлогодней клюквой на ближайшем болоте. Нам тоже хотелось пособирать крупной клюковки, особенно вкусной после зимы, но было боязно, а с ружьем не хотелось нарушать покой медвежьей семьи – хозяев тайги.

Буровая работала размеренно, скважина вела себя без осложнений, вахты возглавляли надежные бурильщики – Юрий Николаевич Лазаренко и Алексей Хабиров. Лазаренко - с 1953 года в бурении, начинал в Кемерово, Колпашево, а с 1958 года – в Сургутской нефтеразведке. Хабиров – мой земляк из Бугуруслана, закончил там в 1972 году техникум, долгое время работал помбуром, а с 1976 года стал бурильщиком.

После перевода Юрия Усанова начальником РИТС Хабиров в конце 1979 года принял буровую бригаду и долгое время работал мастером. Юрий Николаевич Лазаренко тоже перед выходом на заслуженный отдых работал буровым мастером, но короткое время. У него была особая любовь к скважине. Он её чувствовал «нутром», интуицией, выработанной долготлетним трудом бурильщика. Он обладал особым талантом буровика, переданным ему по наследству от родителей в нефтяном Краснодаре и привитым старшим братом Вячеславом, бывшим буровым мастером. Они вместе в 1959 году пробурили первую в Сургутском районе поисковую скважину №31 глубиной 3 264 метра в поёлке Локосово. Во многом трудовая династия братьев Лазаренко была похожа на нашу династию - Федотовых, и мы с полуслова понимали друг друга. Часто бывая в бригадах, где бурильщиком работал Юрий Лазаренко, я не уставал со стороны любоваться виртуозным управлением с пульта комплексом оборудования. Особенно тонко чувствовал он поведение скважины при аварийных работах и с честью выходил победителем: был «Буровиком Сибири» с большой буквы. В тайге он был большим любителем рыбалки, охоты, сбора грибов, ягод и кедровых орехов. Ведро клюквы, брусники или черники он собирал в два раза быстрее меня.

На Р-18 Северо-Островной перед выездом он пригласил меня на ондатровую охоту. Вокруг буровой - множество мелких проток от Оби, а между протоками натоптаны ондатровые тропы. С вечера он расставил на тропках петли, а рано утром, до рассвета разбудил меня, и мы в болотниках затемно вышли

на охоту. У озера возле входящего в него ручья расположились под березкой. Юра показал мне, в какую сторону вести наблюдение, а сам прилег на брезентовую подстилку, прихваченную с собой. Ему с утра заступать на вахту, и он решил подремать оставшуюся до рассвета часть ночи. Только начало всходить солнце над гладью озера, всё вокруг оживилось. Заиграли в заводи щуки, гоняясь за мелкой рыбешкой. С неба стали падать стаи уток, а на середину озера от берега поплыла пара белых лебедей. Камыши, куда мне велел смотреть Юра, зашевелились, и из воды показались заспанные, с узкими глазами, мордочки ондатр. Они начали гулко шлепать своими хвостами по воде как лопатами, пробираясь по своим натоптаным тропам к озеру. Я не сразу разбудил моего наставника по охоте, не хотел нарушать идиллию пробуждения природы. Насладившись красотой увиденного, взбодрившись крепким чаем из термоса, мы пошли по свежим ондатровым тропам, вытаскивая их из петель. Изрядно подустав от хождения по трясине в тяжелых болотниках, мы подсчитали, что на две ондатровые шапки хватит, и вернулись к завтраку на буровую.

Юрий Николаевич, приняв от ночной смены скважину, со своей вахтой продолжил бурение. Забой приближался к запланированному на конец месяца 1700 метрам, и я, уверенный в надежности бригады и прилетающего на смену мастера Юрия Алексеевича Усанова, вылетел этим же рейсом домой в Сургут.

Наконец-то можно было один - два дня до конца месяца побыть дома с семьей, а потом с новыми силами в таком же ритме продолжить разведку и открытие месторождений нефти, которых на счету сургутских нефтеразведчиков было 27.

Юрий Николаевич Лазаренко на пенсии уже 15 лет, и я, приезжая ежегодно на Тюменский марафон, чтобы пробежать со спортсменами по улицам областного центра 42 километра 195 метров, захожу проведать их семью, поделиться воспоминаниями о прошлом, рассказать о сегодняшнем Сургуте, так изменившемся через 50 лет после первого десанта геологов-первопроходцев.

Через год, в 1980 году, меня назначили главным технологом объединения «Обънефтегазгеология», и началось новое десятилетие марафонского ускорения поиска нефтегазовых месторождений Среднего Приобья, перешедшее в 90-е годы в затянувшийся период распада большой геологии Сургута. Но об этом этапе длительного геологического марафона в третьей части моего повествования.

Марафон продолжался...

Часть третья

МАРАФОН ПРОДОЛЖАЕТСЯ

II

III

VI

I

V

Глава первая

Ускорение поиска

К концу десятой пятилетки (1976 – 1980) в системе Главтюменьгеологии завершилась реструктуризация управления геологоразведочными работами в пределах Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса. Территория Западно-Сибирского нефтегазового бассейна составляет 1,7 миллиона квадратных километров, в основном болотистая местность, тайга и тундра, многочисленные реки и озера. По вертикали здесь была создана четырёхзвенная система управления: Министерство в Москве, Главк в Тюмени, Объединения в отдельных крупных нефтегазовых регионах и нефтегазоразведочные экспедиции (НГРЭ) непосредственно близко расположенные к месторождениям.

В регионе Среднего Приобья в конце 1976 года было создано производственное геологическое объединение «Обьнефтегазгеология» с местоположением в Сургуте. Впоследствии, 1978-79 годах, от него отпочковались Мегионская, Аганская и Вахская НГРЭ, вошедшие в состав объединения «Мегионнефтегазгеология» (п. Мегион) и Правдинская, Красноленинская и Назымская НГРЭ, вошедшие в «Ханты-Мансийскнефтегазгеологию». В Ямало-Ненецком автономном округе также были созданы три объединения: «Уренгойнефтегазгеология», «Ямалнефтегазгеология» и «Пурнефтегазгеология». Темпы геологоразведки резко выросли. Если до 1977 года на протяжении 10 лет объём бурения по «Главтюменьгеологии» составлял 400-500 тысяч м. в год, то в 1981 году набурили 1 миллион 156 тысяч метров, а в 1985 году около 2 миллионов метров. Сургутские геологоразведчики в 1977 году набурили 77835 метров, в 1981 году тремя экспедициями – 202480 метров, а в 1985 году – 396691 метров.

К трём нефтегазоразведочным экспедициям (Сургутская, Восточно-Сургутская и Ноябрьская) добавилась образованная в 1982 году в посёлке Угут Юганская НГРЭ, которая в 1985 году пробурила 19525 метров.

Итогом бурения поисковых и разведочных скважин стали открытые месторождения нефти: в 1976-80 годах – 9, крупнейшие из которых – Восточно-Сургутское, Южно-Ягунское, Кочевское, Конитлорское. В одиннадцатой пятилетке (1981-85 годы) – 33 месторождения, в том числе крупные: Сорымское, Русскинское, Восточно-Пякутинское, Пямалияхское, Родниковое, Барсуковское, Угутское и др.

Разведанные запасы нефти исчислялись сотнями миллионов тонн в год и превышали добычу в 2-3 раза, что предопределяло стабильность дальнейшего развития топливно-энергетического комплекса Западной Сибири. 16 июля 1985 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Объединение «Обьнефтегазгеология» было награждено орденом «Дружбы народов», а сотни геологов - орденами, медалями и знаками отличия.

Развитие геологоразведочного производства в X – XI пятилетках (1976-1985 годы) в основном осуществлялось в экстенсивной форме, то есть за счёт главным образом количественного роста, создания новых производственных мощностей (буровых установок), увеличения числа работающих (бригад вышкостроения, бурения, испытания).

Интенсивная форма предполагает прежде всего более эффективное использование и совершенствование имеющегося потенциала (выработка в метрах на одну буровую установку или на одного работающего человека), повышение качества работы и производимой продукции.

Для геологов такими показателями являются успешно законченная бурением скважина с последующим получением из неё притока нефти и максимальной геологической информации, обеспечивающей прирост запасов. При этом материальные (финансовые) затраты должны быть минимальными и обеспечивать получение прибыли по отношению к расчётно-установленной предельно-нормативной стоимости одной тонны прироста запасов нефти.

На апрельском Пленуме ЦК КПСС и на июньском (1985 г.) совещании в ЦК КПСС по вопросам

ускорения научно-технического прогресса большое внимание уделялось перевооружению народного хозяйства, переходу к более интенсивным темпам развития.

Ускорение и перестройка были объявлены девизом перемен, начатых во всей системе отношений в обществе в период правления М. С. Горбачёва, перемен политических, экономических и социальных. Материально-техническая база объединения «Объединение геологическое» на тот период была обновлена и соответствовала требованиям ускорения геологического поиска. Парк буровых станков в количестве 66 установок обеспечивал работу 17-ти буровых бригад без простоев в ожидании монтажников. Причём на 80 % парк был оснащен новыми буровыми установками Волгоградского завода «Баррикады» - БУ-2500 ДГУ и «Уралмашзавода» - БУ-3000 ДГУ. В посёлке Ноябрьский для экспедиции была построена современная производственная база – лучшая в системе Главка. Обновлены базы в Сургуте для двух экспедиций. Особая гордость сургутян – Управление производственно-технического обслуживания и комплекции оборудования (УПТОиК) со своим железнодорожным тупиком и речным причалом. Смежные предприятия геологов обладали потенциалом производственных мощностей: автотранспорт, строительство-дорожное управление, вышкомонтажное управление, геофизики. Общая численность работающих составляла – 5679 человек.

На совещании в Сургуте Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачёв отметил, что «дело перестройки, ускорения научно-технического прогресса потребует от каждого большой работы мысли, направленного труда, огромной собранности, сознательности и организованности». «Главная сила, которая обеспечивает новые темпы, преобразует таежный край – это человек. Сегодня он спорит со стихией Севера, с его суровой природой не только на языке энтузиазма, но и на языке высокого профессионального мастерства, во всеоружии знаний. Сегодня таёжная ударная вахта - не только школа мужества, но и университет глубокой специализации, тонкой шлифовки талантов» - это слова первого секретаря Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомякова.

Одна из наиболее важных социальных проблем – это люди. Рост населения в Тюменской области с начала добычи первой нефти происходил в основном за счёт приезжих. В 1965 году население составляло 1 миллион 230 тысяч человек; в 1980 – 2 миллиона 30 тысяч; в 1990 – 2 миллиона 500 тысяч, а к началу XXI века стабилизировалось в пределах 3 миллиона человек.

Ещё более показателен рост населения за эти годы в Сургуте: от 12 до 300 тысяч человек. Численность работающих в геологоразведке выросла от 600 человек (Сургутская НГРЭ) до 6,5 тысяч человек. 1988 год для ОАО «Объединение геологическое» – год максимальных технико-экономических показателей по объёмам бурения и запасам нефти. Несмотря на такой быстрый рост численности очень остро стояла проблема закрепления рабочих кадров. По статистике из каждых трёх приезжающих в Тюменскую область – двое уезжают в течение первых трёх лет. Поэтому задача в те годы стояла не в том, как привлечь, а в том, как закрепить работника на месте. Это производилось в основном за счёт материальных факторов и не только в зарплате, а в более широком смысле слова, - то есть обеспечения жилищными условиями, детскими садами, медицинским и культурным обслуживанием. Наблюдался опережающий рост основного производства и, соответственно, зарплаты над социально-культурным развитием.

К началу XI пятилетки (1981 год) производственная база геологии и структурное управление её кадрами были созданы, но в социальном плане микрорайон геологов намного отстал от нефтяников, энергетиков и строителей. Всего четыре пятиэтажных дома «хрущёвской» застройки да два новых улучшенной планировки по «ленпроекту».

Основной жилищный фонд составляли двухэтажные дома из бруса, одноэтажные бараки, частные домики в районе «Чёрного мыса» да балочный городок на «взлётке» - в районе бывшего аэропорта. Десятками лет геологи стояли в очереди на получение благоустроенного жилья. Давали в первую очередь ветеранам труда, молодым специалистам и приглашенным на высокую должность ИТР. Первый современный новый детский садик «Ромашка» сдали только в 1980 году. Единственным местом развлечения для молодёжи был Дворец культуры «Геолог», построенный из подручных производственных панелей. В конце концов его постигла мрачная участь. В 2008 году его снесли, перед чем он в течении 10 лет бездействовал и опустошался. В рекламной информации по обмену и продаже квартир в городе извещалось, что микрорайон геологов не следует предлагать.

Сургутская нефтегазоразведочная экспедиция, как родоначальница открытий в Среднем Приобье, сыграла важнейшую роль в организации Восточно-Сургутской, Ноябрьской, Красноленинской

экспедиций и в целом в развитии объединения «Объединение геологов» в 1977-80-х годах. Основная тяжесть в кадровых перестановках, материально-техническом обеспечении, вышкостроении, бурении и испытании первых скважин во вновь образованных экспедициях легла на ИТР и руководителей Сургутской НГРЭ. Первым руководителем Объединения закономерно был назначен начальник Сургутской НГРЭ Н. М. Морозов. Николай Михайлович – опытный администратор, прошедший все ступени геологического поиска от бурового мастера до главного инженера Тюменского Геологического Управления. До назначения почти 10 лет руководил сургутскими геологами, совершившими значительные открытия месторождений нефти: Фёдоровское, Когалымское, Холмогорское, Покамасовское, Вачимское, Лянторское и др. Большой знаток человеческих душ, разносторонне развитый интеллект, он, казалось бы, с лёгкостью, а иногда и с юмористической подковыркой проводил производственные совещания и советы руководства. Будучи уже в пенсионном возрасте, Морозов отдавал предпочтение аппаратному стилю, редко выезжая в экспедиции и полевые бригады. Преследовавшая его болезнь (операция в Израиле, лечение в Германии) не дала ему возможности в полной мере соответствовать уровню руководителя крупнейшего в СССР геологического объединения. Но в пенсионном возрасте до 70 лет он нашёл приложение для своего опыта и знаний в науке в должности руководителя сектора бурения скважин малого диаметра в Сургутском отделении научно-исследовательского института ЗапСибНИИНИ.

Техническое руководство геологоразведкой в Сургуте осуществлял В. И. Коломасов – бессменный главный инженер при Н. М. Морозове. С Владимиром Иосифовичем Коломасовым я был знаком по совместной работе ещё в 1965-70-х годах в Мегионской НГРЭ. В год образования экспедиции (1962 год) молодой специалист-буровик Владимир Коломасов с женой Ириной – преподавателем приехали в посёлок Мегион после окончания Куйбышевского политехнического института. В детстве Владимир мечтал стать моряком, даже после школы поступил в Ленинградское мореходное училище и проучился полгода, но по состоянию здоровья вернулся в Куйбышев. После выхода на пенсию Владимир Иосифович вместе с большой семьёй (две дочери – медицинские работники, внуки) всё же таки переехал в город на Неве.

Ещё в Мегионе у молодожёнов Владимира и Ирины родилась первая дочь – Ольга. Ирина Дмитриевна не могла усидеть в доме, где они снимали комнату, и, оставив маленькую дочку на попечение хозяйки – бабушки, выходила на работу в контору экспедиции, освоив профессию геофизика-интерпретатора. По образованию физик, она вначале преподавала в старших классах школы. При подготовке к поступлению в институт я ходил в Мегионскую вечернюю школу, а она вела у нас физику и черчение. Пока росла дочка, а муж постоянно находился в поле на буровых, Ирина Дмитриевна получила второе высшее образование, заочно окончив Тюменский индустриальный институт по специальности – промышленная геофизика.

Владимир Коломасов – технически грамотный специалист, способный в полевых условиях принять правильное решение и в отрыве от базы взять на себя ответственность за ведение буровых работ. Он быстро шагал по ступенькам роста и уже в 29 лет был назначен главным инженером Сургутской НГРЭ. Впервые наше знакомство с Владимиром произошло на комсомольском собрании Мегионской НГРЭ в 1965-ом году, где решался вопрос о занятости молодёжи в посёлке в свободное от работы время. Более близкие отношения с ним возникли в школьном спортзале – единственном месте в посёлке для занятий физкультурой. Во время учёбы в Куйбышеве Володя играл в институтской сборной по баскетболу и взялся за организацию команды в посёлке. Производственные отношения с Владимиром Коломасовым у меня начались с 1966 года, когда я работал дизелистом в буровой бригаде мастера Семёна Лукича Мальгина, а Владимир Иосифович прилетал на буровую в должности старшего инженера цеха бурения. Начиная с тех времён в течение 35 лет мы вместе были на острие геологического поиска нефти в Среднем Приобье. Последние 20 лет возглавляли с ним основные производственные службы объединения «Объединение геологов»: Владимир Иосифович – отдел бурения, а я – технологический отдел. Вместе с техническим отделом (начальник Юрий Дмитриевич Липявко) это был производственный штаб при главном инженере объединения. Авторитет этого штаба в решении технической политики основного производства (бурение, испытание, вышкостроение) и внедрения новой техники и технологии был непоколебим. С десяток главных инженеров объединения сменялось, а штаб был постоянен и настойчив в проведении как организационных, так и технических мероприятий по достижению наивысших технико-экономических показателей крупнейшего геологического предприятия России.

Если становление Восточно-Сургутской НГРЭ в Сургуте проходило безпроблемно, то в отдалённых за 200–400 километров посёлках экспедиции годами не могли выйти на плановые показатели. Так было и с Ноябрьской НГРЭ, и с Юганской (посёлок Угут), и с Красноленинской (посёлок Нягань). При забурке первой скважины в Красноленинской НГРЭ мы вместе с Коломасовым (в то время главным инженером объединения) и главным инженером Главка Юрием Дмитриевичем Логановым вертолётom прилетели на Талинскую площадь за 400 километров от Сургута. Был ноябрь, мороз под 40 градусов, но зимние дороги для автотранспорта ещё не накатали. Буровая процентов на 50 была обеспечена материалами и инструментом, с кадрами – комплект. Вроде бы все готово к бурению. Сам начальник экспедиции - ветеран геологоразведки Иван Фёдорович Морозов руководит подготовительными работами.

Комиссионно посоветались и отложили забурку до вечера, предварительно вместе с Морозовым залетели на подбазу (запаса материалов нет)и приземлились на ночёвку в посёлке Нягань – базе Красноленинской экспедиции. Производственные цеха в посёлке заморожены, маломощная котельная работает на пределе, в конторе экспедиции штат не укомплектован и люди работают в кабинетах в полущубках. Столовой нет, пообедали в общежитском буфете. После производственного совещания решили не забуривать скважину до создания надёжного тыла. Спать определились в «финском комплексе» - удобном в быстром монтаже и по комфортности, но холодном и неприспособленном для наших северных условий. Такими комплексами обеспечивали все новые экспедиции в отдаленных районах. Мы с Коломасовым сняли унты и брюки, укрылись ватными одеялами, набросив сверху полущубки. Юрий Дмитриевич, ужаснувшись таким положением дел в геологии (до этого назначения он работал в «Главтюменнефтегазе» главным инженером объединения «Мегионнефтегаз»), уснул не раздеваясь и даже не сняв галстук, чуть-чуть ослабив его на рубашке под тёплым ангорским свитером.

Утром я, по устоявшемуся годами режиму, вышел на зарядку, оббежал ещё тёмный посёлок. Даже собак не было видно на улицах, только на краю посёлка работал двигатель дизельной электростанции да над трубой котельной высоко стоял столб дыма.

Лёгкий тёплый костюм альпиниста и кроссовки всегда были в моей походной полевой сумке. Разогревшись до пота и оставшись в одних плавках стал умываться, раздробив наледь в умывальнике. Соском алюминиевого умывальника, как будильником, поднял своих коллег. Съездившись под одеялами и увидев меня почти голого под струями холодной воды и моё парящее тело, они лишились дара речи. Только узнав о моей пробежке, поверили в реальность увиденного.

День прошёл в плодотворной и жаркой работе по принятию оперативных мер. Логанов и Коломасов вылетели в Сургут. Через неделю по открывшемуся зимнику из Сургута на буровую вышла колонна автомашин с недостающими материалами. Скважина забурилась и без простоев и аварий была закончена испытанием с получением притока нефти. Мы же с главным технологом Красноленинской НГРЭ Петром Сафроновым всю неделю занимались составлением планов работ, технологическими регламентами по бурению и креплению, организацией лаборатории глинистых растворов. Составили штатное расписание, положение о службе главного технолога и должностные инструкции работникам. Обрато в Сургут я выехал вместе с порожней колонной автомашин.

С созданием объединения в Ханты-Мансийске Красноленинская и Правдинская экспедиции отошли от Сургута. Сегодня Нягань - это базовый город, форпост Российского проекта «Урал Промышленный – Урал Полярный».

Перспективные в нефтяном отношении площади, расположенные к северу от Сургута за 300-500 километров, требовали создания там самостоятельной нефтегазоразведочной экспедиции. Эти площади находились в административном отношении в Ямало-Ненецком автономном округе, геологоразведочные объединения которого были ориентированы в основном на газовые залежи.

Технической базой и опытом разведки нефти был Сургут, поэтому созданием Ноябрьской НГРЭ в начале 80-х годов занималось объединение «Обънефтегазгеология». Железная дорога от Когалыма на север до посёлка Ноябрьский строилась, и первые скважины бурились с завозом оборудования и материалов по зимним дорогам. В летнее время сообщение было только вертолётom с подбаз в посёлке Русскинские и на Холмогорском месторождении.

Планы по поисковому и разведочному бурению в первые три года работы Ноябрьской НГРЭ не выполнялись. Отсутствие социально-бытовых условий, отдалённость месторождений от базы, большая текучесть кадров, ставка на вахтовые буровые бригады, летающие с Украины, не оправдывали на первых

порах геологические надежды. Только начальники экспедиции за первые два года сменились четырежды: Фомичев Герман Иванович, Вырвикишко Александр Яковлевич, Закиров Феликс Султанович, Молдавский Виталий Павлович. В первый год создания экспедиции -1979-й - пробурили 17357 метров. В 1980-81 годах при плане 70 тысяч метров бурили соответственно 41723 и 40932 метра. К 1982 году была создана производственная база экспедиции, на то время лучшая в «Главтюменьгеологии», стало строиться благоустроенное жилье, что позволило отказаться от вахтовиков с Украины и создать свои полноценные полевые бригады вышкостроения, бурения и испытания. Костяк буровых бригад мастеров Мааса Вильгельма Фридриховича, Камышина Александра Валерьевича и Вегнера Виктора Михайловича создали из приглашенных специалистов Вахской и Аганской экспедиций. ИТР цеха бурения, производственную и технологическую службу пополнили молодые специалисты, выпускники нефтяных вузов – Тюменского, Уфимского, Ивано-Франковского: Василий Перетяшко, Александр Панов, Зия Вагапов, Александр Попов, Николай Сигачев, Владимир Шуровский, Алексей Гусев, Николай Попов, Геннадий Семёнов, Шамиль Гарипов, Вячеслав Маслов и другие. Это только буровики, а сколько геологов, механиков, разработчиков и геофизиков влилось в ряды северных нефтеразведчиков!

Под опекой более опытных руководителей служб и специалистов Ноябрьской экспедиции и объединения «Обънефтегазгеология» молодые инженеры быстро освоили производство в труднейших природных условиях Крайнего Севера и Приполярья. Главный инженер экспедиции Владислав Антонович Голец (затем Владимир Семёнович Аксарин), начальник ПТО Ильдар Гелимович Мухаметдинов, гл. технолог Валерий Сергеевич Мальгин (затем Александр Дмитриевич Панов), главный геолог Анатолий Иванович Ким, начальник геологического отдела Владимир Самуилович Ульянов, начальник цеха испытания Владимир Алексеевич Куляевцев – вот неполный перечень основных специалистов, вложивших непосредственный труд в открытие крупнейших месторождений нефти и газа на севере Тюменской области. На их базе выросли города: Ноябрьск, Муравленковский, Губкинский, множество рабочих посёлков. А начиналось все с месторождений, открытых в 1982 году - первом году, когда экспедиция выполнила план по бурению – 71141 метр: Восточно-Пякутинское, Пограничное, Крайнее, Умсейское, Пямалияхское, Пурпейское.

В выполнении планов экспедиции, открытии месторождений непосредственное участие, находясь на отдаленных буровых, принимали инженеры и начальники отделов объединения. Всё положительное, что было наработано в Сургутской экспедиции, внедрялось в практику бурения в Ноябрьской НГРЭ и образованной в 1983 году Юганской НГРЭ в посёлке Угут.

Особенно много было сделано по испытанию и внедрению новой техники и технологии геологоразведочного бурения, начиная с весны 1981 года, когда объединение возглавили Виктор Михайлович Пархомович – опытный хозяйственник и руководитель-практик, а также главный инженер С. В. Гончаров. Станислав Васильевич, прошедший все ступени профессионального роста в экспедициях Запалярья, перед назначением в Сургут возглавлял производственный отдел в «Главтюменьгеологии» и как никто другой знал все тонкости и преимущества в деле внедрения новой техники и технологии.

Девиз буровиков – «нефть находится на конце долота» был взят за основу в работе технической службы объединения. Для интенсификации геологического производства, ускорения поиска нефти впервые в практике пошли по пути комплексного решения этого девиза; то есть, с одной стороны, добавили буровой раствор (промывочная жидкость), с другой стороны – гидравлический забойный двигатель (ГЗД, турбобур).

« Раствор – долото – ГЗД» - триплекс решения проблемы интенсификации скорости бурения скважины. По аналогии с организмом человека раствор – это кровь, ГЗД – это сердце, долото – ноги и руки. С самого начала все это было поставлено в единую цепочку на научно-производственную основу. Разработчиками были научно-исследовательские институты, изготовителями – заводы. Опытно-промышленные испытания проводили непосредственно на скважинах по программам и планам, составленным в производственных отделах объединения. Объединение «Обънефтегазгеология» практически стало полигоном испытания, доработки и внедрения новой техники с последующей рекомендацией в серийное производство и распространением опыта работы на всю систему Главка и даже в других нефтяных регионах России.

В решении общих задач по приросту запасов и добычи нефти участвовали Всесоюзные научно-исследовательские институты буровой техники («ВНИИБТ», Москва), крепления и буровых растворов («ВНИКрНефть», Краснодар), Тюменский «ЗапСибБурНИПИ» и его отделение в Сургуте, а также заводы:

долотные в Куйбышеве и в посёлке Верхние Серьги под Свердловском, машиностроительный «Турбобур» в Кунгуре, экспериментальный завод «ВНИИБТ» в подмосковных Люберцах.

Разработчики и конструкторы снимались с тёплых насиженных мест, отрывались от кульманов и вместе с буровиками месяцами испытывали своё «детисце» в северных полевых условиях. Такая оперативность позволяла быстро, без лишнего бюрократизма освоить новые типы долот, турбобуров, буровых растворов и из года в год наращивать темпы основного материалоёмкого производства – бурения. Ответные командировки северян-производственников в НИИ и на заводы были намного реже и приурочивались к заявочной компании, которая проводилась один раз в год и в сжатые сроки – 2-3 дня. Ускоряющиеся темпы работ (за пятилетку в два раза) требовали участия специалистов объединения непосредственно в экспедициях, на скважинах.

Как-то на ежедневно проводимой разрядке Виктор Михайлович – Генеральный директор объединения спросил меня, - почему редко бываю на совещаниях? Ответ был прост – за год был на буровых 145 дней и только один раз - на неделю - в командировке на завод в Кунгур с остановкой в Тюменском Главке. Подтверждением работы в поле был не табель учёта рабочего времени в отделах труда и кадров, а отчёты в отделе техники безопасности о выявленных и устраненных нарушениях на скважине. После такого «рекорда» среди работников аппарата объединения генерал премировал меня курсами повышения квалификации в Москве и Грозном. Это был 1988 год – год наивысших технико-экономических показателей в работе Объединения.

На полуторамесячные курсы повышения квалификации ехать не хотелось. У нас в семье произошло долгожданное пополнение – только что родилась дочь Елена. Сын Алексей заканчивал школу и готовился поступать в нефтяной институт. К нам в Сургут временно, в отпуск, приехала бабушка – мать Ирины, то есть моя тёща. На семейном совете меня отпустили на курсы, хотя очень хотелось побыть всем вместе.

Сын уехал на пять лет учиться в Пермский политехнический институт, затем на два года - в армию офицером-танкистом на Монгольскую границу. Супруга Ирина после отъезда матери опять, как и в молодости, одна с маленькой дочкой, а я после курсов сразу окунулся в прежний напряженный, рекордный для геологов Среднего Приобья ритм работы.

За счёт интенсификации производственного процесса в 1988 году по сравнению с 1980 годом технико-экономические показатели работы объединения выросли в несколько раз:

- проходка возросла в три раза - с 172554 до 534951 метров;
- скорость бурения - в 2,6 раза - с 767 до 2013 метров на станок в месяц;
- выработка на один станок - в 1,8 раза - с 3800 до 6629 метров в год;
- проходка на 1 буровую бригаду - в 2 раза - с 13720 до 27433 метра;
- производительность труда - в 1,8 раза - с 46,2 до 83,1 метра на одного человека.

На отдельных скоростных скважинах, пробуренных на форсированном режиме лучшими буровыми бригадами мастеров Соловьева Владимира Сергеевича, Маас Вильгельма Фридриховича, Аксарина Николая Семёновича показатели были ещё выше.

Буровая бригада В. С. Соловьёва в составе шести вахт в 1988 году установила отраслевой рекорд по проходке – 63839 метров. Социалистическое соревнование и распространение передового опыта работы рекордсменов позволили подтянуть показатели всех бригад и в целом - экспедиции. Проходка в 25-30 тысяч метров на четырёхвахтовую бригаду в год стала обычным делом, в то время как десять лет назад это было доступно лишь избранным - лидерам-маякам. Так, на десятый год своего существования Ноябрьская нефтеразведочная экспедиция пробурила 161606 метров, то есть вышла на уровень работы Сургутской, шедшей к такому результату 30 лет.

Причём геологические и природно-климатические условия работы на месторождениях в Ноябрьске намного сложнее. Вот что значит технический прогресс и интенсификация поиска нефти.

Показателен для того времени пример из моей практики бурения скоростной скважины Р-75 Пограничной площади бригадой бурового мастера Виктора Михайловича Вегнера из Ноябрьской НГРЭ. Это было летом, точнее - в конце июня – начале июля 1984 года. К тому времени Сургутская и Восточно-Сургутская экспедиция стабильно выполняли планы работ, наращивая объёмы бурения (Сургутская – до 150 тысяч метров). Всё передовое, что имелось на вооружении сургутских буровиков, внедрялось в практику работы, и это надо было перенять бригадам Ноябрьской экспедиции, перебазировавшись из отдаленных от Сургута экспедиций Ваха и Агана, где работали ещё по старинке. Для бурения скважины

заранее была разработана режимно-технологическая карта и проведены организационно-технические мероприятия, в которых были задействованы все службы и ответственные специалисты, начиная от монтажа буровой установки и завоза материалов и кончая представителями науки. Новую буровую установку БУ-2500 Волгоградского завода «Баррикады» смонтировали согласно требованиям конструкторов с емкостной системой циркуляции, отказавшись от старой амбарно-земляной. В разработке конструкции буровой установки применительно к северным условиям принимал непосредственное участие мой старший брат Анатолий, работавший после вуза в Волгограде под руководством Карапетяна – главного конструктора завода.

Забурились 27 июня. На конец июня забой должен был достигнуть 900 метров, от этого зависело выполнение месячного и полугодового планов экспедиции. Две забуриваемые «нулевки» в Сургутской и одна в Восточно-Сургутской экспедициях гарантировали выполнение планов по экспедициям и в целом по объединению. Обстановка на конец полугодия складывалась хотя напряженная, но рабочая, планы были реально выполнимыми.

На буровой работали две вахты бурильщиков Тюкавкина и Коршунова под руководством помощника бурового мастера Михаила Васильевича Колесника. Буровой мастер Виктор Михайлович Вегнер находился в отпуске. Двумя годами раньше Вегнер В. М., Колесник М. В., Марталлер Ю. А., Мокрянский Н. Н. – бурильщики из Аганской НГРЭ обучались в Сургуте на курсах мастеров, где я читал им лекции по бурению. Все они стали отличными буровыми мастерами. Кроме меня из инженерно-технических работников на буровой контроль и рекомендации по внедрению новой техники и технологии осуществлял В. А. Сехниашвили – заведующий сектором турбинного бурения Тюменского института ЗапСибБурНИПИ. Владимир Амиранович пришёл в науку после десяти лет работы в Вахской НГРЭ, прошёл все ступени роста от помбура, бурового мастера до главного инженера и готовился защищать кандидатскую диссертацию.

Первые 500 метров пробурили двумя долотами диаметром 269,9 миллиметров турбобуром А7Щ, используя емкостную систему циркуляции и трехступенчатую механическую очистку раствора (вибросито, пескоотделитель, листоотделитель). Такая система для северных регионов, где в верхнем интервале разреза скважины преобладают мёрзлые пески, была применена впервые. На спуске обсадных труб диаметром 219 миллиметров для перекрытия верхних мёрзлых неустойчивых пород произошла небольшая заминка. Наворот труб бурильщики, по опыту работ в Аганской НГРЭ, производили обратным – левым - вращением части спущенной колонны. Быстрый, но рискованный в аварийном отношении способ. На этот раз риск не оправдался, часть колонны труб отвернулась и улетела на забой. Её аварийно подняли, потеряв половину суток, а затем спустили с наворотом по требованиям «Единых технических правил ведения буровых работ».

30 июня, в последний день месяца, с утра начали бурение с глубины 500 метров экспериментальным долотом и турбобуром с плавающим статором. В качестве промывочной жидкости применили буровой раствор, обработанный импортным полимерным порошком и очищаемый от выбуренной породы – шлама - на трёх ступенях. К полудню, когда бурение шло столь форсированно, что вахте и пообедать было некогда, на скважину приземлился «правительственный» вертолёт Ми-8 в пассажирском варианте с мягкими креслами. Обычные работяги Ми-8 внутри салона возили груз и там были алюминиевые холодные откидные «скамейки-геморройки-для вахтовиков.

Из вертолётки в строгой иерархической последовательности стали выходить руководители от производства и науки «Главтюменьгеологии», объединения «Мегионнефтегазгеология» - нашего трудового партнёра по соцсоревнованию из Нижневартовского района и Ноябрьской НГРЭ. Мегионское объединение было в то время в роли отстающих по Главку. В качестве воспринимающей опыт работы объединения «Обънефтегазгеология» ими была выбрана бригада В. М. Вегнера. Первыми вышли: Фарман Курбанович Салманов – начальник Главка; Иван Яковлевич Гирия – главный технолог, лауреат Ленинской премии; Амир Усманович Шарипов – заместитель директора и Анатолий Андреевич Старцев – зав. отделом технологии бурения - оба кандидаты технических наук из института «ЗапСибБурНИПИ». За ними пошли мегионцы: Валентин Андреевич Гавриков и Юрий Иванович Романченко – Генеральный директор и главный инженер объединения; Хохряков Борис Сергеевич и Макар Владимир Антонович – начальники Аганской и Мегионской НГРЭ. Последними на свою родную буровую вышли: Владислав Антонович Голец, Валерий Сергеевич Мальгин и Л. В. Овчинникова – главный инженер, главный технолог и председатель профкома Ноябрьской НГРЭ. Положением дел на скважине, как в техническом, так и в бытовом

отношении все были довольны и оценили обстановку на конец месяца и полугодия надёжной и благоприятной для наращивания темпов работ и выполнения плана в целом по году.

Забой к концу дня по скважине достиг 950 метров – задание было выполнено.

На бригадном собрании Салманов обещал премировать всех рабочих и ИТР, и слов на ветер он не бросал. Члены бригады по итогам бурения скважины Р-75 получили солидное денежное вознаграждение – процент ускорения форсированного бурения от планового. За внедрение в серийное производство опытного турбобура ТПС-172 я с группой работников стал лауреатом премии ВДНХ за особые заслуги в народном хозяйстве СССР с вручением медали.

Но за разгильдяйство и, особенно, враньё в сводках по бурению Фарман Курбанович спрашивал особо и даже снимал с должности. Поэтому на конец месяца он часто делал инспекционные проверки с облётом нескольких полевых объектов за световые сутки. А световые сутки в июне на Севере и в Заполярье длятся 24 часа. Бывало, экипаж заменял, но летал целые сутки по объектам. Вертолёт взлетел, сделал круг над буровой. «Всё обошлось» - сказал оставшийся на скважине главный инженер В. А. Голец. Но не тут то было, вертолёт снова зашёл на посадку, приземлился, не заглушая винтов. Открылась дверка и, не опуская лестницу, из вертолётa выпрыгнул Фарман Салманов, уже переобутый в болотные сапоги, и бегом направился к ближнему болоту. За ним выпрыгнул его референт Валентин Лапшин. Голец, как был в туфлях, бросился за ними.

Оказалось, что сверху своим орлиным кавказским взором Салманов обнаружил на болоте затопленный цемент. Буровую установку, оборудование, все материалы и жилой городок на «летнюю» точку геологи обычно завозят автотранспортом по зимнику. Летом же сообщение с буровой только вертолётom. Цемент (40 тонн) и глинопоршок (20 тонн) в бумажных мешках такелажники базы производственного обслуживания складировали на землю, скованную морозом и покрытую метровым слоем снега. Весной, в период таяния, всё оказалось в воде. Глина сохраняется, образовав тонкую непроницаемую плёнку, а цемент твердеет и становится непригодным для работ. Месцем позднее для завершения скважины цемент завезли на подвеске вертолётa Ми-6 с дополнительными затратами на авиацию в смете работ. Под шум винтов Салманов освободил от занимаемой должности Владислава Гольца и начальника базы производственного обслуживания Владимира Георгиевича Василенко. Горяч, но справедлив! На должность главного инженера Ноябрьской НГРЭ был назначен Владимир Семёнович Аксарин, работающий начальником цеха бурения Сургутской НГРЭ, а Голец переведён начальником производственного отдела. Василенко был переведён из Ноябрьска в Сургут на ту же должность.

Такие рокировки (замены на равнозначные должности, но в другую экспедицию или объединение) и ротации (профессиональный рост специалиста с назначением на разные должности по кругу) были в стиле руководства Главком у Фармана Курбановича Салманова. Он был доктором не только геолого-минералогических наук, но и доктором человеческих душ, знатоком характеров и возможностей соратников.

Многие скептики и раньше не верили в реальность его решений, иногда принятых на основе интуиции. Но эта интуиция была основана на многолетней практике работы в Западной Сибири. В мае 1981 года, когда сургутские геологи выполняли план бурения на 75% (план - 90,5 тысяч метров, факт - 58893 метров) и с начала года было открыто только одно Икилорское месторождение нефти, приказом по Главку Генеральным директором объединения «Обнефтегазгеология» был назначен Виктор Михайлович Пархомович, работавший в Мегионском объединении начальником Аганской НГРЭ. Бывший Генеральный директор Николай Егорович Перепелюк был переведен из Сургута в Мегион. Дела в Сургуте заметно пошли на поправку. В последующие годы, начиная с 1982, срывов плана бурения не было, соответственно открывалось по 6-10 месторождений в год и обеспечивался опережающий прирост запасов нефти над добычей.

С Виктором Михайловичем я знаком по совместной работе в Мегионской экспедиции с 1969 года. В то время я работал дизелистом в буровой бригаде мастера Семёна Лукича Мальгина, а с 1970 года механиком цеха бурения. Пархомович с семьёй переехал из Нефтеюганска, где работал начальником цеха бурения Усть-Балыкской экспедиции с 1964 года. Главным инженером Мегионской экспедиции он работал недолго. В 1971 году он - главный инженер Аганской НГРЭ, а с 1976 – её начальник. До приезда в Мегион мой тезка - Виктор - восемнадцатилетним паренёком после окончания фабрично-заводского училища в Тюмени начал работать помощником бурильщика на Берёзовской скважине – первооткрывательнице Тюменского газа. Десять лет Виктор проработал в Берёзовской НРЭ, отрываясь

от производства на трёхгодичную службу в Армии и заочно закончил техникум. Я начинал работу на Севере подобным образом, но на 10 лет позднее. Виктор Пархомович 1937 года рождения, а я - 1947. Восемнадцатилетним после техникума я прибыл на Саяногорск, где проработал двенадцать лет с перерывом на службу в Советской Армии и учёбу по направлению от Мегионской НГРЭ в Тюменском индустриальном институте. Пять лет Виктор Михайлович работал в Усть-Балыкской НГРЭ мастером, инженером, начальником цеха. Сухие строки рабочей биографии геолога того времени, за которыми стояли великие «открытия века» - первые газовые и нефтяные месторождения Западной Сибири. Огромное пространство с Запада на Восток: от Нягани до посёлка Корлики в верховьях реки Вах – 1000 километров; и с Юга на Север: от посёлка Тайлаково на границе с Томской областью до Надыма – 800 километров - по урманам и болотам исхожено в унтах и болотных сапогах. Полвека в пути с одного места на другое в поисках «чёрного золота» Югры. От оленьей упряжки и избушки с буржуйкой за форкопфом трактора до брезентового «УАЗика» и комфортного «Лэндкрюзера», от моторной лодки «Казанка» и катера «Ярославец» до судна на подводных крыльях «Заря», от двухместной холодной стрекозы Ми-1 до тёплого, с мягкими креслами вертолёта Ми-8 – целая эпоха в два поколения, которая не вписывается в мои воспоминания.

О Викторе Михайловиче Пархомовиче – Почётном гражданине ХМАО - Югра, кавалере ордена Ленина нужно писать отдельные книги, снимать кино. Он и сейчас Генеральный в Тюмени – своей родине на основных воротах въезда с Севера по Тобольскому тракту. Мимо его автокемпинга «Парвас» не проезжает ни один отпускник-геолог, путешествующий к Югу на своей машине. Отец троих детей, дед пятерых внуков и двух правнуков – он трепетно и душевно заботится об их воспитании и образовании. Все дети окончили вузы и работают на Севере, хотя возможность учиться и работать в столичных городах или даже за рубежом у них были. Настоящие патриоты или, как говорили раньше, - романтики таёжной жизни. Но от таёжной жизни, благодаря открытиям геологов под руководством Виктора Михайловича Пархомовича, остались одни воспоминания ветеранов, а молодёжь живёт и трудится в современных, построенных по европейскому типу городах и рабочих посёлках. Старшая дочь Ольга, экономист по образованию, работала в Сургутской НГРЭ, затем начальником отдела в объединении «Объединение нефтегазгеология», в администрации Сургутского района. Сын Игорь – автотранспортник, в молодости работал с отцом в экспедициях. Сейчас возглавляет собственное предприятие в Тюмени. Младшая дочь – Наталья после окончания Тюменского медицинского института вернулась в Сургут и в течении последних десяти лет возглавляет крупнейшее в городе, оснащённое современным оборудованием медицинское объединение «Наджа», одновременно являясь депутатом городской думы. Наталья Викторовна Пархомович занимает активную жизненную позицию в деле развития современного города Сургута. Уже и внуки Пархомовича заканчивают вузы в Тюмени и скоро продолжат традиции трудовой династии в Среднем Приобье. Заслуга в этом не только Виктора Михайловича, но и его супруги Полины Михайловны – его постоянной спутницы в таёжных скитаниях по нефтеразведочным экспедициям. Она везде учила детей геологов, работая преподавателем, а в Сургуте – директором школы №2. На базе этой школы Полина Михайловна создала соответствующую современным требованиям гимназию №3 имени Салманова Ф. К. Все 11 лет мой сын Алексей учился в школе №2, а дочь Елена – в гимназии №3 у Полины Михайловны. Мы с супругой благодарны ей за то, что полученные в школе знания позволили нашим детям закончить вузы и определить своё место в современном Сургуте.

Аганская НГРЭ под началом В. М. Пархомовича входила в подчинение созданного в 1976 году Объединения «Объединение нефтегазгеология». В то время, приезжая в Сургут на совещания и ежегодные защиты плановых заданий, Виктор Михайлович казался нам – молодым начальникам отделов - образцом хозяйственного руководителя «хрушевских» времен. В белых бурках, драповом чёрном пальто с каракулевым воротником, в каракулевой светлой шапке под цвет воротника - он всем работникам отдела крепко жал руку. В момент рукопожатия явно ощущалось отсутствие указательного пальца, оторванного в молодости на буровой при работе помощником буровильщика. Работа буровика не только почётна, но трудна и особо опасна.

В моей практике буровика бывало немало несчастных случаев и не только с коллегами по работе. Однажды, когда я работал помбуром, на устье скважины меня так бросило страховым канатом машинного ключа, что я метров пять пролетел мимо буровильщика, благо удар был амортизирован о шкаф электрощита, изготовленного из тонкой жести. Отделался лёгким ушибом, три дня провалялся в балке и, не составляя акта, снова вышел на работу. В другом случае травма была посерьёзнее. Работая главным

1979 г. Переброска вагон-домов и бурового оборудования вертолетом «Ми-6» на Холмогорском месторождении.

1987 г. Геофизический отряд Игоря Воронкова (слева) на каротажных работах скважины Р-50 Покамасовской.

1962 г. Оснастка талевой системы на скважине Р-80 Усть-Бальжской.
На высоте 42 метра помощники бурильщика, молодые специалисты – выпускники Пермского нефтяного техникума: Владимир Соловьев (справа) и Дмитрий Буйлов.

1986 г. Обсуждение плана испытания новой техники на скважине Р-212 Рускинской.
Слева направо: Соловьев Владимир Сергеевич – буровой мастер, кавалер трех орденов Трудовой Славы,
В. А. Федотов – главный технолог объединения ОАО «Обьнефтегазгеология»,
Зайцева Ирина – техник-лаборант.

1970 г. Фарман Салманов и Эдуард Бадамшин в теплице Правдинской НГРЭ.

1970 г., Горноправдинск. Аркадий Тянь (справа) – начальник партии оперативного анализа, Георгий Новиков – главный геолог ПНГРЭ, Эдуард Бадамшин – декан нефтегазового факультета Казанского университета.

1970 г. У конторы Правдинской НГРЭ. Слева направо: Г. Р. Новиков – главный геолог, Ф. К. Салманов – начальник экспедиции, Э. З. Бадамшин – декан Казанского университета.

2009 г. У геологической карты области заведующий отделом геологии института «СургутНИПИНефть», кандидат геолого-минералогических наук Георгий Ростиславович Новиков.

1979 г. У пульта управления буровой Р-54 Кочевская буровой мастер Сургутской НГРЭ
Хвостов Владимир Михайлович (слева) и бурильщик Михаил Исхаков.

1979 г. Буровая вахта перед вылетом на выходной со скважины Р-40 Широковская, Сургутская
НГРЭ. Слева направо: Владимир Петров – помощник бурильщика, Михаил Сарваров – бурильщик,
Тимофей Вартык – дизелист, Николай Левин – слесарь, Владимир Соловьев – буровой мастер,
Геннадий Коротков – бурильщик, Анатолий Смирнов – помощник бурового мастера.

1985 г. В одной упряжке учитель и ученик. Генеральный директор объединения «Объединение нефтегазгеология» В. М. Пархомович и самый молодой главный инженер в МинГео СССР (29 лет) Сергей Кириченко.

1985 г. На торжественном вручении ордена Дружбы народов объединению «Объединение нефтегазгеология». Слева направо: С. П. Малахов – секретарь партбюро, В. М. Пархомович – генеральный директор, Н. Г. Аникин – первый секретарь Сургутского ГК КПСС, Ю. В. Неелов – председатель Горисполкома, Л. И. Ровнин – министр геологии РСФСР, В. А. Браташов – заместитель начальника Сургутской НГРЭ.

1985 г. Скважина Р-233 Русскиная. Вручение знамени победителю соцсоревнования буровой бригаде мастера Владимира Сергеевича Соловьева. Слева направо: В. М. Пархомович, Н. Г. Аникин, В. З. Чердниченко, А. А. Оглезнев, Н. М. Журавлев, А. Н. Тюрин, В. П. Сапельников.

1990 г. Скважина Р-117 Тянская. Владимир Сергеевич Соловьев (слева) – буровой мастер СНГРЭ, кавалер трех орденов Трудовой Славы и Владимир Петров – бурильщик.

2007 г. Иван Иванович Нестеров с работниками-ветеранами ОАО «Объединенная геологическая компания» на 50-летию первого десанта геологов в Сургут.

2003 г. Губернатор ХМАО-Югра А. В. Филиппенко с комсомольцами ударных строек 1960–70-х годов на 50-летию Тюменской нефтегазоносной провинции.

2003 г. Ветераны геологии на 50-летию Тюменской нефтегазоносной провинции.
Слева направо: Тагир Зульфигаров – помощник бурильщика, секретарь комсомола Сургутской НГРЭ, Владимир Соловьев – буровой мастер, кавалер трех орденов Трудовой Славы, Степан Каталкин – начальник экспедиций Среднего Приобья, Виктор Федотов – главный технолог.

2007 г. День памяти Юрию Георгиевичу Эрвье – начальнику «Главтюменьгеологии».

2008 г. Председатель областной Думы Сергей Корепанов вручает Диплом I степени Виктору Федотову – ветерану геологии, члену Союза журналистов России за цикл очерков о геологах-первопроходцах.

2002 г. Виктор Федотов – организатор и участник Сургутского марафона (бег на 42 км 195 м) памяти геологов-первопроходцев приветствует спортсменов.

2007 г. Сергей Долгушин – ветеран геологии Среднего Приобья, чемпион Кубка Севера.

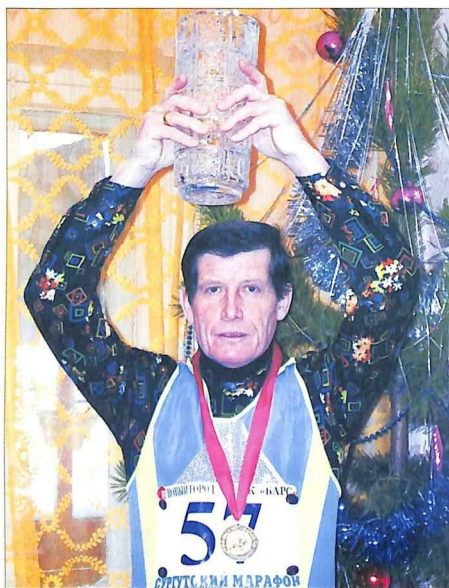
2005 г. На пьедестале почета чемпион Тюменской области в полумарафоне (бег на 21 км) среди ветеранов. Слева направо: Фатах Фатахов (г. Тобольск), Виктор Федотов (г. Сургут), Виктор Новиков (г. Тюмень).

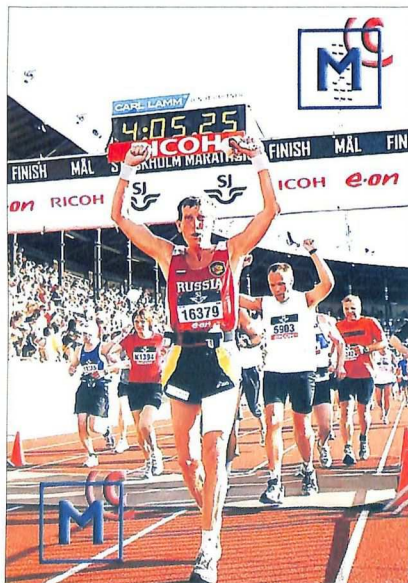
2007 г. Активный отдых геологов на базе «Каменный мыс» под Сургутом.

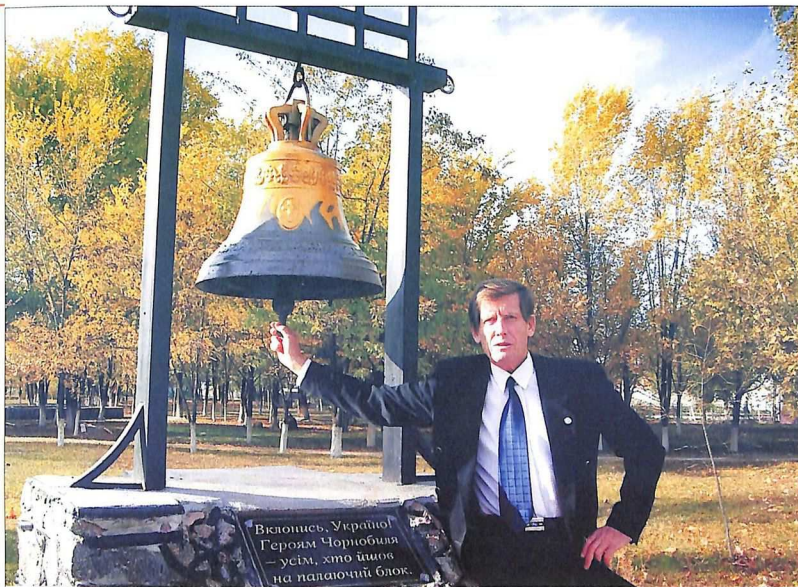
2003 г. На трассе Самотлорского марафона (бег на 42 км 195 м) в честь 50-летия Тюменской нефтегазоносной провинции. № 336 – Виктор Федотов – участник бурения первой скважины на Самотлоре в 1965 году, слесарь Мегионской НРЭ.

2007 г. Виктор Федотов – победитель Сургутского Рождественского марафона, чемпион ХМАО-Югра, Тюменской области, серебряный призер Кубка России в марафоне – беге на 42 км 195 м.

2008 г. Виктор Федотов на финише Стокгольмского марафона. За сургутский спортивный клуб «Барс» участвовал в сорока марафонах (бег на 42 км 195 м) в России и за рубежом.

2008 г. Набат в память о друзьях – ликвидаторах аварии в Чернобыле.

Март 2009 г. Былое и думы ветерана геологии Среднего Приобья с 1965 года.

1985 г. Награждение объединения «Объединение нефтегазгеология» орденом Дружбы народов.

1988 г. Рекордами звездного года довольны все. В. М. Пархомович (справа) с представителем МинГео РСФСР.

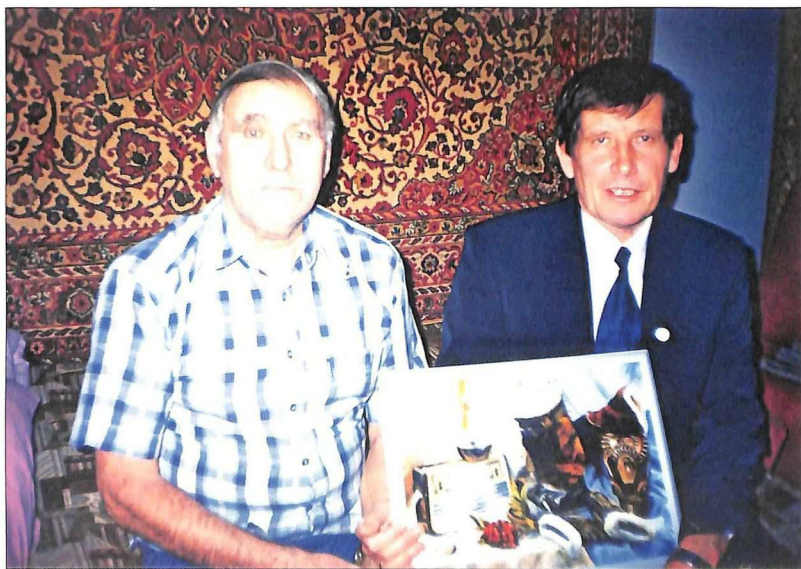
2001 г. Генеральный директор ОАО «Обьнефтегазгеология»
Сергей Иванович Кириченко (в центре) с ветеранами геологии Среднего Приобья.

2001 г. Генеральный директор ОНГТ С. И. Кириченко поздравляет с наградой ветерана геологии
Ирину Петровну Федотову – главного диспетчера.

2007 г. Ветераны геологии Среднего Приобья встретились на 50-летию первого десанта геологов в Сургут. Справа налево: Юрий Филаретович Щепёткин, Василий Иванович Мартынов, Виктор Алексеевич Федотов.

2007 г. Картина «Черное золото Югры» на добрую память от династии геологов Федотовых – династии Лазаренко. Юрий Николаевич Лазаренко (слева) – бурильщик Сургутской нефтеразведки с 1958 г.

2007 г. У памятника первой скважине Сургута. Слева: Степан Леонидович Каталкин – ветеран геологии с 1960 года, участник бурения первой скважины.

2007 г. В музее геологии Среднего Приобья на открытии новой экспозиции в честь 50-летия первого десанта геологов в Сургут.

2007 г. «Шашлык по-карски» на 50-летию первого десанта геологов в Сургут.
Владимир Алексеевич Браташов – первый заместитель мэра Сургута, ветеран геологии
и Иван Иванович Нестеров – член корреспондент Академии наук, профессор,
лауреат Ленинской премии, участник бурения первых скважин Сургута в 1953–59 годах.

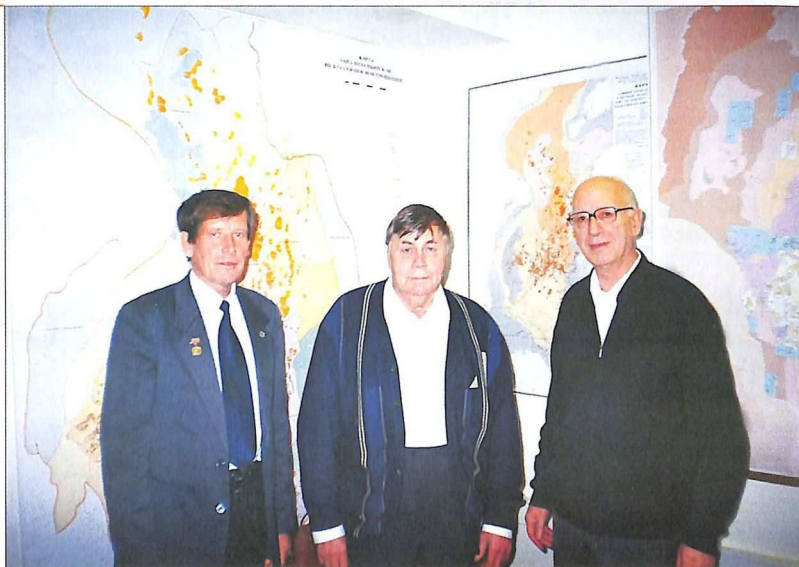
2003 г. На праздновании 50-летия Тюменской нефтегазоносной провинции.
В. А. Федотов с наставниками: по работе – Фарманом Курбановичем Салмановым,
по журналистике – Анатолием Прохоровичем Зубаревым.

2007 г. На открытии музея Фармана Салманова в Сургуте.
Справа налево: Александр Леонидович Сидоров – мэр г. Сургута,
Виктор Михайлович Пархомович, Виктор Алексеевич Федотов.

2007 г. Губернатор ХМАО-Югра Александр Васильевич Филиппенко с семьей Пархомович
на 50-летию первого десанта геологов в Сургут.

2009 г. Ветераны геологии на встрече в Тюменском «ГеоНАЦ» имени В. И. Шпилемана.
Справа налево: Лев Судат, Евграф Тепляков, Виктор Федотов.

2009 г. Ветераны войны и труда на встрече в подшефной школе № 32 г. Сургута.

2009 г. «Время не властно над судьбой». Медаль от геологов-первопроходцев в дар музею на 45-летию Тюменского индустриального института.

2007 г. Женщины-геологи сохранили тепло души до преклонных лет.
Справа налево: Валентина Ивановна Перепелюк, Ирина Петровна Федотова и Полина Михайловна Пархомович на 50-летию первого десанта геологов в Сургут.

технологом во время завершения одной из скважин Сургутской НГРЭ, руководил переборской жилых вагончиков на внешней подвеске вертолѐта Ми-6. Вагончики старые и ржавая жестяная крыша оторвалась под ветром от лопасти вертолѐта. Металлическая стружка попала в глаз. Только на третьи сутки после окончания работ вылетел в Сургут и обратился к врачу. Стружку извлекли операционным путѐм в Тюменской областной клинике. Мелкие же случаи, как ожоги паром или горячим раствором, обморожения, ушибы - так и не сосчитать. Тяжѐлые случаи с летальным исходом на предприятиях всего объединения происходили ежегодно. С приходом к руководству объединением В. М. Пархомовича профилактическая работа по созданию безопасных условий труда намного улучшилась. В должностные обязанности инженерно-технических работников были отдельно включены разделы по охране труда и технике безопасности. В обязанности инженера, выезжающего на полевой объект, вменялось проверять безопасность и устранять выявленные нарушения на месте с отѐтом по прибытии на базу. Травматизм заметно снизился. Забота о человеке труда – членов полевых бригадах вышкостроения, бурения и испытания - постоянно проявлялась на ежедневных планерках при Генеральном директоре.

Виктор Михайлович за первые полгода после своего назначения (второе полугодие 1981 года) побывал во всех полевых бригадах, экспедициях, подрядных организациях. Только после выявления фактической обстановки самостоятельно, а не по докладам подчинѐнных, он, не «поря горячку», стал медленно и с чувством такта делать кадровые перестановки старых руководителей предприятий и цехов, а также приглашать специалистов со стороны и выдвигать на ответственные должности проявивших себя молодых инженеров. Многие годы работавшие с ним в посѐлке Аган специалисты хотели бы переехать в большой современный и бурно развивающийся город Сургут. Подрастали их дети, и им нужно было давать хорошее образование. Но Виктор Михайлович, зная работающих и перспективных не по наслышке, а по совместной работе в Аганской НГРЭ, не ошибался в своём выборе. Многие из них стали главными специалистами и начальниками отделов объединения: Пучковский Сергей Эдуардович – главным механиком, Черепанов Иван Петрович – главным энергетиком, Суровцева Валентина Александровна – начальником планового отдела, Молдавский Виталий Павлович – начальником Сургутской, а затем Ноябрьской НГРЭ.

Особенную, можно сказать, отцовскую заботу, Пархомович питал к Сергею Кириченко - будущему своему преемнику и продолжателю геологических открытий в Западной Сибири в «тѐмное» для России время на стыке тысячелетий.

До создания объединения «Обънефтегазгеология» Сургутскую НГРЭ 10 лет успешно возглавляли начальник Николай Михайлович Морозов и главный инженер – Владимир Иосифович Коломасов. В паре они возглавили и Объединение, а в Сургутской НГРЭ с того времени наступила чехарда в руководстве. В течение пяти лет руководители сменялись ежегодно. Упали объѐмы геологоразведочного бурения. Если в 1978 году набурили 132231 метр (рекорд отрасли), то в последующие годы: 103,4–91,7–102,9–116,2 тысяч метров. Только с приходом в 1983 году в экспедицию из Агана С. И. Кириченко бурение достигло прежних объѐмов – 133282 метра и продолжало из года в год наращиваться до 179407 метров в 1988 году. Сначала Сергей Иванович в 27 лет – главный инженер, а затем начальник Сургутской НГРЭ. В 29 лет он вошёл в историю «Главтюменьгеологии» как самый молодой главный инженер крупнейшего в России геологического объединения «Обънефтегазгеология». В. М. Пархомович с момента окончания Сергеем в 1978 году Куйбышевского политехнического института помог молодому специалисту выработать государственный подход к любому делу, будь оно в маленьком посѐлке Аган, в городе Сургуте или в столице – Москве. В 1992 году Кириченко поступил и через два года успешно закончил Московскую Академию народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации. Эта учёба и годичная стажировка в Германии значительно расширили границы и возможности Сергея Ивановича не только как специалиста-геолога, но и как управленца, способного выработать современную стратегию успешного предприятия, каким стало ОАО «Обънефтегазгеология». Мне как главному технологу при практическом внедрении новых методов и современных приемов бурения было легко находить контакт и точки соприкосновения с непосредственным руководителем – главным инженером

С. И. Кириченко. Особую настойчивость он проявлял к использованию новой техники и внедрению технологии бурения, разрабатываемой иностранными буровыми фирмами и выпускаемой отечественными заводами по лицензии: будь то долота американской фирмы «Дрессер» Куйбышевского завода, термостойкие полимерные химреагенты германской фирмы «Хѐст» и компании «Кем-Трон» США или тампонажный цемент «Дюлогцем» совместного производства ОАО «Сухоложскцемент» (Свердловская

область) и германской компании «Дюккерхофф». Все взаимоотношения с поставщиками продукции строились строго на экономической основе, позволяющей объединению получать геологический результат и дополнительную прибыль, направляемую на выплату зарплаты, решение социальных проблем и сохранение кадров профессиональных геологов. После ухода в 1999 году на заслуженный отдых В. М. Пархомовича Сергей Иванович смог в кризисное время отстоять и сохранить целостность ОАО «Объединенная геология» как предприятия, ведущего геологоразведочные работы, и тем самым дать ему возможность уйти от банкротства. Это тем более значимо, что право владения крупнейшим в Западной Сибири геологическим предприятием – генеральными директорами В. М. Пархомович и С. И. Кириченко – всегда уделяли социальным и бытовым условиям геологов не только на буровых, но и в Сургуте. Если на отдыхе, в семье условия у полевиков нормальные, то и работать они будут с удвоенной отдачей. Микрорайон геологов постепенно благоустроивался и выходил на уровень нефтяников и строителей. Построены три современных детских сада, средняя школа, детская поликлиника. На месте снесенных вагончиков и бараков возведены пяти- и девятиэтажные жилые дома. Особой гордостью геологов стал лучший в городе, да, пожалуй, и в области, культурно-спортивный комплекс с первым плавательным бассейном в Сургуте. Работники полевых бригад могли оздоравливаться на выходных в полном объеме. Да и мы – в аппарате Объединения – создали свой спортивный коллектив и после работы в залах играли в волейбол, футбол, баскетбол и по 45 минут плавали в бассейне. Тренировки во всех секциях и группах здоровья проводились на бесплатной основе. Прекратились производственные застоля по поводу и без повода. А ведь раньше на застольях в профессиональный и многочисленный правительственные и народные праздники обязаны были быть все. Даже был такой девиз: «Если ты не с нами, (то есть не выпьешь стакан водки), то против нас - и показывали рукой на выход. Считаю, что это уже конец производственной карьеры! Начальники производственных отделов и служб, обязанные участвовать в ежедневных планерках, не проявляли активность в бытовых и социальных разборках и зачастую бездарно проводили вечернее после работы время. Главный инженер С. В. Гончаров, видя такую обстановку, стал проводить отдельно от Генерального директора технические советы. Вот там-то техническая служба Объединения проявила свои способности и возможности в требованиях времени по интенсификации производства и внедрению новой техники и технологии ведения геологоразведочных работ. Каждый отдел представлял свои предложения и ежегодно претворял в действие план организационно-технических мероприятий по внедрению непосредственно в производство новой техники. Особенно активными в наращивании темпов геологоразведочных работ были: технологический отдел (начальник – Федотов В. А., ведущий инженер – Ефремов Сергей Алексеевич, инженер – Сидорова Галина Александровна, зав. лаборатории – Фрязинов Юрий Владимирович); технический отдел (начальник – Липякко Юрий Дмитриевич, старший инженер – Мельникова Светлана Михайловна); производственный отдел по бурению (начальник – Коломасов Владимир Иосифович, ведущий инженер – Архангельский Владимир Васильевич, инженер – Бакай Ольга Ефимовна); геологический отдел (начальник – Тиханкина Лариса Михайловна);

отдел испытания (начальник – Митягин Анатолий Васильевич, инженер – Партыка Галина Афанасьевна).

Активное участие в общей работе с выездом на буровые принимали специалисты созданного при объединении Сургутского отделения Тюменского научно-исследовательского института ЗапСибБурНИПИ: директор института – Шибанов Владимир Александрович (затем его сменил Шмавонянц Владимир Шмавонович, из Белоруссии), главный инженер – Кузнецов Александр Сергеевич, руководители лабораторий по растворам – Ягодин Валерий Дмитриевич, по керноотборным снарядам – Ешимов Георгий Коржанович, по долотам – Безденежных Владимир Иванович, ведущие инженеры, пришедшие с производства из Восточно-Сургутской НГРЭ – Зеваков Михаил Евгеньевич и Бектимиров Ильдар Ибрагимович.

За основу научно-обоснованного внедрения был взят процесс разрушения горной породы на забое скважины, действующим элементом которого было долото или керноотборная бурильная головка.

Стойкость долот, то есть время их нахождения на забое, выпускаемых на старых отечественных заводах Верхне-Сергинска и Дрогобыча была в пределах 3 - 4 часов, что требовало больших затрат времени на частые смены их с глубин 3 – 3,5 тысяч метров. На проводку одной разведочной скважины затрачивалось 60–80 долот и, соответственно, столько же трудоёмких спуско-подъёмных операций бурильных труб.

В начале 80-х годов в Куйбышеве по стандарту Американского Нефтяного Института совместно с фирмой «Дрессер» был построен новый долотный завод, изготавливающий продукцию по американской лицензии. Эти долота отличались более прочным твердосплавным вооружением (зубьями) и долговечными осевой и радиальными опорами (подшипниками). Через Сургутскую долотную базу (директор филиала завода – Георгий Васильевич Феногенов, главный инженер – Семён Израилевич Геидешман) комплектовались опытные партии долот, которые отрабатывались на скважинах объединения «Объединение нефтегазгеология». Контроль отработки, анализ и рекомендации конструкторскому бюро завода осуществляли работники технологических служб экспедиций и Объединения, а так же Тюменского института ЗапСибБурНИПИ.

Большой вклад в практической работе по отработке, выводам и рекомендациям в серийное производство внёс руководитель отдела технологии бурения института Анатолий Андреевич Старцев и специалисты – Владимир Амранович Сехниашвили, Михаил Александрович Спиридонов и Михаил Васильевич Шорохов. Специально для этих типов лицензионных долот Московским Всесоюзным научно-исследовательским институтом буровой техники (ВНИИБТ), лабораторией турбинного бурения под руководством Алексея Иосифовича Агеева был разработан и на Люберецком экспериментальном заводе изготовлен принципиально новой конструкции гидравлический забойный двигатель – турбобур с плавающим статором ТПС-172, в разработке и промышленных испытаниях которого на скважинах Объединения принимали участие конструкторы из Москвы: Венямин Аронович Литвяк, Михаил Анатольевич Евдокимов, Лев Ильич Брай. При увеличенной мощности, облегчённом весе, простой сборке и регулировке в полевых условиях новый турбобур оказался в 4-5 раз долговечнее серийно выпускаемых в городе Кунгуре ЗТСШ-172. После промышленных испытаний Кунгурский машиностроительный завод освоил производство турбобуров ТПС-172 и обеспечил ими потребность нефтегазразведочных экспедиций «Главтюменьгеологии» при бурении поисковых и разведочных скважин. Результаты не замедлили сказаться. На бурение одной скважины требовалось уже не 60-80 долот, а порядка 30, что позволило в два раза увеличить скорость проходки и в несколько раз уменьшить материальные затраты на вертолётную авиацию по доставке турбобуров на буровые. На этом достижении не остановились и в 1985 – 1990-ых годах пошли дальше по интенсификации процесса бурения. К турбобуру ТПС-172 стали подсединять низкооборотную винтовую редукторную приставку ТН-172, что позволило, применяя специальные низкооборотные долота серии ГАУ или алмазные долота, заканчивать скважину глубиной 3000 метров за 12-15 долблений. Основная задача геологов - не только быстро пробурить скважину, но и отобрать из неё при бурении образцы глубинных пород (керна) и по ним произвести оценку проходимых пластов на нефтесодержание. Это более трудоёмкий и длительный процесс при бурении скважины, но он обязателен для исполнения. Для этих целей опять-таки на базе турбобура ТПС-172 москвичами было разработано, а нами – испытано устройство керноотборное турбинное УКТ-172. В паре с алмазными бурголовками получили отличный результат, позволяющий за один рейс (спускоподъём) извлекать до 25 метров качественного керна. Серийное производство долот и бурголовков с алмазно-твердосплавными пластинами было освоено на Уфимском научно-производственном предприятии «Буринтех» (генеральный директор – Ишбаев Гниятулла Гарифуллович). Непосредственно в Сургуте все работы на скважинах проводились в сотрудничестве с научно-производственной фирмой «Карат» (директор – Зайнутдинов Ильдар Закиевич). Производимые ими бурголовки позволяли извлекать до 100 % керна, увеличенного до 80-100 миллиметров в диаметре, что давало возможность получать более достоверную информацию о нефтенасыщенности продуктивных пластов. Такие показатели по отработке долот и гидравлических забойных двигателей были бы невозможны без третьей составляющей эффективного разрушения горной породы – бурового раствора. Над качеством бурового раствора по химическому составу, приемлемого для геологических условий Западной Сибири, его очисткой от выбуренной породы (шлама), работали лаборатории Всесоюзного института «ВНИИКрНефть», Тюменского «ЗапСибБурНИПИ» и его отделения в Сургуте.

В начале мы, производственники, обходились старыми, наработанными годами, рецептурами обработки бурового раствора. Основными химреагентами, начиная с 1957 года, были

карбоксиметилцеллюлоза и нефть, как смазывающая и противоприхvatная добавка. Только с 1975 года по рекомендации заведующего лабораторией буровых растворов «ЗапСибБурНИПИ» Александра Ильича Козубовского начали применять отечественные полимеры Гипан и ГКЖ-10 – отходы стекольного производства. Это было на Варьёганском месторождении (ныне г. Радужный), где я в то время работал помощником бурового мастера.

Позднее, начиная с 80-х годов, в связи с возросшими требованиями в области охраны недр и окружающей среды, была отработана рецептура полимерных буровых растворов на основе импортных высокомолекулярных порошкообразных полимеров, поставляемых из США и ФРГ. Нефть как смазывающую добавку заменили отечественными легким таловым маслом и «Спринтом». Кстати, смазывающая добавка «Спринт» разработана лабораторией нашего, Сургутского отделения «ЗапСибБурНИПИ» под руководством Валерия Дмитриевича Ягодина. Все это позволило не только на ступень поднять качество бурового раствора для вскрытия продуктивных пластов, но икратно сократить материальные затраты на ввоз химвагентов, глинопорoшка и нефти на буровые точки. Расход реагентов для бурения одной скважины сократился с 30–40 тонн до 2–3 тонн. Система очистки бурового раствора прошла эволюцию от естественного отстоя (осаждения на дно) в земляных амбарах до емкостной четырехступенчатой механической очистки (вибросито - пескоотделитель - илоотделитель - центрифуга). Это позволило не только улучшить технико-экономические показатели бурения и сохранить естественные коллекторские свойства продуктивных пластов, но и увеличить срок службы оборудования: насосов, бурильных труб, турбобуров.

Все положительные результаты использования новой техники и внедрения новой технологии бурения, а также практический опыт работы в этом отношении буровых бригад немедленно распространялись на все экспедиции и объединения «Главтюменьгеологии». Неоценима заслуга в этом главного технолога, Лауреата Ленинской премии Ивана Яковлевича Гири и начальника технологического отдела Главка Виктора Михайловича Симонова.

В. М. Симонов - мой ровесник и тезка, один из первых выпускников Тюменского индустриального института - часто бывал у нас на буровых в Сургуте. Работал в одно время со мной на Самотлоре, но не в разведке, а в «Мегионнефтегазе», вырос до классного специалиста-буровика и в начале 80-х годов вместе с Юрием Дмитриевичем Логановым пришел на усиление в «Главтюменьгеологию». Особенно много практических работ он вел при бурении специальных оценочных скважин с промывкой раствором на нефтяной основе, за что стал Лауреатом премии ВДНХ. Виктор Михайлович и по сей день, в возрасте за шестидесять, работает руководителем проектного бюро в Тюмени.

В 1983 году нефтяники Главтюменьнефтегаза развернули обширную программу и соцсоревнование за достижение добычи одного миллиона тонн нефти в сутки. Они широким фронтом выходили на новые месторождения, наступая на пятки геологам. Геологи объединения «Обънефтегазгеология» еще не закончат полную разведку месторождения и не защитят окончательную оценку запасов нефти в Государственной комиссии, а нефтяники уже тут как тут. Строят дороги, ЛЭП, бурят первые эксплуатационные скважины и обустривают месторождение, то есть начинают добычу. Темпы работ у нефтяников такие, что поговаривали в те годы: «они бегут впереди паровоза».

Такая обстановка сложилась на Восточно-Сургутском месторождении, географически расположенном вдоль железной дороги на Нижневартовск. Месторождение это было открыто еще в 1977-м году Сургутской экспедицией. В связи с большим объемом работ на этой площади создали Восточно-Сургутскую НГРЭ, которая пробурила там с полсотни разведочных скважин. На стадии заключительных работ перед сдачей месторождения нефтяникам «Сургутнефтегаза» в конце 1982-го года была начата бурением специальная оценочная скважина сложной конструкции Р-163. Обычно такие скважины бурились осенью или ранней весной. Это обуславливалось химико-технологическими особенностями специального бурового раствора на нефтяной основе РНО, обладающего повышенной пожароопасностью в летнее время и плохой прокачиваемостью (вязкостью) в холодное зимнее время.

Мне как участнику бурения нескольких таких скважин (в том числе и на Самотлоре в 1970-м году) не удалось отстоять в высших инстанциях приемлемые сроки, и была дана рискованная команда – бурить зимой. Смонтировали и дополнительно утеплили буровую установку и блок приготовления РНО, установили два паровых котла и 20 октября бригадой мастера Геннадия Петровича Семёнова забурили скважину.

Скважина сложная, бурилась тяжело, несмотря на близость расположения от Сургута, наличие

хорошей дороги и своевременное обеспечение материалами и оборудованием. Она находилась на 25-м километре от Сургута в районе реки Почкуйка и озера Окунево. Любителям подледного лова – раздолье. Рыбаки из Сургута на машинах и снегоходах «Буран» валом валили за жиреньким мохтиком, окунем и щукой. А какой рыбак без спиртного? Вот и буровики повадились в свободное от вахты время на лед.

За время бурения скважины три аварии последовали одна за другой, одна из которых (прихват инструмента на глубине 2705 метров) случилась в Новый, 1983 год, и я его провел, естественно, там. Через неделю аварию ликвидировали, но бурового мастера пришлось снять с работы и назначить опытного практика – Николая Григорьевича Годунова, проработавшего после окончания Ходьженского нефтяного техникума бурильщиком более 10-ти лет. Работы пошли на лад, но все равно на такой ответственной скважине постоянно были опытные руководители из ИТР и науки (Симонов В.М., Казьмин А.В., Матюшов В.Г.).

Когда начали спецработы с раствором, грянули крещенские морозы за –40С. Вот тут-то пришлось всем поработать! Помбурам и дизелистам, бурильщикам и мастерам, геофизикам и тампонажникам, лаборантам и геологам, главным технологам экспедиции, Объединения и даже Главка, научным сотрудникам институтов «ЗапСибБурНИПИ» и его отделения в Сургуте. Одновременно на буровой находилось до 40 человек (на обычной скважине – 20). Везде «мазута» от раствора, за ручки дверей без рукавиц не возьмись. Ладно банька была рубленая, топившаяся дровами круглосуточно, а туалет – холодный, на улице. Вернее, не туалет, а тропинки, протоптанные от скважины в лес в разные стороны согласно схеме, начерченной мелом на вагончике бурового мастера.

С большими материальными затратами, на пределе человеческих возможностей, скважина была закончена 25 апреля с выполнением поставленной задачи по оценке запасов нефти. Все это окупается добываемой и по сей день на месторождении нефтью. Хватит ее на десятилетия в будущем. А тогда, в 1983-м году, нефтяники достигли добычи 1 миллиона тонн в сутки по Тюменской области, в чем есть неопценяемая заслуга геологов, трудившихся и живших под девизом героя романа Вениамина Каверина «Два капитана» Сани Григорьева – «бороться и искать, найти и не сдаваться!» Здесь нельзя не назвать их имена. Это бессменный начальник Восточно-Сургутской НГРЭ Владимир Яковлевич Вырвикишко, главные геологи – Иван Михайлович Кос, Владимир Николаевич Крайний, Екатерина Бидзиля, главные инженеры – Юрий Михайлович Неупокоев, Александр Дмитриевич Бакум, Рафаил Мухаматгалиевич Шарипов, начальники ПТО – Евгений Петрович Петров, Ильмар Ибрагимович Бектимиров, главные технологи – Михаил Евгеньевич Зеваков, Владимир Дмитриевич Сердюков, начальник РИТС – Анатолий Дмитриевич Липлякко, главный механик – Юрий Ефимович Тверетин, буровые мастера – Николай Семенович Аксарин, Серафим Иванович Зиновьев, Раимжан Нишанбаев, Николай Григорьевич Годунов, Николай Николаевич Светашов, Валерий Романович Скобченко, Игорь Дмитриевич Тудвачев.

Чтобы сохранить достигнутый в 1983-м году уровень добычи – миллион тонн нефти в сутки, – геологам был необходим опережающий, как минимум, в два раза, прирост запасов нефти. Кроме северного от Сургута (Оби) направления, требовалось осваивать более сложное в географическом отношении южное. Низменный, пойменный участок Оби (левобережье), заливался в паводок тальми водами. Многочисленные малые реки, озера, болота и заповедные участки усложняли ведение поиска нефти. Геологоразведочные работы, в основном, в зимнее время, велись Сургутской НГРЭ, и отдельными скважинами были открыты месторождения нефти: Тайлаковское (еще в 1964-м году), Покамасовское (1972 году), Южно-Сургутское (1973 год), Широковское (1977 год), Кетовское (1980 год).

Если северные объединения нефтяников в Сургуте, Когалыме, Ноябрьске были обеспечены геологическими открытиями на рост добычи нефти, то южное объединение «Юганскнефтегаз», ведущее добычу на месторождениях, открытых еще в 60-е годы, впало в стагнацию. В связи с этим было принято решение о создании в посёлке Угут (100 километров на юг от Сургута) Юганской нефтегазоразведочной экспедиции. Завоз бурового оборудования и материалов в посёлке Угут и подбазу Тайлаково производился в основном баржами по рекам Обь и Большой Юган в паводковое время (июнь) и в сентябрьский сезон дождей. До Угута мелководные баржи на буксире катером шли двое суток, а до Тайлаково – все семь.

На содержание зимних дорог требовалось большое количество спецтехники и дорожно-строительное управление (директор – Каминский Станислав Антонович, главный инженер – Герштейн

Анатолий Наумович, начальники участков – Макаренко Виктор Алексеевич и Медведев Владимир Иванович) с трудом справлялись с этой задачей, приспособив старую технику к условиям непроходимой местности. В экстренных случаях (завоз вахт, продуктов, срочных заказов) использовали тяжелую авиацию – вертолеты Ми-8 и Ми-6.

Поселок Угут – одно из старейших национальных селений со своим устоявшимся годами укладом жизни местных жителей – ханты. Кругом голубые озера и речки, богатые рыбой – от простых чебаков и щук до белорыбицы нельмы. В вековой тайге, состоящей из кедрача и лиственницы, – охотничьи уголья ханты, промышлявших белку, лисицу, норку и соболя. Вот в таких первозданных, не тронутых урбанизацией угольях предстояло вести разведку с последующим наступлением широким фронтом нефтяников. Через 25 лет, пролетая над этими местами, с вертолета видел унылую картину, навевающую ностальгию по прошедшим годам. Кругом дороги, ЛЭП, промыслы и участки добычи нефти с вырубленной тайгой и засыпанными песком болотами и маленькими речками и ручейками. Вода в озерах уже не голубая, а серо-бурого цвета с радужно отражающей пленкой нефти. Зверья и рыбы заметно поубавилось.

Остался в Угуте как напоминание о былом национальный музей с площадкой под открытым небом. Местный колорит сохранен здесь известным краеведом, художником, собирателем старины, Почетным гражданином Сургутского района Бахлыковым Петром Семеновичем. В те 80-е годы, часто бывая в Угуте, я находил время зайти в музей к Петру Семеновичу. Он с большим энтузиазмом, даже иногда с горячностью, вел беседу о бережном отношении к флоре и фауне заповедной тайги. Потом, за алюминиевой кружкой чая или шелкая кедровые орешки, успокаивался и просил рассказать о сургутских новостях. Слушал он внимательно, не перебивая собеседника, лишь тяжело вздыхал, как бы сожалел о том, что не сможет остановить надвигающуюся машину современной цивилизации. Память о нем – человеке тайги – бережно сохраняет музей в Угуте.

Организованная в Угуте Юганская НГРЭ уже в начале своей работы в 1984-м году открыла Южно-Тайлакское и Яккунь-Яхское месторождения нефти, в 1985-м – Угутское, а в 1987-м – Северо-Ютымское. За восемь лет работы Юганская НГРЭ создала необходимый фронт работ для нефтяников и была расформирована. В 1989-м году, работая тремя буровыми бригадами, экспедиция пробурила 68254 метра разведочных скважин. На отдельных участках работали молодые мастера: Василий Скларов, Владимир Ильквив, Иван Прищепов, Виталий Федоров; опытные инженеры – руководители производства: Владимир Семенович Аксарин, Александр Дмитриевич Бакум, Валерий Владимирович Суслов, Риф Файзуллин, Валентин Николаевич Лапчук, Алексей Владимирович Гусев; главный геолог Сергей Васильевич Киреев; геолог Евгений Иванович Ващурин.

Руководил геологоразведочными работами в Угуте начальник экспедиции Владимир Иванович Колотий, хотя, как всегда, на стадии становления руководителей сменилось несколько: Валерий Иванович Мазин, Николай Борисович Куртогло, Анатолий Васильевич Кузьмин. Владимир Иванович как опытный хозяйственник навел должный порядок в социальных и бытовых условиях в самом поселке, много помогал удаленному от Сургута сельскому совету. Интеллигентный и выдержанный в отношениях с подчиненными, всегда спокойно и без аврала проводил планерки, решая не только насущные вопросы, но и на ближайшую перспективу. После расформирования в 1991-м году экспедиции Владимира Ивановича успешно работал на высоком посту заместителя генерального директора объединения «Объединение геология» по общим вопросам и только по болезни преждевременно вышел на пенсию.

Многие геологи того времени, работая в неимоверно тяжелых полевых условиях, потеряли свое здоровье и были вынуждены по рекомендациям врачей перейти на легкую работу или выйти на заслуженный отдых, а иногда и покинуть Север навсегда, переехав в южные районы.

Юганской экспедиции на стадии формирования, когда в ее составе была только одна буровая бригада мастера Виталия Федорова, предстояло пробурить сложную глубокую поисковую скважину, первую на Угутской площади. На нее возлагали большие надежды в плане рентабельности. Эта площадь размещалась недалеко от поселка Угут и была удобна для освоения нефтяниками. Как витиевато поговаривали Главковские геологи-скептики: «есть предпосылки предполагать возможность, что нефть будет».

Геолого-технический проект на строительство поисковой скважины № 3 на Угутской площади был разработан в Тюмени, хотя в Сургутском объединении с момента его создания работала своя проектно-сметная партия, возглавляемая опытным буровиком Виктором Константиновичем Сосниным.

Соснин - один из первых выпускников Тюменского индустриального института - прошел хорошую школу работы буровым мастером в Якутии. Технически грамотный инженер, выдержанный и обаятельный в общении интеллект. Принципом его работы было: «знать все о чем-либо и что-либо обо всем». В его партии работали молодые, но прошедшие полевую практику инженеры-сметчики: Георгий Петров и Людмила Ведерникова. Они смело и технически грамотно пересмотрели некоторые параграфы Главковского проекта применительно к нашим геологическим условиям и техническим возможностям обеспечения сложившейся технологии бурения.

В экспедиции бурили скважины глубиной 2700-2800 метров, а эту предстояло пробурить на 3500 метров с большим объёмом отбора керна и проведения геофизических исследований. Для безаварийной проводки и ускорения окончания этой скважины от Объединения закрепили ответственных инженеров - начальников отделов: Юрия Дмитриевича Липякко, Владимира Иосифовича Коломасова и меня. Мы постоянно, по очереди, находились на скважине, которая забурилась 20 августа 1984 года. Буровая бригада, наполовину укомплектованная вахтовиками, летающими с Украины, имела слабую квалификацию. Тяжёлые климатические условия: комары, мошка, а затем и морозы - снижали производительность. Трудовая дисциплина местных угутских буровиков оставляла желать лучшего. Срочные заказы для безостановочного бурения и продукты питания доставлялись вертолётom из Сургута. Только с открытием зимней дороги нормализовалась ритмичная работа буровой и к Новому году забой достиг глубины 3372 метра. Предстояло немного поднапрячься и провести заключительные работы. Хотели, как лучше, а получилось, как всегда. Одна украинская вахта (6 человек) с началом нового года уволилась, вторая - задержалась в пути, а местные, как и весь посёлок Угут, загуляли. На такой глубине простой скважины равнозначен аварии. Срочно, по «тревоге», подняли сургутскую инструкторскую вахту мастера-Героя Социалистического Труда Нажмитдена Уакпаевича Жумажанова: бурильщиков Эдуарда Чернышова, Василия Склярова, Виталия Сапельникова, дизелиста Владимира Колмакова.

Без простоя и аварии (прихват инструмента на глубине 3110 метров) не обошлось. Благодаря слаженной работе прилетевших на подмогу профессионалов своего дела, аварию быстро ликвидировали и продолжили углубление скважины. Мы с Жумажановым после Нового года на тракторе с прицепленным вагончиком собирали по домам угутских буровиков. В вагончике на ходу топились дровами буржуйка - железная печь, только дым из трубы валил столбом в мороз под -40С.

15 января при достижении проектного забоя 3500 метров на скважине начали геофизические исследования, и мы вылетели в Сургут на празднование Нового года по старому стилю, но не надолго. 26 января тем же составом с Н.У. Жумажановым обратно на проведение заключительных работ по спуску эксплуатационной колонны и её цементажа. Отобранный керн и геофизические исследования по скважине показали наличие нефтяного пласта.

Мы, инженеры объединения, в такие длительные - более недели - выезды на полевые объекты, экипировались с полной выкладкой - по-военному. С собой брали спальники, рабочую спецовку, рюкзак с личными принадлежностями, сухим пайком от супруги, радиоприёмником «Спидола» и книгой или свежими журналами и газетами для информации членов бригады, работающих по месяцу без выезда с буровой.

Завершение скважины спуском эксплуатационной колонны (350 труб диаметром 146 миллиметров и весом 105 тонн) и её крепление цементом в количестве 50 тонн является ответственной и наиболее сложной операцией в процессе всего строительства скважины. 31 января начали разборку и выброс, то есть оттаскивание от скважины, использованных при бурении труб. Температура воздуха приемлема для ведения работ -20С, мощности парового котла для обогрева уязвимых мест, оборудования и обвязки достаточно. Технологический процесс ни при каких условиях останавливать нельзя.

1 февраля – спуск эксплуатационной колонны - 450 метров, температура -40С, ветер. На ходу в топливopровode гущеe дизтопливо, глохнут силовые дизели, элeктростанция. Всё погружается во мрак, авральное положение! Котельная работает на инжекторе. При свете факелов (аварийные аккумуляторы бережём для запуска электростанции) вдоль топливной линии длиной 50 метров прокладываем не предусмотренную проектом паровую линию из насосно-компрессорных труб диаметром 73 миллиметра и производим теплоизоляцию мешками из-под цемента. Через шесть часов авральной работы, не позволив буровой замерзнуть, запускаем электростанцию и силовые дизели. Да будет свет и мощь дизелей! По радию запросили из Сургута паропередвижную установку на шасси «КраЗ» и автоцистерну с прицепом арктического дизтоплива из резерва Генерального директора.

В.М. Пархомович лично контролировал обстановку на Р-3 Угутской, и без проволочек заказ был исполнен - в ночь машины парой вышли из Сургута по зимнику.

2 февраля - спуск колонны на 2000 метров, температура -42С, ветер. Прибыли из Сургута перопередвижная установка и арктическое дизтопливо. Работа пошла веселей!

3 февраля - спуск колонны на 2600 метров, температура -44С. Подготовка и профилактика тампонажной техники на шасси «КраЗ» - пять машин.

4 февраля- спуск колонны на 3200 метров, температура -45С.Затарка смесительных машин (СМН-20 на шасси «КраЗ») тампонажным портландцементом-50 тонн. Затарка – сложный трудоёмкий процесс – в течение восьми часов два рабочих-такелажника вручную подтаскивают к бункеру мешки весом 50 кг. каждый, разрезают их ножом и высыпают цемент из мешка в загрузочную воронку. Всего 20 тонн в бункер одной машины.

5 февраля заканчиваем спуск эксплуатационной колонны на глубину 3500 метров. Немного теплеет - до -40С, но поднимается ветер, который усложняет и продляет время подготовительных к цементу работ кратно. Лучше бы мороз, но без ветра, который пронизывает до мозга костей. Работники одеваются теплей, но становятся неповоротливыми, движения, как в замедленном кино. Цемент в бункерах машин по температуре сравнивается с наружной, а по технологии ведения работ воду для затворения его необходимо нагревать до такой же температуры, но с обратным знаком, то есть +40С. Паропередвижная установка не справляется с этой задачей, и приходится водяную ёмкость объёмом 50 кубических метров обкладывать сухостоем из брёвен и греть костром.

К началу ночи на 6 февраля, когда температура -38С со шквальным ветром, начинаем основные работы по приготовлению цементного раствора, закачку в скважину и продавку на полную глубину 3500 метров. В работе на открытом воздухе в ночное время (почему-то цементаж, по многолетнему опыту, в основном приходится на ночь?) в течение четырёх часов задействовано 35 человек. Каждый специалист в своём деле (две вахты буровиков-12 человек, тампонажники-10 человек, тракторист, слесарь, старший дизелист, электрик, кочевар, машинист ППУ, сварщик, лаборант-коллектор, ИТР: буровой мастер, технолог, геолог, главный инженер экспедиции, главный технолог объединения). Лица полностью закрыты шерстяными масками, одни глаза сверкают от азарта в работе. На руках шубенки с верхонками, а в карманах полшубков запасные рукавицы для более тонкой работы. На ногах овечьи носки в валенках-катанках с резиновыми литыми калошами. Все работают слаженно, как часовой механизм, понимая друг друга с полуслова, кивая взглядом или понятными только для них жестами рук. На морозе шум работающих дизелей, буровой установки, трактора и шести спецмашин забивает человеческую речь. Тут же у смесительной ёмкости с цементным раствором, замеряя его параметры приборами, работает совсем молоденькая лаборант-коллектор с голыми руками, отогревая их в промежутках в ведре с горячей водой. Женские ручки красные и пухлые, как у младенца. Кто-то из бригадных ухажёров одел её в свой лёгкий меховой комбинезон и она стала похожа на Винни-Пуха из мультика, но стойко переносила все тяготы от работы и шуток молодых помбуров. Запомнилось только её имя - Чулпан, что в переводе с татарского - утренняя звёздочка. Чулпан закончила ПТУ при Тобольском нефтехимическом комбинате по специальности лаборант и приехала в посёлке Угут к старшей сестре. Они вместе работают на буровых Юганской НГРЭ и заочно учатся в Сургутском нефтяном техникуме. Упорные девчата из династии тобольских татар!

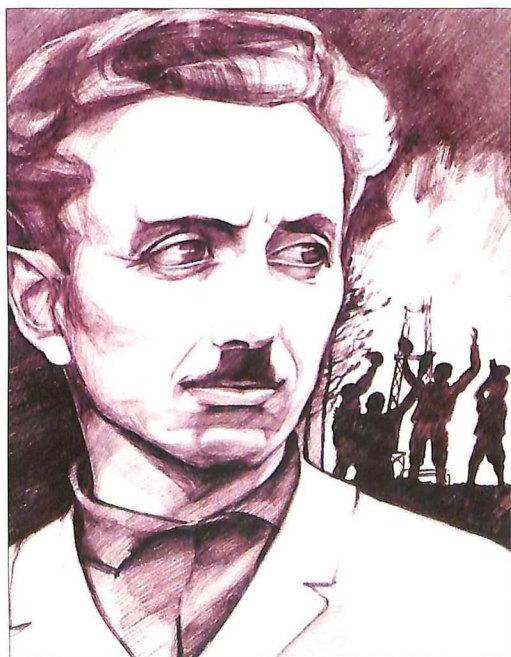
К утру напряжённый процесс заключительных работ заканчивается, заметно теплеет: до -30С, ветер переходит в снегопад, а люди от усталости падают с ног в натопленных вагончиках. У некоторых даже не хватает сил на завтрак в столовой, где повар приготовил по случаю завершения скважины сибирские пельмени. Самые стойкие парятся в рубленой, по-черному, баньке, нахлопывая промёрзшие бока пихтовым веничком. На буровой непривычная тишина со слабым тархтением электростанции. Всё окунулось в приятную двухсуточную истому-спячку, кратко называемую буровицкой аббревиатурой ОЗЦ - ожидание затвердевания цемента. За это время буровые вахты готовятся к переезду на другую точку-скважину.

Канторские работники (планово-экономический отдел и отдел труда и зарплаты) по справкам, представляемым метеослужбой, активируют рабочее время полевых бригад, тем самым убирают из баланса календарного времени бурения дни сильных морозов и формально улучшают технико-экономические показатели. Премияльные получают даже те, кто работает в тёплых кабинетах, не поднимаясь со стула. Риск остановить скважину, особенно в сильные морозы, может обернуться потерей полугодовой работы

Картины, посвященные геологам-первопроходцам, Елены Федотовой – лауреата Гран-при выставок молодых художников в Сургуте и Москве.

«Черное золото Югры».

«Геолог-первопроходец Фарман Салманов».

«Буровой мастер Нажмитден Жумажанов».

«Былое и Думы». Супруги Пархомович.

«Геолог Евграф Тепляков». Почетный гражданин ХМАО – Югра.

бригады и миллионами рублей затрат, а самое главное - отсутствием геологической информации о наличии в пластах нефти, так необходимой разработчикам-нефтяникам объединения «Юганскнефтегаз», то есть в будущем компании «ЮКОС». Такие вот парадоксы в оплате социалистического труда в период ускорения геологического поиска!

Для оценки качества заключительных работ 8 февраля на скважину прилетает геофизический отряд начальника Петра Васильевича Корнивского, выпускника Ивано-Франковского нефтяного института 1975 года. На многих скважинах, особенно при ликвидации аварийных ситуаций, каротажики, давая информацию о пластах, выручали буровиков.

Отряды Николая Штогрин, Романа Витвицкого, Игоря Воронкова, Василия Дмитрука, Михаила Крылова своевременно проводили геофизические исследования и давали полную информацию о состоянии ствола скважины и залегающих нефтенасыщенных пластах. И на этот раз по материалам (каротажным диаграммам) интерпретаторы Сургутской геофизической экспедиции под руководством Нелли Александровны Фидри (Ирина Коломасова, Тамара Зиновьева, Людмила Витвицкая) дали положительную оценку качества цементирования и рекомендовали к испытанию пласты с возможным получением промышленного притока нефти. Сургутских геофизиков возглавляли начальник Василий Александрович Швороб и главный геолог Михаил Стефанович Соколов. В результате всех проведенных геологами работ в 1985-м году было открыто крупное месторождение нефти – Угутское. Уже двадцать лет нефтяники добывают там нефть, и хватит ее еще не на одно десятилетие.

9 февраля скважина Р-3 Угутская официально была закончена бурением. Буровая бригада готова к переезду на скважину Р-173 Яккунь-Яхской площади, что на границе с Томской областью, в 200-х километрах от поселка Угут по воздуху, а по зимникам - все 300 километров. Температура по-весеннему теплая, всего -10 градусов, и я - на солнышке вместе с геофизическим отрядом Петра Корнивского, моим партнёром не только по работе, а и по настольному теннису (оба перворазрядники и не раз защищали спортивную честь объединения «Обънефтегазгеология» на соревнованиях городского и областного масштабов), в ожидании вертолётa. Вечером, обмороженный, с облезлым носом и пальцами рук, захожу домой и вижу в зале за празднично накрытым столом родных, близких друзей и коллег по работе. И тут только я вспомнил, что мне сегодня исполнилось 38 лет! Поздравить пришли семьями: одноклассники по техникуму - Юрий Ларин, по институту - Владимир Бурко, Сергей Ефремов, Николай Кузмин, Анатолий Елишев. Самой приятной неожиданностью был младший брат Владимир, работавший бурильщиком на Самотлоре в Нижневартовске. По сложившейся традиции первый тост - за тех, кто в поле. Второй тост - за виновника торжества и третий, - в память о родителях и близких, рано ушедших в мир иной.

Глава вторая

Младший брат

Августовский дефолт 1998 года полностью парализовал поисковые работы геологов «Объединения геологов». Если в 1997-ом году двумя нефтегазоразведочными экспедициями Объединения, Сургутской и Восточно-Сургутской, было пробурено 110523 метра - 38 скважин, за половину 1998 года 68881 метр - 23 скважины, то за второе полугодие 1998 года всего 17253 метра - 6 скважин. К концу кризисного года экспедиции, вышкомонтажное и строительно-дорожные управления перешли на цеховой уровень работы с подчинением непосредственно Объединению. То есть первая в Среднем Приобье Сургутская нефтегазоразведочная экспедиция, организованная Фарманом Салмановым в 1957-ом году, прекратила своё существование.

В связи с реструктуризацией и снижением объёма геологоразведочных работ последовали сокращения работников, задержки зарплаты до 4-х месяцев. Многие, особенно молодые и перспективные специалисты, перешли работать в крупные градообразующие предприятия «Сургутнефтегаза» и «Сургутгазпрома», менее подвергнутые кризису из-за наличия большого резерва запасов углеводородов (нефти и газа), открытыми в своё звёздное время геологами «Объединения геологов» и безвозмездно переданными нефтяникам и газовикам. Так, в 1988-ом году четырьмя нефтегазоразведочными экспедициями объединения «Объединения геологов» было пробурено 534951 метр-185 глубоких поисковых и разведочных скважин. За год прирост разведанных запасов составил 308 миллионов тонн нефти - половина годовой добычи всего СССР. Таких показателей не было в мировой практике геологоразведки. Но и такого резкого падения показателей тоже, наверное, не было. По крайней мере, в бывшем СССР. В 1999-ом году Объединением пробурено всего 48001 метр-16 скважин. Показатели по объёмам поискового и разведочного бурения, соответственно по запасам углеводородов снизились на порядок. Не кризис, а настоящий крах большой Геологии Среднего Приобья.

Сохранившийся кадровый костяк геологов перевели на неполную рабочую неделю, на так называемую «полставку», или отправили в отпуск без содержания, а у кого и были запасы отпусков, то в очередной - без денежного довольствия. Особенно тяжело переносили такое положение геологи, проработавшие всю жизнь в разведке, которым до выхода на заслуженный отдых (пенсию) оставалось всего-то год-два, а некоторые несколько месяцев. Мой коллега по работе, начальник отдела бурения Владимир Иосифович Коломасов, после окончания Куйбышевского политехнического института с 1962 года работал в нефтеразведочных экспедициях Мегрона и Сургута и должен был оформлять пенсию. Но его, как и меня, работающего с 1965 года, и многих других ветеранов геологоразведки, приказом по Объединению перевели на полставки по оплате. Но как можно бросить наполовину незаконченную бурением скважину? Я в пользу Владимира Иосифовича ушёл в очередной отпуск, а потом ещё в отпуск без содержания и полгода по трудовому соглашению работал в управлении буровых работ №2 «Сургутнефтегаза» инженером-консультантом по бурению специальной оценочной скважины. Владимир Иосифович, как и многие ветераны, работая без выходных и надеясь на достойной величины пенсии, получил, как и все, не более 75% от средней зарплаты по России. Оказалось, что она меньше северного прожиточного минимума. Как жить дальше, когда все силы и здоровье отданы на производстве любимому делу? Главное, что это дело сделано - на базе открытых месторождений построены города, а нефтью и газом жива и возрождается новая Россия. Россия велика и если в нефтяной Западной Сибири кризисное время проходило менее болезненно, то в некоторых центральных областях, особенно в глубинке, создалось поистине бедственное положение. Вот и с моей родины, из города Бугуруслана Оренбургской области, неожиданно приехал младший брат Владимир. Это было седьмого ноября 1998 года. Он и раньше частенько проездом бывал у нас, когда с 1974 года работал бурильщиком вахтовым методом на Самотлоре, летая из Куйбышева. Более двадцати лет таким вахтовым методом осваивали Самотлор,

доведя добычу нефти на нем до 150 миллионов тонн в год. С падением добычи в 90-е годы до 25 миллионов тонн уменьшились и объемы бурения, отпала необходимость в вахтовиках, которых сокращали.

На моей родине, в когда-то гремевшем нефтяном Бугуруслане, работы по специальности тоже не было. Имея немного заработанных денег, Володя решил заняться предпринимательством – мелким бизнесом, торговлей ширпотребом, как тогда называли. Приобрел подержанную иномарку и закупал в Самаре или в Москве мелким оптом товар – одежду. На городском рынке реализовывал его, арендуя место – холодную палатку. Супруга его – Нина, по специальности продавец, помогла становлению своего дела, и через год-два, стали они получать небольшую прибыль. Но в августовский дефолт многие мелкие предприниматели не выдержали конкуренции и обанкротились. Брат не успел переоформить лицензию, товар конфисковали, самого Володю две недели держали под арестом, требуя выплаты штрафа. Вот он и приехал в Сургут, чтобы заработать на выплату штрафа, да заодно и на пенсию. Ему к тому времени исполнилось 49 лет, а пенсию как бурильщику, проработавшему в северных полевых условиях более 20-ти лет, можно оформлять в пятьдесят.

Так что было, о чём вспомнить нам и наговориться за праздничные дни. Володя на два года моложе меня, разница – небольшая. Детство, юность и учеба до 18-ти лет – все было вместе, да и позднее мы часто проводили отпуск в родных местах. Вспомнилось наше трудное послевоенное детство, наполненное и невзгодами, и радостями.

Семья наша в начале 50-х годов прошлого столетия – мать, отец и шестеро детей жили на -Рабочей улице возле рынка в 2-х комнатной квартире деревянного щитового дома барачного типа. Четверо старших дочерей жили отдельно своими семьями. У мамы – всего десять детей – Мать-героиня. Возле дома небольшой палисад с кустами акации и сирени. От входной двери – дорожка к туалету, выложенная красным кирпичом и окаймленная с обеих сторон цветочными клумбами цветов. При входе в дом – большая летняя веранда, служившая в теплое время года дополнительной жилплощадью, а зимой – холодильником для продуктов. Под кухней – подпол для хранения осенних заготовок: картофеля, капусты – свежей и квашеной. Квашеная капуста, соленые огурцы и помидоры, грибы: грузди, волнушки, рыжики – все в больших дубовых кадлушках под гнетом. В большой комнате стояли две кровати, в центре-обеденный стол огромных размеров на круглых резных ногах, вокруг которого располагались табуретки. Вдоль стен стояли: комод для вещей, этажерка для книг и тетрадей, сундук, служивший жестким диваном или лежанкой, тумбочка с радиоприемником «Балтика». У одной стены изразцовая печь с духовкой, которая топилась газом со стороны кухни. Рядом с печью к стене прикреплен топчан, который на ночь опускался на пол, и служил постелью для нас с Вовкой и двух старших сестер-школьниц. Когда мы выросли до школьного возраста, то нас с Вовкой укладывали спать на отдельную кровать. А так, вчетвером, все вместе, спали на топчане – и места меньше занимали, и теплее было в зимнее время. Когда сестры Тамара и Юлия закончили десятилетку и уехали из дома в далекий Таджикистан учить русскому языку детишек, нас разместили по отдельным кроватям в разных углах, чтобы меньше шушукались перед сном.

В маленькой комнате – мать с отцом. Комната настолько маленькая, что в ней помещались только кровать да рабочий стол отца с единственным стулом. У окна стояло трюмо, а подоконник служил матери полочкой для личных принадлежностей. Комната закрывалась на дверь, единственную в доме, не считая входной. Вся мебель была самодельной, но красиво изготовленной из дерева резцами нашим отцом. Кровати металлические, с шарами на стойках и витыми спинками, тоже сделаны отцом в механических мастерских, где он работал. Кровати застелены досками, панцирных сеток тогда не было. На досках ватные матрасы и простыни из темного материала, покрытые байковыми одеялами. Когда было холодно, укрывались дополнительно фуфайками, а на нас – малых, еще сверху бросали тулуп из овчины. Из веранды по прикладной лестнице-стремянке был ход на чердак. Там был разный старый хлам и старшие сестры устраивали домашний кукольный театр, куда нас затаскивали в качестве зрителей. Было очень интересно в детстве смотреть и слушать в их исполнении народные сказки и их собственные постановки.

Завтракали на кухне по очереди – первыми отец с матерью, затем старший брат и сестры. В последнюю очередь поднимали нас с постели, садили за стол, а сами уходили: родители на работу, брат в техникум, сестры в школу.

Обедали все вместе в большой комнате, когда отец с матерью приходили на перерыв в работе. Ужинали тоже все вместе в одно и то же определенное время. Родители не разрешали и сильно ругали за

таскание еды со стола и прием ее на ходу.

Отец любил изречение английского премьера Уинстона Черчилля: «Война – войной, а обед по расписанию в строго отведенное время» - и часто напоминал его нам.

А еще он рассказывал, что Иосиф Сталин поставлял к обеденному столу Черчилля осетровую икру, сосвинскую селедку в дубовых бочках и армянский коньяк. А у нас на столе было все, что Бог послал: картошка, квашеная капуста, черный хлеб да лук с чесноком. Все запивалось ядреным квасом с репой.

Раз в неделю мать готовила летом борщ, а зимой щи с костыльгой, так называлась кость с мясом. Большого чугуна с борщом хватало на 2-3 дня. А мясо с кости отец сам делил по тарелкам. Сахар, конфеты и печенье были два раза в месяц – с аванса и получки. Еще отец в эти дни покупал поллитра водки и после работы выпивал с матерью в своей комнате. При детях отец не пил, но зато потом рассказывал нам забавные сказки и истории, а также вспоминал о военных походах в период Гражданской войны в дивизии Василия Ивановича Чапаева и в Отечественную войну, которую он прошел от Москвы до Берлина. Володька ни в какую не отставал от отца и даже плакал, -требовал чтобы он еще рассказал про войну. Но отец заботливо укладывал нас в кровать, потом брал в руки трофейный аккордеон с немецкими буквами «Goldon» и пел любимые песни. Было очень жаль, что аккордеон продали, когда родители перестали работать и вышли на пенсию, которой не хватало на пропитание нам, уже повзрослевшим школьникам. Но все равно традиционно в такие веселье для нас дни, но уже после получения пенсии, отец покупал заветную поллитровку и вечером пел песни под русскую балалайку.

На свой юбилей – пятидесятилетие - отец возил нас с Володькой на родину, в село Пешелань Арзамасского района Горьковской области. Впервые мы ехали на поезде, ведомом паровозом. При посадке в вагон, идя мимо паровоза, отец строго сказал, чтобы мы никогда не переходили рельсы перед паровозом, иначе зарежет. Мы и в самом деле принимали за ножи блестящие никелированные штоки поршней, которые ходили туда-сюда в передней части паровоза.

В деревне, в гостях у бабушки Прасковьи жили весь отцовский отпуск – почти целый летний месяц. Дом был большим, сложным из круглых бревен еще дедом Кузьмой в конце девятнадцатого века. Самого деда Кузьму похоронили во время войны в 1942 году, когда ему было 82 года. Наша бабушка Прасковья все время, когда мы были в гостях, лежала наверху – на русской печке. В день нашего приезда ее сняли с печки, помыли в бане, нарядили в красивый, привезенный отцом сарафан и усадили вместе со всеми за большой стол в горнице. Вечером ее подняли и уложили на печь. Было ей в то время 89 лет, она так и прожила еще пять лет на печке, до 1957 года.

При доме были хозяйственные пристройки и хлев для скотины: коровы с теленочком, овец, двух свиней, гусей и курей. За состоянием дома и скотины смотрела старшая сестра нашего отца тетя Мария с мужем и детьми.

Пока взрослые сидели в горнице за столом, внуки тети Марии показали нам с Вовкой подворье, окрестности дома и свои деревенские забавы – игры.

Рядом с домом стояла колхозная кузница, где ярким пламенем горел горн, откуда кузнец клещами вытаскивал раскаленную заготовку, бросал ее на наковальню, а молотобоец колотил по ней большой кувалдой. Кузнец клещами переворачивал заготовку и маленьким молотком показывал молотобойцу, куда бить. Вскоре из заготовки получилась подкова для коня.

Наши «экскурсоводы» рассказали, что до революции 1917 года кузница принадлежала деду Кузьме. Он сам работал в ней, а молотобойцем у него был сын Алексей, то есть наш с Вовкой отец. Старший сын Кузьмы – Иван в это время учился в горном институте в Петербурге.

В следующий раз уже сам отец привел нас в кузницу, когда там подковывали коня. Отец вспомнил свою молодость и кузнецы доверили ему лично закрепить одну подкову на ноге у коня. Нам с Вовкой это зрелище запомнилось на всю жизнь. Видно, с тех времен отец и привил нам тягу к металлу и связанному с ним слесарному делу, то есть работе с механизмами, оборудованием и моторами.

Перед отъездом домой, в Бугуруслан, родители привели нас на кладбище, где на могиле дедушки Кузьмы стоял крепкий дубовый крест с двумя датами: 1860 – 1942. Прошло ровно десять лет после смерти деда, и мы помянули его: родители выпили по стопке горькой водки, а мы с Володей съели по прянику и шоколадной конфете, завернутой в серебряную фольгу. Так нам запомнилась родина отца с матерью, дедов и прадедов наших. С годами память эта укреплялась. В Бугуруслане, учась в начальной школе №4 и утром идя на занятия, мы с братом Вовкой проходили мимо кузницы и обязательно останавливались на

несколько минут. Так же заворожено, как и в первый раз, смотрели на яркие горящие угли, раздуваемые ручными мехами, и слаженную работу кузнецов. А когда они подковывали коней, забывая в копыта раскаленные докрасна гвозди, пахло паленым. Кони ржали от боли, и нам было очень жалко их. Конюшня стояла под горой, а на самом вершине горы была каланча – высокая башня с пожарным, который ходил по круговой площадке и в случае появления дыма от горящего в городе дома поднимал тревогу для выезда пожарной машины. В городе в основном были частные деревянные дома, а микрорайон пятиэтажных домов для нефтяников только начинал строиться. Наконец-то мы переселились из деревянного барака в капитальный кирпичный дом на этой же Рабочей улице. Это был четырехквартирный угловой дом на перекрестке Рабочей и главной улицы города – Революционной. Квартал составляли четыре угловых дома и восемь двухквартирных домов – всего 32 семьи нефтяников. Улицы назывались соответственно: параллельно Революционной шла улица Нефтяников, а параллельно Рабочей – улица Промысловая. Эти дома строились во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов пленными немцами. Дома очень крепкие, стоят более шестидесяти лет и в угловых надстроены даже вторые этажи. После окончания войны пленные выехали на родину в Германию, но некоторые обзавелись семьями и остались жить в Бугуруслане. С их детьми мы учились в школе, техникуме. Немецкие девушки обучили нас танцам – вальсу и чарльстону. Вместе жили и были дружны, не взирая на принадлежность к другой нации. И сейчас помню друзей детства и юности. Это Юрий Шмидт, Эмма Ненштель, Алекс и Анна Вебер, Нина Фольц, Гарик Онгемах и другие.

Квартиры были добротные, теплые – отапливались газом с открытого рядом с городом месторождения. Но водопровода и канализации не было. Воду носили ведрами или возили флягой на тележке или в санях из уличной колонки. На весь квартал – два деревянных холодных туалета и рядом выгребная яма для помоев.

Во дворе для каждой семьи – секция сарая для живности на выбор хозяина (свинья, гуси, куры, кролики или домашние голуби) и небольшой – десять на десять метров - участок земли для овощей и цветов. Летом в сарае устраивали душ с железной бочкой воды на крыше, которая нагревалась солнцем. Зимой еженедельно ходили в городскую баню с березовыми или дубовыми вениками. Веники отец заготавливал летом в лесу и развешивал под потолком сарайки. Там же висели пучки трав для чая, собранные матерью: душица, зверобой, ромашка, чистотел, чабрец, тмин, шиповник, липовый цвет и др. Вечерами мать заваривала из трав в большой кастрюле чай, накрывала его томиться полотенцем и на следующий день ценнейшего целебного напитка хватало всей большой семье.

А семьи в квартале были большие и в основном - из трудовых династий нефтяников. Наша семья была признана самой большой в округе – десять детей. В городе с тридцати-тысячным населением было три таких семьи: наша – Федотовых; на другом конце города – Артамоновых и в «татарском крае» - Файзуллинских.

Дворовая команда мальчишек с разницей в возрасте 2-3 года собиралась из 12-15 человек. Взрослые называли нас пацанами, вежливо – ребятней, а если баловали – то шпаной. Послевоенных мальчишек почему-то было больше в квартале, чем девочек. Мы это стали ощущать позднее, когда становились юношами 14-16 лет и стали девочкам уделять внимание, ухаживать и защищать, а не дергать за косички и не пускать в мальчишеские игры.

А игр и забав в детстве было предостаточно, и все это на улице. Дома не сидели, кроме как при выполнении уроков. Телевизоров, магнитофонов не было и в помине.

Из нашего углового дома было шесть одногодков дворовой команды. Это мы с братом Володькой, Женька Шабавев и три брата Макаровых – старший Валера, средний Володя и младший Сергей. У Женьки отец работал на автогрейдере – ровнял дороги на нефтяные промыслы, а мать – кондуктором на единственном в городе пассажирском автобусе, курсировавшем от рынка до железнодорожного вокзала. Отец братьев Макаровых – участник войны, отставной полковник, работал в горвоенкомате, а мать – преподаватель начальных классов. В соседних по Революционной улице домах жили Славка Яцкевич, Юрка Мартынов и Шурик Балдуев. Отец Славки – вышкомонтажник, мать – библиотекар. Отец Юрки – водитель автокрана, мать – вулканизаторщик автомобильных камер. Родители Шурика работали на нефтепромысле №1 операторами по добыче нефти. По Рабочей улице жил Володя Попов. Отец у него работал начальником транспортного цеха, мать – учителем литературы в старших классах. По улице Нефтяников в нашем квартале жили: Генка Мадриченко, Валера Козлов и Валера Зенков. Родители их тоже работали в нефтяных организациях. Вот и вся наша дворовая команда, к которой присоединились ребята с

противоположных сторон названных улиц: братья Володя и Гена Крыловы, Марик Менхин, Коля Гаврилов, братья Владимир и Анатолий Бегуновы, Игорь Ладягин и другие.

Ну, а игр и забав нашей дворовой команды и не перечислишь сразу. В начальном школьном возрасте – одни. Когда стали постарше (5-7 класс) – другие, в юношеском (8-10 классы и техникум) – третьи. Это «казаки и разбойники», лапта, клек и городки, настольный теннис, футбол, волейбол и баскетбол, зимой лыжи, коньки и хоккей с мячом.

В воскресный базарный день из деревень в город по нашей Рабочей улице двигались конные обозы с продуктами на продажу. Зимой мы цеплялись крючками за розвальни и на прищепе поднимались вверх по улице. Вниз же мчались на своих санях с ветерком. Иногда перепадало кнутом по спине. Но если удавалось схватить за кнут, вырвать его у погонщика и убежать в ближайшую подворотню, то затем из этого кнута, развязав его на сыромятные веревки, получались хорошие подвязки для коньков на валенки. Верхом совершенства в мальчишеской ловкости и скорости было умение зацепиться за санями начальника летного училища Лазуко Евгения Михеевича. У меня это получалось чаще других, за что и получил дворовую кличку «вихрь». Красавец серо-дымчатый в белых яблоках конь ежедневно мчал своего седока-полковника в каракулевой папахе на работу и с работы. Этот конь на ипподроме во время «сабантуй» занимал первые места в бегах.

Уже будучи кандидатом в мастера спорта по бегу и приехав в армейский отпуск домой, в Бугуруслан, я выступал на городских соревнованиях за нефтяной техникум. Соревнования проходили на стадионе летного училища, начальник которого награждал победителей. Михеевич, узнав меня, выразил в поздравлении свое восхищение тем, что я остался прежним «вихрем» и пригласил после армии поступать в училище.

Гужевой транспорт в те годы был основным. На его долю выпала вся тяжелая работа: развозить хлеб, молоко, продукты и товары по магазинам; в больших деревянных бочках вывозить нечистоты за город; доставлять газеты и почту.

На телегах ездили «старьевщики» - принимали от населения металлолом, макулатуру и старое тряпье, «живодеры» - отлавливали бродячих собак, «водовозы» - подвозили питьевую воду и другие.

Из автотранспорта были «скорая помощь», две пожарные машины, милицейский «черный ворон», «Победа-секретаря горкома партии да несколько «Москвичей», в том числе, у моего дяди – бурильщика Михаила Рыбакова. Спецтранспорт нефтяников находился за городом и по улицам не ездил.

Самое долгожданное время для нас было – летние каникулы. Из пыльного и жаркого города мы с утра уходили на реку Кинель, которая полукругом огибала городские окраины. Брат Володя с детства пристрастился к рыбалке и не бросал своего увлечения до конца жизни. Сдавая старьевщику цветной металлолом, обменивал его на рыболовные снасти. У него всегда имелся запас крючков на всякую рыбу, поплавок, грузила, леска. Добрый в душе, он снабжал рыболовными снастями всю нашу дворовую команду.

Отправлялись у родителей на ночную рыбалку. Рыба хорошо брала на вечерней и утренней зорьках. Ночевали у костра, подстелив под себя ветки или солому. В одну из ночевок от тлеющего костра у Володьки загорелась одежда и ему пришлось нырять в воду, отделался малыми ожогами. Не так было больно, как жалко прогоревшей одежды, за которую получили от отца солидную взбучку.

Повзрослев до 12-14 лет, на рыбалку вместе с племянниками Мишкой и Юркой стали ездить подальше от города на велосипедах и мотороллере. Привозили с рыбалки хороший улов, которого хватало не только котам, но и к домашнему обеду для всей большой семьи.

Если, приезжая с северов домой в отпуск, не заставя Володю в городе, всегда нахожу его в избранном месте при впадении речушки Мочегай в Кинель. С детьми, а позднее и с внуками, он - на природе у реки с удочками. За воспоминаниями о детстве и юности, душевными разговорами быстро проходит время, и к вечеру возвращаемся отдохнувшими к родному дому.

На мотороллере на рыбалку стали ездить с Вовкой задолго до получения водительских прав. Отец приучал нас к механизмам смолоду и доверял мотороллер с 14-ти лет, когда я поступил в нефтяной техникум на специальность «машинное оборудование промыслов». Однажды, при возвращении с рыбалки, уже вечером, за 30 километров от города спустило заднее колесо. Дыра в камере такая, что заплатки не хватает. Что делать? Володька, чтобы не «изжевать» и сохранить покрывку, предложил переставить заднее колесо на переднее, а покрывку вместо камеры набить сеном. Сам он сел на задний багажник и мы, как циркачи, балансируя на заднем колесе, доехали до дома. Три раза добавляли сено в

покрышку, но сохранили ее, за что от отца получили похвалу за смекалку. Мотороллер «Вятка» отцу отдал старший сын и наш брат Анатолий, когда уехал в Москву учиться в нефтяном институте имени И.М. Губкина. Зарплаты родителей еле-еле хватало на питание и простую одежку – вельветовую или байковую ковбойку, шаровары да кеды; зимой – ватную фуфайку, шапку из овчины, подшитые толстым брезентом валенки да вязаные рукавицы. Носки и рукавички мать вязала сама. Сама на ножной пралке, крутя в руках веретено, из овечьей шерсти тянула нитки.

В одну из зим нас с Вовкой определили в интернат в соседнем городе Бузулуке. Интернат находился за городом в заповеднике – Бузулуком сосновом бору, красивейшем месте на берегу реки Боровки. Только там мы наедались до отвала и ощутили, что такое быть сытым и не просить горбушку хлеба с солью и подсолнечным маслом.

Летом как членам многодетной семьи, нам с Вовкой давали путевки в пионерский лагерь «Нефтяник», который находился в лесу за городом на берегу пруда. Отец, достигнув пенсионного возраста, все лето работал там мотористом, давая свет и воду. В пионерском отряде мы были один месяц, а остальные два за летние каникулы жили рядом с лагерем в избушке отца. Избушка находилась в глубине леса за оврагом в 500 метрах от лагеря, и мы там жили одни. Отец приходил поздно вечером после отбоя в лагере, приносил еду. Мы всегда дожидались его. Иногда он разрешал нам быть вместе с ним в дизельной – сарае, где работали генератор и водяной электронасос.

Особенно интересно нам было смотреть за работой отца при ремонте механизмов и подавать ему необходимые ключи, молоток, пассатижи, зубило, лерку или метчик и другой необходимый инструмент. Со временем мы с Володкой уже без просьбы отца знали, что ему нужно, и наготове держали в руках необходимый инструмент. К 14-ти годам мы самостоятельно могли разобрать, отремонтировать и собрать двигатель, и учеба в техникуме давалась нам легко. Продолжая трудовую династию родителей, 18 детей, внуков, правнуков закончили Бугурусланский нефтяной техникум, а праправнук Игорек сегодня – студент 2-го курса. В числе первых выпускников в 1948-м году был мой дядя – Репин Геннадий Алексеевич, муж старшей сестры Зинаиды.

На 60-летие нефтяного техникума мы с Володей от имени нашей семейной трудовой династии оставили благодарственную запись в книге отзывов выпускников. Добрым словом вспомнили директора Волохина Ивана Николаевича, преподавателей: Скрылева Михаила Федоровича, Нейфельд Галину Артуровну, Фролова Анатолия Григорьевича, проработавших в техникуме по несколько десятков лет. Лето на природе, в лесу или на реке пролетало незаметно, и вот уже наступала осень, учеба в школе, первый снег и зимние детские забавы. Старшие сестры Тамара и Юлия увлекли нас катанием на коньках на городском стадионе. Тамара в старших классах серьезно занималась конькобежным спортом и даже выполнила спортивный разряд. Отец купил нам с Вовкой ботинки и сам приклепал к ним настоящие коньки «канадки», имевшие загиб не только спереди, но и сзади, на пятке. Это позволило освоить нам различный ход, резкие повороты и маневры, в том числе бежать спиной вперед. В большой массе катающихся по кругу людей мы играли в «казаков и разбойников», разбившись на две команды. В воскресенье днем играли в хоккей с мячом – «бенди», участвовали в соревнованиях между школами, а затем – за нефтяной техникум. Наш друг по техникуму Слава Наумов жил возле стадиона, так мы переодевались у него и на коньках перелезали через забор на лед, минуя входные ворота. За вход на стадион и пользование раздевалкой надо было платить деньги, которых у нас зачастую не было. Да и мальчишеская смелость и задор позволяли перескакивать через забор, минуя охрану.

После школы, пообедав, мы брали с собой коньки и сначала шли в детскую библиотеку, которая находилась рядом со стадионом на Комсомольской улице.

Мы с Вовкой любили сидеть в теплом читальном зале и читать редкие и интересные книги, которые не давали на дом. Это и русские народные сказки, похождения Гулливера и барона Мюнхгаузена, сказки Андерсена и Гофмана, «Книгу джунглей» про мальчика Маугли английского писателя Киплинга. Став постарше, зачитывались приключениями Жюль Верна, Майн Рида, Стивенсона, Джека Лондона. Конечно, не обошли стороной и четырехтомник Александра Дюма про мушкетеров Д'Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса.

Когда получили паспорта, стали ходить уже в центральную городскую библиотеку имени А.С. Пушкина. Большой читальный зал с хрустальной люстрой и резной лепкой на потолке и стенах, столы с голубой скатертью и настольной лампой с зеленым абажуром, полнейшая тишина настраивали на серьезное чтение и глубокие размышления. Увлекались классической русской и зарубежной

литературой: Толстой, Некрасов, Гоголь, Чехов, Достоевский, Горький, Островский, Шолохов, Пушкин, Бунин, Блок, Есенин, Маяковский, а так же Бальзак, Жорж Санд, Митчелл, Голсуорси и другие.

Наши отец с матерью были большими любителями литературы и имели небольшую домашнюю библиотеку. Мать была неграмотной, но немного читать и писать умела. Поздно вечером из маленькой комнаты родителей доносился тихий голос отца, который вслух читал очередной роман. Нам, мальчишкам, хотелось подслушать у двери, но если отец заставал нас, то серьезно наказывал и загонял по своим постелям, вручив детские книжки или стихи.

Любовь к книгам у нас с Володи́ем с возрастом не остыла. Наши домашние библиотеки насчитывают сотни томов, отмеченных на первой странице родовым экслибрисом. Еще Володя, в отличие от меня, унаследовал от родителей прекрасный музыкальный слух. Отец играл и аккомпанировал себе на многих музыкальных инструментах. Но особенно он любил свой трофейный аккордеон «Goldon» и русскую балалайку. Володя же играл на гитаре и первым его учителем был Анатолий Маслаков – муж нашей старшей сестры Тамары. Голос у Володи́и с небольшой хрипотцой, особенно когда выпьет, похожий на голос его тезки Владимира Высоцкого. В его репертуаре были запрещенные тогда песни Высоцкого. В 70-е годы прошлого столетия, бывая в отпуске на Черном море, я привозил из Одессы для брата магнитофонные кассеты и бобины с записями Владимира Высоцкого, купленные на «черном» рынке с рук.

Примечательный момент в моей жизни, связанный с Владимиром Высоцким, произошел летом 1980 года в Москве. Будучи на XXII Олимпиаде, 28 июля я ехал в метро к новому крытому стадиону «Олимпийский», где проходили соревнования по боксу. При выходе из метро вместе с основным потоком людей направился по проспекту Мира, полагая, что все идут к стадиону. Однако скорбные лица, тихий говор и чёрные платки на головах женщин принудили меня спросить о случившемся. Я настолько был увлечен в эти дни Олимпиадой, на которую собирался в Москву целых четыре года, что не знал о кончине 25-го июля Владимира Высоцкого. Да об этом в праздничные дни всего спортивного мира и не сообщалось ни по телевидению, ни по радио, ни в газетах. А москвичи в эти дни (город был закрыт для въезда на дни Олимпиады) шли прощаться с Владимиром Высоцким и хоронить его на Ваганьковском кладбище. На дневные соревнования по боксу, которые начинались в 12 часов, я не пошел. Двигаясь в многолюдной очереди, прошел в театре мимо гроба, в котором лежал Владимир Высоцкий. Вечерние соревнования по боксу, начинавшиеся в 18 часов, я смотрел под впечатлением песни Высоцкого о поединке боксеров. Перед сном выпил стакан водки. Так прошел тяжелый понедельник 28 июля 1980 года, после которого я не могу без горького осадка в душе переносить скорбные минуты прощания, особенно с близкими родственниками и друзьями.

У нефтяников Тюмени с поэтом завязались добрые отношения. В 1972 году Высоцкий напишет стихотворение "Революция в Тюмени". Оно не было известно широкой публике, не стало песней, но для сибиряков - первооткрывателей тюменской нефти — каждая его строчка будто бы взята из их собственных биографий. И, может быть, в дань памяти Высоцкого и его тезки – моего брата Владимира, уместно вспомнить именно эти стихи:

В нас вера есть, и не в одних богов!
Нам нефть из недр не поднесут на блюще:
Освобожденье от земных оков —
Есть цель несоциальных революций.
В болото входит бур, как в масло нож.
Владыка тьмы, мы примем отречение!
Земле мы кровь пускаем — ну и что ж, —
А это ей приносит облегченье.
Под визг лебе́док и под вой сирен
Мы ждём — мы не созрели для оваций, —
Но близок час великих перемен
И революционных ситуаций!
В борьбе у нас нет классовых врагов —
Лишь гул подземных нефтяных течений, —
Но есть сопротивление пластов,

И есть, есть ломка старых представлений.
 Пока здесь вышки как бамбук росли,
 Мы вдруг познали истину простую:
 Что мы нашли не нефть — а соль земли,
 И раскусили эту соль земную.
 Болит кора Земли, и пульс возрос,
 Боль нестерпима, силы на исходе, —
 И нефть в утробе призывает — "SOS",
 Вся исходя тоскою по свободе.
 Мы разглядели, различили боль
 Сквозь меди блеск и через запах розы, —
 Ведь это не поваренная соль,
 А это — человечьи пот и слёзы.
 Пробились буры, бездну вскрыл алмаз —
 И нефть из скважин бьёт фонтаном мысли, —
 Становится энергиею масс —
 В прямом и тоже переносном смысле.
 Угар победы, пламя не угробь,
 И ритма не глуши, копытный дробот!..
 Излишки нефти стравливали в Обь,
 Пока не проложили нефтепровод.
 Но что поделать, если льёт из жерл
 Мощнее всех источников овечьих,
 И что за революция — без жертв,
 К тому же здесь ещё — без человечьих?
 Пусть скажут, что сужу я с кондачка,
 Но мысль меня такая поразила:
 Теория "великого скачка"
 В Тюмени подтвержденье получила.
 И пусть мои стихи верны на треть,
 Пусть уличён я в слабом разуменье,
 Но нефть — свободна, — не могу не петь
 Про эту революцию в Тюмени!

Мой брат Володя часть характера - смелость, независимость, даже в какой-то степени горячность (от слова «гореть» - давать тепло души людям), - наверное, взял от своего кумира – тезки Владимира Высоцкого. Он мог прыгнуть с Кинельского моста в воду вниз головой с высоты пятиэтажного дома или идти по дремучему ночному лесу, напевая веселую песенку Паганеля из фильма «Дети капитана Гранта». Однажды, когда я купил с первой полочки настоящий гоночный велосипед, он без разрешения покатил на нем вниз по крутой Рабочей улице и, нажимая назад на педали, хотел затормозить, но велосипед его не слушался. Тогда он на всем ходу свернул в кювет и ободрался до крови, но обошлось без переломов. Обычно катались на велосипедах с ножными тормозами, а у гоночного были ручные, о чем он не знал. Было ему в ту пору 14 лет, а мне 16 с половиной, и я окончил курсы мотоциклистов, получил права и на летних каникулах после второго курса техникума работал водителем грузового мотороллера при ресторане. Мотороллер был единственным транспортом, конечно, кроме лошади с телегой, на котором я возил деликатесные продукты с базы и свежие мясо, фрукты, овощи и молочные продукты с загородного совхоза.

Обедал в отдельном кабинете ресторана для служащих. Так отъелся за каникулы, что закатывал по доске на кузов мотороллера 100 литровую бочку пива. Загружал разную закуску и красных вареных раков и вместе с буфетчицей ехали торговать на стадион, где проходил очередной футбольный матч местной команды «Нефтяник» на первенство области. Мы с братом и друзьями азартно болели за нашу команду, в которой играли наши спортивные кумиры: вратарь Владимир Ильин, защитники Муреёко,

Ржевский, Маслаков и Николай Шамшаев, полузащитники Максимкин и Полупанов, нападающие Королев, Федор Шамшаев, братья Савины. Они же защищали честь города и зимой, играя в хоккей с мячом.

Видно, в те годы, в возрасте 14-16 лет, мы с Володей серьезнее стали воспринимать занятия спортом, записались в секции и выступали в соревнованиях на первенство города за техникум по хоккею и лыжам, настольному теннису, а летом гоняли на велосипедах и бегали кроссы. К призыву в армию в физическом отношении были готовы, да и морально отец как участник Гражданской и Отечественной войн воспитывал нас к несению службы и защите Отечества.

После окончания нефтяного техникума, когда я работал на гиганте Самотлора (самое большое месторождение нефти в СССР), мне дали трехгодичную отсрочку от призыва в армию. Так что служили в армии мы с Володей и племянником Михаилом Бавенковым в одно время, в 1967-1970 годах, но в разных местах. Володя – артиллеристом на Дальнем Востоке, Михаил – танкистом в Группе Советских войск в Германии, а я в войсках противовоздушной обороны в Азербайджане. Разбросало нас по разным сторонам, но переписывались мы регулярно. Обязательно писали домой родителям, друзьям юности и по работе. Не забывали нас и девушки. Служили все с желанием, честно и умело, за что получали сержантские звания, увольнения в город и десятидневные отпуска домой.

Один из нашей дворовой команды и братьев Макаровых – Володя, проходил службу тоже в Азербайджане, в тридцати километрах от нашей воинской части, которая находилась в пригороде Баку – поселке нефтяников Шихово, добывающих нефть на шельфе Каспийского моря в НГДУ «Лениннефть». В одно из увольнений я переоделся в спортивную форму и сбегал в горы за 30 километров к Володе Макарову, своему земляку. Возвращаясь проселочными дорогами обратно в часть, оставив отару надежным дрессированным овчаркам. Три собаки, оскалив пасти и окружив меня, не давали тронуться с места до прихода моего освободителя – старца-пастуха. К окончанию увольнения все-таки успел вернуться в часть. Боязнь собак с тех пор у меня не проходит, что они, вероятно, чувствуют, ибо проявляют агрессивность, когда я на тренировках бегу в лесу или парковой зоне. Приходится для большей уверенности носить с собой газовый баллончик или пневматический пистолет, а иногда и применять их по назначению. Помогает, особенно против собак бойцовской или охранной породы: бульдогов, ротвейлеров, овчарок.

После демобилизации из армии в 1970-м году мы вернулись на свои места жительства и работы. Я – в Тюменскую область на Самотлор, в Мегионскую нефтегазоразведочную экспедицию, брат Володя и племянник Михаил – на родину, в Бугуруслан. Володя работал бурильщиком в Управлении буровых работ, а Михаил монтажником буровых установок. В моих планах, как и у старшего брата, Анатолия, было получение высшего образования, к чему я начал готовиться после пятилетнего перерыва – зарабатывать деньги и штудировать математику, физику и литературу к предстоящим экзаменам.

Володя и Михаил обзавелись семьями, продолжили работать в неперспективном нефтяном регионе Поволжья и Оренбургской области и с интересом наблюдали за развивающимся топливно-энергетическим комплексом Западной Сибири. Во время моих отпускных встреч расспрашивали об условиях работы, жизни, природе и климате. Все это их завораживало, и они готовы были тронуться с насиженных мест. У Володи в ту пору (январь 1974 года) родилась дочь Марина, а молодая жена Галина работала преподавателем в музыкальной школе. Мой сын Алешка родился годом раньше.

В Западной Сибири, в Сургуте, уже работал наш старший брат Анатолий после окончания Московского института нефтехимической и газовой промышленности имени И.М. Губкина. Старшая сестра Зинаида вместе с мужем Геннадием Репиным – начальником вышкомонтажного цеха - жили с детьми и работали в городе Стрежевом Томской области, недалеко, в 90 километрах, от Нижневартовска. В начале 70-х годов прошлого века в связи с потребностью резкого увеличения объемов добычи нефти и газа, начал развиваться вахтовый метод освоения нефтяных регионов Западной Сибири. Использование этого метода позволяло существенно экономить средства на социально-культурное развитие. Вот и Володя с Михаилом стали в составе бригады летать из Куйбышева в Нефтегоганск, а оттуда на вертолете или вездеходе на месторождения нефти. Полноценными квалифицированными буровыми и вышкомонтажными бригадами работали вахтовики в полевых условиях без выходных в течение месяца. Длительный перелет в другие природно-климатические условия, с лету - в работу, в жару и холод на открытом воздухе, под мириадами комаров, мошки и паутов – все это сказывалось на здоровье и

моральном самочувствии и многие не выдерживали таких жизненных испытаний. Свыше 25-ти лет проработали в таких условиях мой брат и племянник и рано ушли из жизни, отдав все профессиональные знания, силы и собственное здоровье на благо процветания СССР и России, добывая «черное золото» Югры.

Сбылись слова Михайло Ломоносова: «Могущество России прирастать Сибирью будет».

Михаил Васильевич Бавенков скончался в 1999-м году, в возрасте 51 года от воспаления легких и туберкулеза, а мой брат Владимир в 2006 - году в возрасте 57 лет от инсульта. Похоронены они на родине, в Бугуруслане, рядом со своими родителями и старшими сестрами.

Жизнь не стоит на месте, жизнь продолжается...

Совсем недавно, в марте и июле 2008 года, родились Миша и Светлана – праправнуки в нашей большой семье, насчитывающей 62 члена и берущей родословное начало с 1860 года от деда Кузьмы и бабушки Прасковьи.

В 2010 году знаменательный юбилей – 150 лет рода и 100 лет трудовой династии нефтяников Федотовых.

Жизнь не останавливается. Пока бьется сердце, марафоны продолжаютя...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

САМОТЛОРСКИЙ МАРАФОН

Глава первая. Третье Баку - открытие века.....	4
Глава вторая. Детство и школьные годы.....	10
Глава третья. Армейская служба.....	14
Глава четвертая. Возвращение на Самотлор.....	15
Глава пятая. Студенческие годы.....	16
Глава шестая. Укрощение Варьегана.....	19

Часть вторая

СУРГУТСКИЙ МАРАФОН

Глава первая. Первопроходцы.....	45
Глава вторая. Старший брат.....	55
Глава третья. Я - буровик Сибири.....	61

Часть третья

МАРАФОН ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Глава первая. Ускорение поиска.....	102
Глава вторая. Младший брат.....	120

Виктор Алексеевич Федотов

МАРАФОН

Под редакцией профессора, доктора филологии
ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ДВОРЯШИНА

Дизайн-проект

Верстка

Оператор набора ФЕДОТОВА ЕЛЕНА

Использованы фотоархивы семьи Федотовых и геологического музея
ОАО «Обьнефтегазгеология».

ISBN 978-5-87247-541-5

Сдано в набор 1.10.2009. Подписано в печать 15.02.2010.

Формат 60x84/8. Бумага ВХИ 80 г/м².

Гарнитура Classic Russian, Cyrillic Compressed.

Заказ 120. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ООО «ПК «Заураль», 640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

E-mail: zpress@zaural.ru; www.zpress.zaural.ru

Фонд «Словесность», автор выражают благодарность за финансовую поддержку издания книги спонсорам:

ОАО «Обънефтегазгеология» (Генеральный директор С. И. Кириченко)

ООО «НАДЖА» (Н. В. Пархомович)

ООО «Прайс-Информ» (И. З. Зайнутдинов)

АО «РИТЭК-ЕНПС», г. Москва (В. А. Бурко)

Администрации города Сургута

ПОКОРИТЕЛЯМ
САМОЛЁТА

фон
афон
Н

Марафон

Марафон

Марафон

Марафон

Марафон

Марафон